



The New York Times Bestseller

ОРУДИЯ СМЕРТИ

КНИГА VI

ГОРОД
НЕБЕСНОГО ОГНЯ
КАССАНДРА КЛЭР

Сумеречные охотники

Кассандра Клэр

**Орудия Смерти.
Город небесного огня**

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Клэр К.

Орудия Смерти. Город небесного огня / К. Клэр — «Издательство АСТ», 2014 — (Сумеречные охотники)

ISBN 978-5-17-112062-7

Тьма возвращается в мир Сумеречных охотников. Их общество снова распадается, и тогда Клэри, Джейс, Саймон и их друзья должны снова собраться вместе для величайшей битвы с ужасным злым противником – родным братом Клэри. Себастьян Моргенштерн заставляет нефилимов идти против братьев. Используя Чашу Смерти, он разделяет семьи и возлюбленных и превращает Сумеречных охотников в порождения мрака, чтобы пополнить ряды своей мрачной армии. Любовь будет принесена в жертву, и многие отдадут жизнь в страшном сражении за судьбу этого мира в захватывающем заключительном романе серии «Орудия смерти».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-112062-7

© Клэр К., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Пролог. Как снег на голову	6
Часть первая. Извлеку из тебя огонь	17
1. Одна Чаша на всех	17
2. На щите или под щитом	33
3. Птицы на утесе	42
4. Темнее золота	55
5. Мера мщения	67
6. Братец Свинец и сестрица Сталь[6]	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Кассандра Клэр

Орудия Смерти. Город небесного огня

Cassandra Clare

THE MORTAL INSTRUMENTS

City of City Heavenly Fire

© 2014 by Cassandra Clare, LLC

© И. Судакевич, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Элиасу и Джоуну

*В Боге слава, ведь если человек мечтает, Искру огня небес в душе
он обретает.*

Джон Драйден, «Авессалом и Ахитофел»

Пролог. Как снег на голову

Институт Лос-Анджелеса, декабрь 2007 г.

В день, когда погибли родители Эммы Карстэйрс, погода стояла отличная. С другой стороны, погода в Лос-Анджелесе почти всегда радует.

Ясным зимним утром они высадили Эмму возле Института за Прибрежным шоссе. На небе – ни облачка, сплошная безбрежная синь, протянувшаяся от утесов Пасифик-Палисадес до пляжей Пойнт-Дюма.

Ночью доставили сводку о демонической активности в районе береговых пещер Лео-Каррильо. Расследование поручили Карстэйрсам. Позже в памяти Эммы всплыло, как мама, поправляя выбитую ветром прядь, предложила отцу начертать Руну отваги, на что Джон Карстэйрс лишь рассмеялся и ответил, что не очень-то доверяет всем этим новомодным рунам. Дескать, спасибо, но ему вполне хватает и «Серой книги».

Впрочем, в тот момент Эмме было недосуг слушать споры про защитные руны и прочие обереги. Наскоро обняв родителей, она побежала вверх по ступенькам, не обращая внимания на бьющий по лопаткам рюкзачок.

Эмма до сих пор была в восторге, что удалось устроиться стажером в Институт. И дело не в том, что здесь жил Джулиан, ее лучший друг, – всякий раз, оказываясь внутри этих стен, она испытывала пьянящее чувство полета над океаном, который был рядом, только руку протяни. Институт представлял собой массивное сооружение из камня и дерева в конце усыпанной гравием дороги, вившейся между холмами. Все его окна выходили на океан и небо, отчего дух захватывало. Девочка мечтала как-нибудь разок забраться вместе с Джулианом на крышу – жаль только, что родители запрещали, а ей так хотелось проверить, можно ли оттуда разглядеть границу пустыни в южной стороне.

Входная дверь ее узнала и послушно поддалась при первом же прикосновении. Вестибюль и коридоры нижних этажей были многолюдны – Сумеречные охотники сновали по своим делам. Должно быть, какое-то совещание, решила Эмма. Из толпы ее глаза выхватили Эндрю Блэкторна, отца Джулиана и главу Института. Не желая терять время на приветствия, она шмыгнула в раздевалку на втором этаже, где сменила свои джинсы и футболку на униформу стажера: безразмерную рубашку, хлопчатобумажные штаны свободного покроя и – самая важная деталь экипировки – заплочный меч.

Кортана. Это слово означало «малый меч», хотя, с точки зрения Эммы, ничего малого в нем не было: лезвие длиной с ее собственное предплечье. Гравировка на искрящемся металле до сих пор вызывала у девочки произвольные мурашки: «*Я – Кортана, той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль*».

Отец объяснил, что это значит, когда впервые вложил клинок в руки десятилетней дочери.

– Будешь с ним тренироваться с моего разрешения, пока не достигнешь восемнадцати. И уже тогда он станет твоим, – сказал он и, с улыбкой наблюдая, как Эмма водит пальцем по надписи, спросил: – Что, непонятно?

Она помотала головой. «Сталь» – это понятно, но вот «закалка»... При чем тут физзарядка и утренние обливания холодной водой, на которых всегда настаивал отец, мол, закаляйся! Разве у стали бывает насморк?

– Ты ведь слышала про Вэйландов? – продолжил отец. – Они были знаменитыми оружейниками еще до того, как Железные сестры взялись ковать все клинки Сумеречных охотников. Из горнила Вэйланда-Кузнеца вышли *Экскалибур* и *Жуаёз*, мечи короля Артура и Ланселота, а также *Дюрандаль*, принадлежавший героическому Роланду. Так вот, этот меч тоже выковали Вэйланды, из той же самой стали. А любую сталь полагается закалять, то есть сильно-

сильно нагреть, чуть ли не до расплавления, чтобы сделать прочнее... – Он поцеловал дочь в макушку. – Мы, Карстэйрсы, носили этот меч многие поколения, и гравировка напоминает нам, что Сумеречные охотники суть оружие Ангела. Пусть нас закаляет огонь – от этого мы лишь прибавляем в силе. Страдания нас не сломят, мы всегда выживем.

Эмма чуть не прыгала от нетерпения: скорей бы пролетели эти шесть лет, что отделяли ее от восемнадцатого дня рождения, когда ей уже можно будет странствовать по миру, уничтожая демонов, когда ее саму опалит то самое закаляющее пламя. Но пока что пришлось довольствоваться тем, что, надев перевязь с мечом, Эмма покинула раздевалку, на ходу воображая, как все будет. Вот она стоит на вершине утеса на мысе Пойнт-Дюм – его даже отсюда видно, – и *Кортаной* отражает атаку целого полчища раум-демонов. А плечом к плечу с ней бьется Джулиан – естественно! – разя врагов из своего любимого арбалета.

Эмма и представить не могла, что Джулса по какой-то причине не будет рядом. Они были знакомы... в общем, сколько она себя помнила. Блэкторны и Карстэйрсы всегда держались вместе, а Джулс был всего-то на пару-другую месяцев постарше; можно сказать, Эмма всю жизнь в буквальном смысле провела в компании своего друга. Еще в младенческом возрасте они сообща учились плавать в океане, потом встали на ноги, потом выучились бегать – тоже вместе. Эмму носили на руках его родители, а старшие брат с сестрой поучали уму-разуму, когда они с Джулсом уж очень шалили.

Что, кстати, случалось сплошь и рядом. Взять хотя бы тот случай, когда они сделали ярко-синим семейного кота Блэкторнов, белого и пушистого Оскара. В ту пору им было по семь лет. Всю вину принял на себя Джулс; он вообще отличался этим свойством – проявлять благородство. В конце концов, рассудительно пояснил мальчик, Эмма – единственный ребенок в семье, зато у него самого имелось еще шестеро братьев и сестер, так что старшие Блэкторны куда быстрее забудут про свой гнев, нежели старшие Карстэйрсы.

А еще Эмма хорошо помнила те дни, когда умерла мама Джулса – это произошло вскоре после рождения Тавви. Пока в каньоне пылал погребальный костер и в небо тянулся столб дыма, она стояла, сжимая руку друга в своей ладони. Джулс плакал, а она думала о том, что мальчишки плачут по-другому, не как девчонки, – из горла Джулса вылетали не то всхлипы, не то надрывные стоны, словно ему раздирали тело крючьями. Не исключено, что мальчишкам вообще приходится труднее, ведь им, если по правилам, не полагается плакать...

– Ой! – Эмма чуть не опрокинулась на спину, когда, увлеченная собственными мыслями, нечаянно наткнулась на Блэкторна-старшего, высокого мужчину с такой же растрепанной шевелюрой, как у большинства его детей. – Простите, пожалуйста, мистер Блэкторн, я не нарочно!

Тот добродушно усмехнулся:

– В жизни не видал человека, который бы так спешил на занятия.

Последние слова она уже не услышала, успев умчаться в глубь коридора.

Учебный класс был одним из любимейших помещений Эммы во всем институтском корпусе. Он занимал чуть ли не целый этаж, а его восточные и западные стены были сделаны из прозрачного стекла. Куда ни бросишь взгляд, повсюду видна синевая моря. Линия побережья плавно изгибалась с севера на юг, а на запад, за горизонт, к невидимым отсюда Гавайям, уходил безбрежный простор Тихого океана.

В центре зала, отражаясь в идеально отполированном паркете, стояла семейная воспитательница Блэкторнов, властолюбивая и суровая Кейт, в данную минуту увлеченная уроком метания ножей, который она преподавала двойняшкам. Ливви прилежно следовала указаниям, а вот Тай хмурился и держался строптиво.

Джулиан, одетый в свободный тренировочный костюм, лежал на боку возле западного панорамного окна, что-то втолковывая Марку, который делал вид, что с головой ушел в свою книжку и ни чуточки не замечает болтовни младшего сводного брата.

– А тебе не кажется, что имя Марк плохо подходит Сумеречному охотнику? – услышала Эмма, приблизившись к ребятам. – Сам подумай. Ведь что значит «Марк»? «Знак», «отметина» и так далее. Вот подойдет кто-нибудь и скажет: «А ну-ка, Метка, где твоя отметка?» Тебе понравится?

Марк тряхнул светлой шевелюрой и гневно уставился на Джулиана, который рассеянно поигрывал стилусом, держа его как кисточку, о чем Эмма не переставала делать ему замечания. Это же, можно сказать, продолжение руки Охотника, а вовсе не орудие маляра.

Марк театрально вздохнул. Ему перевалило за шестнадцать, и он считал себя достаточно взрослым, чтобы воспринимать любые поступки Эммы и Джулиана как проявление детской глупости.

– Если тебя это волнует, можешь звать меня полным именем, – сказал он.

– Марк Энтони Блэкторн? – скривился Джулиан. – Слишком длинное. А если на нас демоны нападут, что тогда? Пока я доберусь до «Блэкторна», тебя уже прикончат.

– Думаешь, если они нападут, это *ты* будешь меня спасать? – вскинул брови Марк. – Ничего не перепутал? Еще посмотрим, кто до кого доберется. Салага!

– Мало ли чего на свете не бывает, – подтягивая коленки к груди, пробурчал Джулиан, задетый пренебрежительным тоном.

Волосы у него торчали во все стороны, как у деревенского пугала. Хелен, старшая сестрица, регулярно атаквала Джулса щетками и расческами, но все без толку. У него была типично блэкторновская шевелюра, как у отца и большинства братьев и сестер, – другими словами, непокорная поросль каштанового цвета, или цвета темного шоколада, как определяла Эмма. Их фамильное сходство всегда завораживало девочку, которая мало чем походила на отца с матерью, разве что цветом кудрей: ее отец был блондин.

Последние месяцы Хелен пребывала в Идрисе вместе с Алиной, своей подругой. Они обменялись семейными кольцами и, как выражались Эммины родители, «были настроены весьма серьезно», имея в виду, что девушки смотрели друг на друга увлажненными глазами. Понаблюдав за ними, Эмма решила, что, если ей когда-либо доведется влюбиться, она ни за что не позволит себе подобную слащавость. Она чувствовала, что окружающие придают какое-то особое значение тому факту, что и Хелен и Алина были девушками, однако не могла взять в толк отчего. Блэкторнам, судя по всему, Алина нравилась. Рядом с ней всегда было спокойно, и Хелен в ее присутствии уже не так напоминала сердитого ежика.

Отсутствие Хелен, впрочем, означало, что о прическе Джулса заботиться некому, и солнечный свет, заливавший учебный зал, казалось, окунул кончики его растрепанных вихров в расплавленное золото. Сквозь панорамные окна восточной стены виднелись тенистые прогалыны гор, чья вереница отделяла море от Санфернадской долины: сухие, пыльные, изрезанные каньонами холмы, испещренные кактусами и зарослями прочих колючек. Порой Сумеречные охотники выходили на полевые тренировки, и Эмма особенно любила такие дни, когда можно было отыскать тайные тропы, которые вели к таинственным водопадам, где на близлежащих камнях уютно пригрелись разленившиеся ящерицы. Джулиан владел искусством приманивать их к себе в ладонь, где они застывали, пока он тихонько гладил им затылок большим пальцем.

– Берегись!

Эмма инстинктивно пригнулась, и над ее головой просвистел нож с деревянным лезвием. Учебный клинок врезался в окно и, отскочив, угодил Марку в ногу. Юноша отложил книгу и поднялся, обводя зал хмурым взглядом. Вообще говоря, на занятиях он считался помощником Кейт и должен был присматривать за порядком, хотя предпочитал просто читать в сторонке, а не возиться с преподаванием.

– Тиберий, – мрачно сказал он. – Прекрати швыряться в меня ножами.

– Он не нарочно. – Ливви решительно встала между Марком и своим братом-близнецом.

Тибериус был столь же смугл, насколько Марк светлокож, и он был единственным из Блэкторнов, если не принимать во внимание Марка с Хелен – эти двое из-за своей крови фейри не считались, – кто не обладал каштановыми кудрями и аквамаринными глазами, характерными семейными признаками. У Тая была волнистая смолотная шевелюра и серые глаза, отливавшие сталью.

– Не извольте сомневаться, – заявил Тай. – Я целился в него преднамеренно. И даже попал.

Марк раздраженно втянул воздух через стиснутые зубы и обеими руками подергал себя за волосы. Глаза у него были типичные блэкторновские, ярко-зеленые, зато волосы, как и у Хелен, были светлыми, материнскими. Поговаривали, что их родительница была принцессой Летнего двора; плодом ее интрижки с Эндрю Блэкторном стали двое детей, которых она как-то ночью оставила на ступенях Института, после чего навсегда исчезла.

Отец Джулиана принял полукровок в свою семью и воспитал из них Сумеречных охотников. Эта кровь была доминантной, и, хотя Совет косо смотрел на подобные вещи, подкидышам позволили оставаться под крылом Конклава до тех пор, пока их кожа сможет носить на себе руны. И Хелен, и Марк получили свои первые знаки в десятилетнем возрасте, и их кожа действительно все выдержала, хотя Эмма, присутствовавшая на церемонии, отметила про себя, что рунизация сказала на Марке куда болезненнее, чем на обычном Сумеречном охотнике. Пока стилус выписывал знаки и фигуры, мальчишка морщился, хотя отважно пытался это скрыть. В последнее время, кстати, она много чего еще начинала находить в Марке, к примеру, как привлекательно смотрится его немного странное, отмеченное эльфийскими чертами лицо и насколько широки его плечи под складками бесформенной футболки. Она и сама не понимала, с какой стати вдруг начала обращать внимание на подобные особенности, и за это дулась на саму себя. Порой от досады хотелось даже прикрикнуть на Марка, а иногда тянуло куда-то убежать и спрятаться. Хуже всего было, когда накатывало желание проделать и то, и другое одновременно.

– Смотри, дырку протрешь, – сказал Джулиан, поглядывая на нее поверх вымазанных краской колен.

Эмма встрепенулась, выбитая из размышлений:

– А? Какая дырка?

– В Марке, естественно. Опять на него уставилась.

В его голосе звучала досадливая обида.

– Не ори! – прошипела она и выхватила из руки Джулса стилус.

Мальчишка тут же дернул его обратно, началась молчаливая, но ожесточенная схватка, кто кого. Наконец Эмма со смешком перекатилась в сторону. Они с таких давних пор тренировались вместе, что девочка заранее могла сказать, какой прием Джулс вот-вот применит. Беда лишь в том, что Эмма слишком мягко к нему относилась, и малейшая мысль, что кто-то может причинить ее другу вред, доводила ее чуть ли не до бешенства. Порой даже в собственный адрес.

– Ты все еще злишься из-за тех пчел, да? – тем временем произнес Марк, направляясь к Тиберию. – Но сам посуди, нельзя же держать пчел в собственной комнате!

– А вот мне сдается, ты поступил злокозненно, желая мне досадить, – сообщил Тай.

Он был невысок росточком для своего возраста – только что пошел в третий класс, – зато словарным запасом и своеобразной манерой выражаться мог запросто сойти за дедушку лет эдак восьмидесяти. Врал он в редчайших случаях, а все из-за того, что не понимал, какая ему будет от этого польза. Вдобавок Тай не мог взять в толк, отчего некоторые его слова и поступки могут дико взбесить окружающих, так что чужой гнев приводил его порой в открытое недоумение, а порой пугал, что целиком зависело от его текущего настроения.

– При чем тут «досадить»? Тай, ты же сам понимаешь, что нельзя держать пчел в доме...

– Я их изучал! – багровея, объяснил Тай. – Это важное дело, к тому же они мне друзья, и вообще, я отлично разбираюсь, что и как надо делать!

– А про гремучую змею уже забыл? – поинтересовался Марк. – Нам иногда приходится отбирать у тебя кое-какие вещи лишь потому, что мы желаем тебе добра, ведь ты можешь пострадать. Да, я знаю, тебе трудно это понять, но мы все же тебя любим.

Тай уставился ему в лицо. Он знал, что означают слова «я тебя люблю», знал, что они предполагают нечто хорошее, однако не мог взять в толк, как это помогает хоть что-то объяснить или оправдать.

Марк нагнулся и уперся ладонями в колени, смотря Таю прямо в глаза:

– Ладно, мы сделаем вот что...

– Ха! – Эмма наконец-то сумела уложить Джулиана на лопатки и отобрать стилус.

Хихикая словно от щекотки, мальчишка извивался под ней до тех пор, пока она не припилила обе его руки к полу.

– Сдаюсь, – присипел он, ухмыляясь. – Силачка несчастная.

Джулиан откровенно над ней насмеялся, и Эмма вдруг сообразила, что вот эта поза – верхом на Джулсе – была вообще-то странноватая, к тому же в голову отчего-то полезли мысли, что у него, как и у Марка, тоже симпатичная физиономия. Круглая, мальчишеская, давным-давно знакомая, но сейчас Эмма, словно заглядывая в будущее, видела, каким будет это лицо, когда он повзрослеет.

В зале раздался гул: сработал звонок у входа в Институт. Звук от него исходил низкий, тягучий, как у церковного колокола. Со стороны, а вернее сказать, в глазах *примитивных*, то есть простых обывателей, Институт напоминал руины то ли католической миссии, то ли монастырской школы; кругом были расставлены таблички «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» и «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», однако, несмотря на это, кое-кто из мирян (как правило, одаренных малой толикой Видения) время от времени все же добирался до входной двери.

Эмма скатилась с Джулиана и принялась отряхиваться. Девочка уже не смеялась. Джулиан приподнялся и с тревожным любопытством вскинул на нее глаза:

– Все в порядке?

– Локтем ударилась, – буркнула Эмма, озираясь по сторонам. Ливви послушно следила за Кейт, которая учила ее правильно держать нож, а Тай до сих пор неодобрительно покачивал головой, вероятно, думая о словах Марка. Тай... Именно Эмма невольно дала Тиберию это прозвище, а все потому, что он родился, когда ей самой было полтора года и она еще не могла правильно произносить его имя. «Тай-Тай», – говорила она. «Интересно, а он сам-то об этом помнит?» – подумала девочка. Тай вообще очень необычен: что-то сразу привлекает его внимание, а что-то он в упор не замечает. Абсолютно непредсказуемый тип.

– Эмма?..

Джулиан подался вперед, и вдруг кругом все взорвалось. Яркая вспышка – и внешний мир за стеклом стал бело-золотым с красными сполохами, будто Институт охватило пламя. Пол под ногами накренился, словно корабельная палуба. Эмма качнулась и упала, а с нижних этажей наплывал страшный, нечленораздельный крик.

Ливви всхлипнула, кинулась к Таю, обхватила брата обеими руками, как если бы заслоняла от угрозы собственным телом. Она принадлежала к тем немногим, кому Тай позволял к себе прикасаться; мальчик стоял как вкопанный, одной рукой вцепившись в рукав сестринской футболки. Сбитый с ног Марк уже поднимался; темная шевелюра Кейт подчеркивала бледность ее лица.

– Вы двое ни с места, – приказала она Эмме с Джулианом, извлекая меч из поясных ножен. – Присмотрите за близняшками. Марк, ты со мной.

– Нет уж! – возмутился Джулиан, вскакивая с пола. – Марк...

– Ничего, я справлюсь, – улыбнулся тот, даря младшему брату подбадривающую улыбку; у него в руках уже виднелись клинки. С ножами он умел работать, меткостью отличался замечательной. – Будь рядом с Эммой, – добавил он и, коротко кивнув обоим, исчез вслед за Кейт. Дверь в тренировочный зал гулко захлопнулась.

Джулс шагнул к Эмме, подал руку и помог встать. Ей захотелось сказать, мол, не стоит беспокоиться, я и сама могу, но помощь все же приняла. Сейчас она особенно остро понимала, как это важно: делать что-то продуктивное, лишь бы чем-то подсобить. Снизу донесся очередной крик, где-то звонко лопнуло и осыпалось стекло. Эмма кинулась к двойняшкам; те не шевелились, словно превратились в крошечные статуи. Ливви была пепельно-бледной; Тай цеплялся за ее футболку до побелевших костяшек.

– Ничего, все обойдется, – сказал Джулиан, кладя руку на худенькое плечо младшего брата. – Что бы ни случилось, все будет хорошо...

– Да ведь ты не понимаешь, что происходит, – возразил Тай сдавленным голосом. – Как же ты можешь заявлять, будто все обойдется? Ты же не знаешь, в чем тут дело.

Вновь раздался какой-то вопль. Даже не крик, а нечто худшее. Скорее вой, дикий и зловеющий. «*Неужто оборотни?*» – растерянно предположила Эмма. Да нет, боевой клич оборотней она уже слышала, тут что-то гораздо более темное. И жестокое.

Ливви прижалась к брату-близнецу. Тай вскинул глаза на старших, внимательно прищелкнул к Эмме, перевел взгляд на Джулиана.

– Если мы решим здесь прятаться, – сказал он, – и они нас найдут, то за все, что случится с нашей сестрой, отвечать будешь *ты*.

Ливви терлась лицом о его плечо; мальчик говорил негромко и спокойно, но Эмма ни капли не сомневалась в предельной серьезности его слов. Каким бы пугающе глубоким ни был его интеллект, какими бы странностями в отношении чужих людей он ни отличался, Тай был неразлучен со своей сестрой. Когда Ливви болела, он спал в изножье ее кровати, стоило ей оцарапать руку, как он впадал в панику, и то же самое можно было наблюдать с ее стороны.

На лице Джулиана всеми красками играли противоречивые эмоции. Он встретился взглядом с Эммой, и она едва заметно кивнула. Остаться здесь, в тренировочном зале, и покорно ждать, пока за ними придут «крикуны» с нижних этажей... От самой этой мысли не то что мурашки бежали – кожа съеживалась, будто хотела слезть с костей.

Джулиан прошелся по залу и вернулся с арбалетом и парой кинжалов.

– Тай, тебе придется на время отпустить Ливви, – сказал он.

Поколебавшись секунду-другую, близнецы перестали напоминать сиамскую пару. Джулс передал Ливви один из ножей, второй протянул Тиберию, но тот уставился на клинок с видом человека, наткнувшегося на инопланетный артефакт.

– Ответь-ка, – сказал Джулс, опуская руку, – все-таки зачем ты притащил пчел в свою комнату? Чем они тебе так глянулись?

Мальчик молчал.

– Тем, что они отлично сработались, да? – продолжил Джулиан. – А теперь прикинь такую вещь: сейчас мы тоже должны действовать сообща. Надо добраться до Командного пункта и выйти на связь с Конклавом. Подать сигнал SOS. Усекаешь, да? Чтобы они выслали подкрепление и нас выручили.

Сухо кивнув, Тай протянул ладонь за клинком:

– То же самое и я собирался предложить. Если б только Кейт с Марком умели слушать...

– Вот именно, – подала наконец голос и Ливви. Свой кинжал она взяла намного уверенней, чем брат, словно уже знала, что и как делают с холодным оружием. – Тай всегда смотрит в корень.

– Ладно, – сказал Джулиан. – С этого момента ведем себя как можно тише. Вы двое пробираетесь со мной до Командного пункта. – Он вскинул взгляд на Эмму: – А Эмма идет за Тавви и Дрю и потом встречается с нами. Договорились?

У девочки дернулось и ушло в пятки сердце, упало камнем, как морская чайка. Октавию всего-то пара годиков от роду. А восьмилетняя Дрю еще и к физподготовке приступить не успела, не говоря уже про боевой курс. Но ведь кому-то же надо за ними отправиться? Да и в глазах Джулиана читается мольба.

– Ясное дело, – кивнула она. – Я как раз собиралась этим заняться.

Кортана надежно закреплена на спине, в руке – метательный нож. По венам будто пульсирует жидкий металл в такт биению сердца. Эмма скользит по коридорам Института, прижимаясь к стенам. То тут, то там путь прерывается холлами, в чьи окна маняще заглядывают зеленые горы и синий океан с такими мирными, белоснежными облаками над ним – будто в издевку. На ум пришли родители: должно быть, нежатся сейчас где-нибудь на пляже, ни сном ни духом не ведая, что творится в Институте. Эх, вот бы их сюда на подмогу; а с другой стороны, хорошо, что беда их миновала...

Эмма добралась до той части институтского корпуса, которая была ей особенно хорошо знакома: семейный сектор, общежитие. Девочка прошмыгнула мимо пустующей комнаты Хелен, где почти не осталось личных вещей, а плед на кровати успел запылиться. Вот и закуток Джулиана, где после миллиона вечерних посиделок ей тоже все знакомо. Комната Марка – заперто. Следующей по счету шла спальня мистера Блэкторна, и как раз с ней по соседству располагалась детская. Эмма сделала глубокий вдох и плечом толкнула дверную створку.

От увиденного в крошечной голубой комнатухе у нее до предела распахнулись глаза. Тавви стоял в своей кровати, вцепившись ручонками в прутья. Весь красный, даже багровый от долгого крика. Друзилла, загораживая брата, заняла оборонительную стойку; обеими руками она стискивала меч – одному Ангелу известно, где только она его раздобыла, – кончик которого был нацелен прямо на Эмму. Руки Дрю ходили ходуном, косички торчали, будто рога у козленка, но в ее типично блэкторновском взгляде ясно читалось: «Попробуй тронь моего брата».

– Дрю, – как можно безмятежнее промолвила Эмма. – Дрю, это я. Джулс меня за вами прислал.

Выпав из рук малышки, меч лязгнул о пол, а сама она зашлась плачем. Эмма скользнула к кровати, свободной рукой выхватила оттуда карапуза и посадила себе на бедро. Тавви был мал для своего возраста, однако весил не меньше десяти кило... вдобавок он тут же вцепился ей в волосы. Девочка только охнула.

– Мемма, – сообщил кроха.

– Да-да, это я. Тс-с, сиди тихо. – Она поцеловала его в макушку, от которой пахло детской присыпкой и слезами. – Так, Дрю, хватайся за мой ремень, ясно? Идем на Командный пункт. Там мы в безопасности.

Дрю сунула обе руки за оружейный пояс Эммы; она уже перестала плакать. Сумеречные охотники вообще не пласивы, даже если им всего-то восемь лет.

Эмма выглянула в коридор. Шум внизу был еще жутче. По-прежнему раздавались чьи-то вопли и низкий вой, звенело стекло, трещали доски. Эмма двинулась вперед, крепко прижимая Тавви и бормоча что-то невнятное, но успокоительное, мол, все устроится и все будет хорошо. В этой части Института было особенно много окон, и солнечный свет бил сквозь проемы жестко и грубо, словно специально хотел ослепить.

А ведь она и вправду едва видела перед собой: не только из-за солнца, но и из-за паники. И по этой причине свернула не туда. Не успев сообразить, что к чему, вместо знакомого коридора

дора Эмма с детьми оказалась на верхней площадке широкой лестницы, которая вела прямо в вестибюль с громадной двустворчатой дверью, за которой была улица.

Весь нижний этаж был заполнен Сумеречными охотниками. Кое-кто в черной униформе, что выдавало, как знала Эмма, его принадлежность к нефилимам лос-анджелесского братства, другие – в красной. Статуи, ранее украшавшие вестибюль, были повалены, пол засыпан обломками и мраморной крошкой. Витражное окно, смотревшее на океан, разбито вдребезги, повсюду стекло и кровавые потеки.

В животе у девочки сжался тугой, болезненный ком. Посреди всего этого разгрома высилась одинокая фигура в алом. Белесые, чуть ли не седые волосы, лицо с чеканным профилем, напоминающее лик Разиэля, только без капли милосердия, глаза черные, как антрацит, в одной руке меч со звездчатым узором, в другой – кубок из мерцающего *адамаса*.

При виде чаши что-то шевельнулось в памяти Эммы. Взрослые не очень-то любили обсуждать политику в присутствии малолеток, но девочка знала, что сын Валентина Моргенштерна сменил имя и поклялся отомстить Конклаву. А еще она знала, что он создал свой кубок – абсолютную противоположность Чаши смерти, так как превращал Сумеречных охотников в демонические создания, воплощение зла. Ей доводилось слышать, как мистер Блэкторн именовал переродившихся охотников не Сумеречными, а Помраченными, вроде бы это определение дал Конклав, а еще он говорил, что скорее умрет, чем согласится стать одним из них.

Так вот он каков, Джонатан Моргенштерн, которого все называли Себастьяном. Персонаж злой сказки, как выясняется, не был всего лишь страшилкой для детей, а оказался фигурой во плоти. *Сын самого Валентина...*

Эмма ладонью прижала голову Тавви к своему плечу. Она не могла сойти с места, будто чугунные вериги нацепила. Кругом Себастьяна кишели Сумеречные охотники в красном и черном, да еще какие-то личности в темных плащах – они что, тоже Охотники? Трудно сказать: их лица прятались в глубь капюшонов... Стоп! А вот и Марк! Руки юноши завернуты за спину, в затылок дышит какой-то стражник в красном. Оба метательных ножа валяются на полу, тренировочная униформа перемазана кровью.

Себастьян вскинул руку и крючком согнул фарфорово-белый палец.

– Ко мне ее, – приказал он.

По толпе пошла рябь, ряды Охотников раздвинулись, и вперед шагнул мистер Блэкторн, таща за собой Кейт. Наставница его детей отчаянно упиралась, силилась отбиться, но тот был слишком силен. Эмма глазам своим не поверила, когда мистер Блэкторн толкнул Кейт на пол, вынуждая встать на колени.

– Ну а теперь, – прошепел Себастьян голосом, каким мог бы разговаривать шелк, – испей из Чаши ада.

С этими словами он наклонил кубок, вжимая ободок в стиснутые губы Кейт.

Вот когда Эмма наконец узнала, откуда брался тот страшный вой. Кейт попыталась отвернуться, однако мистер Блэкторн без церемоний вдавил кубок сильнее, заставляя разжать рот, и Эмма увидела, как женщина сделала глоток. Кейт вновь отчаянно дернулась в сторону, но на этот раз Блэкторн дал ей свободу; он хохотал, вторя Себастьяну. Женщина упала на пол, тело забилося в конвульсиях, а из глотки вырвался тот самый вопль, который на самом деле был воем боли, словно саму ее душу разлучали с телом.

По вестибюлю прокатился одобрителный смех; Себастьян усмехнулся, в его лице мелькнуло что-то предельно жуткое и одновременно притягательное: так смертоносная змея может блистать своей красотой, да и большая белая акула тоже.

Эмма увидела кое-что еще: за Себастьяном неотступно следовали двое. Седеющая особа с боевым топором в руках и какая-то высоченная личность, закутанная в угольно-черный плащ.

Ничего иного не было видно, разве что мыски темных сапог выглядывали из-под полы. Рост и ширина плеч выдавали в нем мужчину.

– Это все, что осталось от местных Охотников? – спросил Себастьян.

– Еще есть мальчишка, Марк Блэкторн, – ответила женщина, топором показывая на юношу. – По годам вроде подходит.

Себастьян бросил взгляд на Кейт, которая уже не билась в конвульсиях, а лежала у его ног как мертвая; за спутанными волосами лица не было видно.

– Встань, сестрица Кейт, – промолвил он. – Встань и приведи мне этого Марка Блэкторна.

На глазах оцепеневшей Эммы Кейт медленно поднялась. Сколько девочка себя помнила, эта женщина всегда работала в Институте: она вела занятия, когда родился Тавви, когда умерла мама Джулса, да и когда сама Эмма приступила к курсу боевой подготовки. Кейт преподавала им иностранные языки, перевязывала порезы и прикладывала примочки к ушибленным местам, и именно из ее рук дети получили свое первое оружие. Все это время она была членом семьи, зато сейчас – с пустым взглядом, механически переступая через мусор на полу, – она тянула руки, чтобы схватить Марка.

Дрю всхлипнула, тут же выбив Эмму из ступора. Девочка развернулась и сунула Тавви в руки сестры; та пошатнулась от неожиданности, но миг сориентировалась и прижала к себе малыша.

– Беги, – шепнула Эмма. – Дуй что есть сил на Командный пункт. Скажешь Джулиану, мол, я здесь.

В ее голосе читалось что-то такое, что не допускало возражений. Друзилла и не стала спорить, а просто кивнула и, крепче обхватив брата, беззвучно, босиком, полетела по коридору.

Проводив ее взглядом, Эмма вновь стала наблюдать жуткое зрелище, что разворачивалось этажом ниже. Кейт подталкивала Марка в спину – не рукой, а кончиком ножа между лопатками. Подростка пошатывало, он едва не упал под ноги Себастьяну. Сейчас было видно, что он побывал в настоящем бою: на руках и запястьях резаные раны, лицо испещрено свежими шрамами; он явно не имел времени для выписывания исцеляющих рун. Правая щека представляла собой один сплошной кровоподтек.

Себастьян критически осмотрел пленника и раздраженно выпятил нижнюю губу.

– Этот экземпляр вовсе не полноценный нефилим, – процедил он. – Смахивает на помесь. Кровь фейри, если не ошибаюсь. Почему не доложили?

По толпе пронесся встревоженный шепоток. Женщина с топором опасно поинтересовалась:

– Лорд Себастьян! Означает ли это, что Чаша на нем не сработает?...

– Я не к этому, – поморщился Себастьян. – А к тому, что он мне неинтересен.

– Его можно отправить в Соляную долину, – предложила все та же воительница. – Или, скажем, на Эдомские вершины, и там принести в жертву, на радость Асмодею и Лилит...

– Нет, – ответил Себастьян. – Нет, это было бы неразумно. Полагаю, вряд ли следует проделывать такие вещи с носителями крови Дивного народца.

Марк плюнул ему в лицо.

Себастьян так изумился, что пару секунд просто хлопал глазами. Затем он обернулся к отцу Джулиана.

– Подойди и научи его уму-разуму, – сказал он. – Если хочешь, можешь поранить, я не против. У меня нет никакого желания терпеть выходки твоего отпрыска-полукровки.

Блэкторн шагнул вперед, вздымая двуручный меч. Лезвие уже было окрашено чьей-то кровью. Глаза Марка распахнулись от ужаса. Меч пошел вверх...

Метательный нож покинул ладонь Эммы и, пролетев по воздуху, вонзился в грудь Себастьяна Моргенштерна.

Тот покачнулся, а меч Блэкторна упал вместе с безвольно повисшей рукой. Многие в толпе закричали, а Марк, пока Себастьян разглядывал рукоять, торчавшую из груди ровно-хонько напротив сердца, уже принял боевую стойку, сжав кулаки.

– Гм, – сказал Себастьян и со скучающим видом выдернул клинок.

Лезвие было алым от крови, но Себастьяна это явно не беспокоило. Отшвырнув оружие в сторону, он вскинул голову, разглядывая лестничную площадку. Эмма физически ощутила взгляд темных, пустых глаз, которые словно ощупали ее ледяными пальцами. Девочке показалось, что ее взвешивают, оценивают степень исходящей угрозы, сопоставляют данные и, наконец, с презрительным безразличием принимают решение.

– Жаль, что ты не переживешь этот день, – сообщил Себастьян, обращаясь к Эмме. – А то смогла бы уведомить Конклав, что Лилит даровала мне необоримую силу. Мою жизнь оборвет разве что меч, подобный Блистательному. Что ж, тем хуже для нефилимов, что они больше не могут взывать к заступничеству Небес, и те жалкие зубочистки, что они пытаются выковать в своей Адамантовой цитадели, уже не в состоянии мне навредить. – Он обернулся к своей армии и, брезгливо отряхивая одежду, приказал: – Убейте девчонку.

Марк бросился к ступенькам, очевидно, желая опередить других и защитить ее, но темная личность в плаще перехватила юношу на бегу и дернула назад. Руки в черных перчатках крепко обвили торс. Марк отбивался как мог, но тут его заслонила толпа Помраченных, лавиной хлынувшая на лестницу.

Девочка ринулась прочь. Бегать она выучилась на калифорнийских пляжах, где песок ежесекундно уходит из-под ног, так что на твердом покрытии она могла посоперничать с самим ветром. Она неслась по коридору, перепрыгивая через скамьи, затем одним махом преодолела коротенький пролет из ступенек, резко свернула вправо и ворвалась в Командный пункт, как ребята именовали офис институтской администрации.

Помещение отличалось внушительными размерами, стены были уставлены стеллажами с разными справочниками. Этажом выше имелась Библиотека, но именно отсюда мистер Блэкторн командовал всем учреждением. Вот его стол красного дерева с двумя телефонами: один белый, другой черный. Сейчас трубка черного аппарата находилась в руке Джулиана, и мальчишка надрывался, крича в микрофон:

– Говорю вам, вы обязаны держать Портал открытым! Мы еще в опасности! Повторяю...

Дверь за спиной Эммы застонала – Помраченные навалились на захлопнутую створку. Джулиан встревоженно вскинул взгляд и при виде девочки выронил телефон. Эмма безмолвно смотрела то на друга, то на восточную стену за его плечом, вернее, на светящуюся пелену вместо бетона. Это и был Портал, эфемерный прямоугольник, в котором вертелись какие-то серебристые формы, метались разодранные облака и бушевал ветер.

На подкашивающихся ногах Эмма приблизилась к Джулиану, и он схватил ее за плечи, словно хотел на ощупь убедиться, что перед ним не привидение.

– Эмма... – выдохнул он и тут же взял себя в руки. Голос его обрел силу и напор: – Так, а где Марк? И что с моим отцом?

Девочка помотала головой:

– Они... я не смогла... – Эмма сглотнула. – Это Себастьян Моргенштерн, – прошептала она и вздрогнула от очередного удара по двери. – За ними придется вернуться...

Девочка повернулась к двери, но Джулиан перехватил ее за руку.

– В Портал! – крикнул он, пересиливая нарастающий вой ветра и шум в коридоре. – Прыжок в Идريس! Быстрее! Конклав вот-вот перекроет портал!

– Но как же Марк?! – воскликнула она, хотя и сама не понимала, что можно предпринять в такой ситуации: как пробиться сквозь армию Помраченных, дубасящих в дверь, и как совладать с Себастьяном Моргенштерном, чья мощь превосходила силы любого Сумеречного охотника. – Надо что-то делать...

– *Да Эмма же!* – в отчаянии крикнул Джулиан, и в этот миг дверь поддалась.

В комнату хлынул поток озверелых помощников Себастьяна. Воительница с топором кричала что-то про эдомский огонь, где сгорят все нефилимы вместе с их отродьем...

Джулиан кинулся к Порталу, дернув за собой Эмму; та лишь успела испуганно обернуться. Возле правого виска свистнула стрела и со звоном вынесла оконное стекло. Джулс стиснул пальцы на запястье Эммы плотнее и вместе с ней вывалился в портал.

Часть первая. Извлеку из тебя огонь

*Я извлеку из среды тебя огонь, который и пожрет
тебя:
и Я превращу тебя в пепел на земле перед глазами
всех, видящих тебя.
Все, знавшие тебя среди народов, изумятся о тебе;
ты сделаешься ужасом,
и не будет тебя во веки.*

Книга пророка Иезекииля, 28:18–19

1. Одна Чаша на всех

– Вообрази себе что-нибудь умиротворяющее.

Допустим, пляж под Лос-Анджелесом: белый песочек, негромкий рокот прибоя, ты эдак мирно прогуливаешься вдоль кромки набегающих волн и...

Джейс насмешливо приоткрыл один глаз:

– Ой, до чего романтично.

Парень, сидевший напротив, вздохнул и почесал в затылке, еще больше растрепав темную шевелюру. Хотя стоял промозглый декабрьский денек, оборотни обладали меньшей чувствительностью к холоду, нежели люди, и вот почему Джордан не только был без куртки, но и закатал рукава рубашки. Ребята расположились на одной из полянок Центрального парка, устроившись прямо на пожухлой траве в особенной позе: ноги скрещены по-турецки, руки на коленях, ладони обращены вверх.

Неподалеку от них высилась скала – по-видимому, выход какой-то горной породы. Отколовшиеся в свое время куски усыпали землю разнокалиберными глыбами, одну из которых Изабель и Алек Лайтвуды приспособили себе под скамейку. На вскинутый взгляд Джейса девушка ободряюще помахала рукой. Алек, заметив этот жест, недовольно толкнул ее в плечо. Было видно, что он что-то втолковывает Иззи – должно быть, напоминает, что нельзя отвлекать внимание того, кто из всех сил старается сосредоточиться. Джейс мысленно улыбнулся: никто не настаивал, чтобы Лайтвуды составили им компанию, и тем не менее они все-таки здесь. Якобы для моральной поддержки, хотя, как подозревал Джейс, Алек последнее время просто устал болтаться без дела, Изабель же ревновала брата к его свободолюбию и вечно таскалась следом, к тому же они оба старательно избегали родителей и не хотели показываться в Институте.

Джордан щелкнул пальцами под носом «ученика»:

– Эй, ты вообще меня слушаешь?

Джейс нахмурился:

– Слушал. Пока ты не пустился в затасканные пошлости. Тоже мне, психолог... Начитался, поди, рекламных брошюр.

– Ах так? Ну тогда изволь сам сообщить, какая именно ментальная картинка вызывает у тебя спокойствие и умиротворенность.

Джейс снял ладони с колен – от сидения в позе лотоса ныли запястья – и слегка откинулся, опираясь о землю заведенными назад руками. Холодный ветер шелестел немногочисленными сухими листьями, что еще оставались в кронах деревьев; на бледном фоне зимнего неба они смотрелись чуть ли не элегантно, словно на рисунке пером.

– Какая картинка, спрашиваешь? А про то, как я убиваю демонов, – сказал он. – Видеть, как после грамотно проведенного приема валится замоченный тобой демон, – это, знаешь ли, очень умиротворяет и успокаивает. Хотя бывают случаи, когда из них брызжет во все стороны, так я этого не люблю. Подтирать замучаешься, да и...

– Хватит.

Джордан вскинул ладони. Сползшие рукава приоткрыли вытатуированные узоры, что испещряли его кожу. «*Шанти, шанти, шанти*», – бормотал он. Джейс знал, что «шанти» означает «мир, превосходящий всякое понимание»¹ и что для погружения в покой это слово полагается произнести троекратно. Увы, последнее время ничто, кажется, не способно было привести его в равновесие. Огонь в жилах не давал уму передышки, мысли набегали слишком резво, обгоняя друг дружку, ни дать ни взять фейерверк в голове. Сновидения, столь же яркие и красочные, как и живописные холсты старых мастеров... Он старался вытравить это наваждение, час за часом отдавая всего себя тренировкам, тяжелым трудом и потом зарабатывая синяки и шишки, а однажды он так и вовсе сломал несколько пальцев. Ничего, впрочем, добиться не удалось, если не считать, что он довел Алека до белого каления вечными просьбами помочь с исцеляющими рунами и вдобавок ко всему умудрился поджечь стропила.

К счастью, Саймон однажды обмолвился, что его сосед по комнате медитирует каждый день, и, если верить его словам, именно этот навык позволил ему обуздать приступы неконтролируемой ярости, которые зачастую сопровождают превращение в волка. А отсюда было уже рукой подать до предложения Клэри – мол, пусть Джейс тоже это попробует. И вот почему они уже второй раз устраивают медитационный практикум. Первое занятие кончилось тем, что Джейс развел костер прямо на паркете в комнате Саймона и Джордана, в результате чего Джордан настоял, чтобы отныне все тренировки проходили на свежем воздухе. Во избежание. А то ведь выселят, чего доброго...

– Никаких картинок про убийства, – твердо заявил Джордан. – Мы просто стараемся, чтобы тебе было спокойно и уютно. Война, кровь, кишки на полу – это все вещи отнюдь не умиротворяющие. Разве у тебя нет других приятных воспоминаний?

– Оружие, – пожал плечами Джейс. – Обожаю, сил нет.

– Так. Боюсь, у нас тут клинический случай персонально извращенной философии бытия.

Джейс подался вперед, упираясь руками в землю.

– Я воин, – негромко, но внятно произнес он. – Ратоборец. Меня таким на свет произвели и вырастили. У меня никогда не было игрушек. Я забавлялся оружием. Да я спал в обнимку с деревянным мечом аж до пяти лет! Мои первые книжки с картинками были средневековыми демонологиями. Колыбельные песенки? Заклинания против демонов. Так что не надо мне рассказывать, что именно приносит умиротворение и покой. Какие там пляжи с белым песочком, поющие птицы на ветвях. Ты что, совсем обалдел? Лучше дай мне в одну руку меч, а в другую – стратегию беспроблемной битвы!

Джордан невозмутимо смотрел ему в лицо:

– Ты хочешь сказать, для тебя покой – это война?

Джейс выразительно воздел руки к небу, затем поднялся, отряхивая джинсы:

– Поздравляю, наконец-то ты угодил в точку.

Он обернулся на треск сухой травы и успел заметить силуэт Клэри между деревьями. Через пару секунд она вышла на полянку. За ней неотступно следовал Саймон. Клэри держала руки в задних карманах и чему-то смеялась.

¹ *Шанти, шанти, шанти* – заключительные слова «Упанишад». Автор дает их перевод в трактовке Т. С. Элиота, размещенной в автокомментарии к поэме «Бесплодная земля» (1922). Строго говоря, на санскрите это слово означает «покой», в то время как «мир, превосходящий всякое понимание» – это почти прямая цитата из библейского Послания к Филиппийцам, 4:7. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Джейс понаблюдал за ними; есть что-то в том, когда смотришь на людей, не подозревающих о чужом пристальном взгляде. В памяти всплыл случай, когда он случайно увидел Клэри: на противоположном конце кофейного зала «Джава Джонс». Тогда она тоже смеялась и болтала с Саймоном, прямо как сейчас. Вспомнилось, каким неприятным комком шевельнулась в груди ранее незнакомое чувство ревности, не давая сделать вдох, и как потом нахлынуло злорадное удовольствие, когда она подошла поговорить, оставив Саймона в одиночестве.

Но времена меняются. Его уже не снедает ревность в адрес Саймона, зато появилось сдержанно-ворчливое уважение к его упрямству и храбрости, вплоть до того, что уже можно бы думать о нем как о друге, хотя вряд ли это слово будет когда-либо произнесено вслух. Джейс мигнул, когда Клэри вдруг бросила на него взгляд и послала воздушный поцелуй, мотнув при этом рыжей косичкой. Она такая маленькая, вернее, хрупкая, словно фарфоровая куколка, – вот что первое приходит в голову, пока не узнаешь, до чего она сильная...

Клэри направилась к Джейсу с Джорданом, оставив Саймона карабкаться по валунам к тому месту, где сидели Алек с Изабель; отдуваясь, парень устроился возле девушки, которая тут же подалась к его плечу, о чем-то щебеча; движения губ не разобрать из-за темной вуали волос, скрывавших ее лицо.

Клэри остановилась перед Джейсом, покачиваясь на каблуках и насмешливо улыбаясь:

– Ну, как успехи?

– Джордан хочет, чтобы я думал про пляж с песочком, – мрачно вздохнул Джейс.

– Упрямец, правда? – обратилась девушка к Джордану. – На самом деле он хочет сказать, что это ему по душе и он жутко благодарен.

– Вот уж черта с два! – возмутился Джейс.

Джордан фыркнул:

– Без меня ты бы летел сейчас по Мэдисон-авеню, постреливая огнем из всех своих отверстий. – Он тоже поднялся на ноги и, покряхтывая, принялся натягивать зеленую куртку. – Твой дружочек с приветом, – сообщил он Клэри.

– Это точно, – согласилась та. – Ни убавить, ни прибавить.

Джордан скорчил гримасу, но в ней не было злости.

– Ладно, – сказал он, – я пошел. Еще с Майей надо встретиться.

Вскинув руку в насмешливом прощальном жесте, он скользнул в заросли и тут же скрылся из виду без малейшего звука, как и подобает волку. Джейс еще пару мгновений смотрел ему вслед. «Кто бы мог подумать...» – мелькнула рассеянная мысль. Действительно, еще с полгода назад он счел бы ненормальным всякого, кто заявил бы, что его, Джейса, поджидают лекции, читаемые оборотнем.

За последние месяцы у него с Джорданом и Саймоном и в самом деле возникло что-то вроде дружбы. Он то и дело спасался у них в комнатухе от ежедневной институтской суеты, где слишком многое напоминало о том, до чего Конклав был еще не готов к полномасштабной схватке с Себастьяном.

*Erchomai – Я грядущий*². Словно легчайшим пером это слово вдруг коснулось изнанки мыслей, заставив вздрогнуть и поежиться. Перед глазами мелькнул образ оторванного крыла ангела, брошенного в лужу золотой крови.

– Эй, ты чего? – насторожилась Клэри.

Судя по лицу Джейса, парень находился сейчас в миллионе километров отсюда. Впрочем, с тех пор как Небесный огонь поселился в его теле, он все чаще уходил в глубь самого себя. Девушка подозревала, что это был побочный эффект подавления эмоций, и испытала прилив сочувствия, даже вины. Когда они познакомились, Джейс был до того сдержан и подвержен

² Эти слова часто встречаются в греческом тексте Библии, где, в частности, они относятся к появлению Вифлеемской звезды, пришествию Иисуса Христа и т. д.

самоконтролю, что его сокровенная суть пробивалась наружу, можно сказать, как свет сквозь щели в рыцарских доспехах. Чтобы сорвать всю эту защиту, ушло немало времени. Зато теперь, когда пламя в его венах заставляло вновь нацеплять броню – на сей раз, чтобы не навредить другим, – вставал новый вопрос: сумеет ли он снова раскрыться, когда кончится эта война?

Джейс моргнул, выбитый из ступора девичьим голосом. Зимнее солнце, хоть и стояло в зените, было холодным; под его лучами черты лица заострились, глазные впадины оттенились. Он протянул руку к Клэри и вздохнул.

– Ты была права, – промолвил Джейс тем серьезным, особенным голосом, который берег только для нее. – Занятия с Джорданом и вправду помогают. Честное слово. И мне действительно это нравится.

– Да я так и думала.

Клэри обвила пальцами его запястье. Кожа была теплой, вернее, даже горячей, явно на несколько градусов выше нормальной температуры. Все это началось после того, как Блистательный, меч архангела Михаила, отделил Джейса от *не*-Джейса. Сердце парня стучало в привычном, ровном ритме, зато вены, сквозь которые прокачивалась кровь, теперь чуть ли не гудели, как пламя, бушующее за закрытой дверцей печи.

Клэри привстала на цыпочки, собираясь поцеловать его в щеку, но он обернул к ней лицо, и их губы встретились. С той поры, как огонь впервые завел свою песню у него в крови, между ними ничего не было, кроме нескольких поцелуев, да и то это можно было назвать поцелуями с натяжкой. Сейчас Джейс вел себя куда смелее, его губы казались мягче, ладонь слегка сжала ей плечо. На какой-то миг их тела соприкоснулись; Клэри физически ощутила, как зудят и пульсируют его вены. Он прижался сильнее, и между ними проскочила искра, сухая и резкая, как разряд статического электричества.

Джейс первым прервал поцелуй и резко выдохнул. Не успела Клэри хоть что-то сказать, как от камней донесли саркастические аплодисменты – им приветственно махали Саймон, Изабель и Алек. Джейс поклонился, а смутившаяся Клэри отшагнула и сунула большие пальцы за пояс.

Парень вздохнул:

– Ну что, пойдем присоединимся к этим беспардонным любителям подсматривать?

– Что поделаешь, других друзей, похоже, у нас не будет.

Саймон и Изабель сидели бок о бок, о чем-то тихо беседуя. Алек, расположившийся поодаль, не отрывал взгляда от экрана мобильного телефона.

Джейс плюхнулся возле своего *парабата*:

– Я слышал, если долго пялиться на эту штуковину, она однажды зазвонит.

– Он переписывается с Магнусом, – сообщила Изабель, бросая на брата неодобрительный взгляд.

– Вранье, – машинально среагировал тот.

– Э-э, да она права, – протянул Джейс, заглядывая Алеку через плечо. – Ох и ничего себе, да у вас целые переговоры ведутся! И не вздумай отрицать, я же вижу.

– Но ведь день рождения же... – Алек решительно захлопнул телефон.

В последнее время он выглядел не лучшим образом: сильно исхудал, и его синий свитер висел теперь мешком; дырки на локтях, обкусанные и запекшиеся губы. Клэри потянуло приласкать его, утешить. Первую неделю после размолвки с Магнусом он провел как в тумане, ничего не видя и не слыша, не в силах поверить в случившееся. Да они и сами не могли в это поверить. Клэри всегда считала, что Магнус любил Алека, в смысле, по-настоящему, без рисовки. И Алек, судя по всему, тоже так считал.

– Я просто хотел, чтобы... ну... в общем, чтобы он не думал, будто я забыл...

– Исстрадался, бедненький, – кивнул Джейс.

Алек дернул плечом:

– Кто бы говорил. «Ой, я так влюблен! Ой, она моя сестра! Ой, что же мне делать...» Джейс швырнул в него горстью опавшей листвы, заставив Алека отмахиваться и отплевываться.

Изабель рассмеялась:

– Джейс, а ведь он прав!

– Дай-ка мне телефончик, – сказал тот, протягивая руку. – Александр! Давай телефон, говорю.

– Это вообще не твое дело. – Алек отставил мобильник подальше. – Забудь, как и не было, договорились?

– Слушай! Ты не ешь, не спишь, весь приклеился к этому дурацкому аппарату и хочешь, чтобы я *просто забыл*?

В голосе Джейса прорезались нотки раздражения; Клэри знала, до чего ему не нравилась обида, нанесенная Алеку, хотя не была уверена, что Алек, в свою очередь, это осознавал. При обычных обстоятельствах Джейс бы прикончил – или как минимум запугал до смерти – любого, кто причинит боль его другу, брату, можно сказать, но этот случай был иным. Джейс обожал выходить победителем, но разве можно одержать победу над разбитым сердцем, пусть бы оно и принадлежало другому? Тому, которого сам любишь?

Джейс подался вбок и без лишних слов выхватил мобильник из ладони *парабаты*. Алек было запротестовал, потянулся за телефоном, но Джейс отстранил его одной рукой, а другой принялся прокручивать сообщения на экране. «*Магнус, пожалуйста, перезвони. Я просто хочу быть уверен, что с тобой все в порядке...*»

Он покачал головой:

– Ну, знаешь ли... Хватит, в самом деле. – И, решительно переломив тонкий телефон пополам, с отвращением швырнул обломки себе под ноги: – Вот так!

Алек ошеломленно смотрел на землю:

– Ты... ты СЛОМАЛ МОЙ ТЕЛЕФОН!!!

Джейс пожал плечами:

– Настоящий друг не даст названивать своим бывшим. Да еще когда при этом дают отбой. Я серьезно. Возьми себя в руки. Ну сколько можно, в самом деле?

Алек побагровел от гнева:

– Ты что себе позволяешь? И вообще, трубка была совсем новой! Вот уж спасибо!

Джейс благосклонно улыбнулся и откинулся спиной на каменную глыбу:

– Всегда пожалуйста.

– А ты взгляни под другим углом, ведь не все так плохо, – вступила Изабель. – Теперь мама не будет доставать тебя смсками. Я вот, к примеру, после шестого сообщения за день вынуждена вообще отключать телефон.

С этими словами она многозначительно похлопала себя по карману.

– А с чего Марица к вам так пристает? – заинтересовался Саймон.

– Да это все из-за совещаний, – дернула плечом Изабель. – Конклав устраивает их одно за другим и хочет, чтобы мы рассказывали, как проходила битва. И вот нам всем пришлось перед ними выступать... я не знаю, раз пятьдесят. «А изложите-ка нам, как Джейса обдало пламенем Блистательного... Опишите отступников, ну, этих, Помраченных... Как выглядит Чаша ада?... В подробностях, в подробностях, пожалуйста. Каким оружием они пользовались, какие руны носили?... Во что был одет Себастьян?... А теперь – во что был одет *каждый* из них?..» Короче, ни дать ни взять секс по телефону, только скучнее.

Саймон поперхнулся.

– А еще им хотелось знать наше мнение о том, чего добивается Себастьян, – подхватил Алек. – И когда он собирается вернуться. И чем займется.

Клэри подалась вперед, оперевшись локтями в колени:

– Приятно слышать, что у Конклава есть тщательно продуманный и надежный план.

– Они просто не желают верить, – высказался Джейс, уставившись в небо. – В том-то и загвоздка. И неважно, сколько раз мы расскажем им про битву и сколько раз повторим, до чего опасны Помраченные. Совет не хочет верить, что нефилимов можно переманить на сторону зла. Что Сумеречные охотники способны убивать своих же собратьев.

Клэри своими глазами видела, как Себастьян создал первых Помраченных. Видела, насколько пуст у них взгляд и с какой яростью они способны сражаться. Эти создания ужасали девушку.

– Нет, они больше не Сумеречные охотники, – тихо промолвила она. – Это – автоматы.

– Пока сам не увидишь, не поверишь, – вздохнул Алек. – Конклав не хочет принимать их за реальную угрозу... Так, крошечное войско, к тому же разрозненное... Скорее они решат, что опасность нависла лишь над нами, над Нью-Йорком, зато в целом Сумеречные охотники пребывают в безопасности.

– Но они правы, считая, что если Себастьяна хоть что-то волнует, так это наша Клэри, – сказал Джейс, и вдоль позвоночника девушки побежали ледяные мурашки тревоги и омерзения. – Правда, он не испытывает настоящих чувств к ней. По крайней мере, не в привычном нам смысле. Но даже если он и питает какие-то чувства, то именно к Клэри. И еще к Джослин. Вот уж кого он *ненавидит*. – Юноша задумчиво помолчал. – Не думаю, однако, что свой удар он нанесет здесь. Это было бы чересчур... очевидным.

– Я надеюсь, ты говорил об этом Конклаву? – нахмурился Саймон.

– Тысячу раз, – махнул рукой Джейс. – Похоже, моя интуиция у них не в почете.

Клэри не отрывала взгляда от своих ладоней. Как и всех остальных, ее тоже допрашивал Конклав. Она ответила на все их вопросы, хотя знала про Себастьяна кое-что такое, о чем предпочла не распространяться. Например, о том, чего он от нее добивался...

После битвы, откуда Джейс вернулся с огнем в жилах, она перестала видеть настоящие сны. Теперь это были просто кошмары, где главной фигурой был Себастьян.

– Все равно что воевать с призраком, – продолжил Джейс. – Конклав не может разыскать Себастьяна, им не удастся ни напасть на его след, ни даже найти тех Охотников, которых он превратил в Помраченных.

– Делают, что могут, – пожал плечами Алек. – Идет укрепление оборонительного периметра вокруг Идриса и Аликанте. На самом деле не только там, а повсюду. Откомандированы десятки экспертов на остров Врангеля.

Остров Врангеля был своего рода центральным нервным узлом всех тех защитных оберегов и заклинаний, которые охраняли мир, и в особенности Идрис, от происков со стороны демонов, не говоря уже про прямое вторжение. Эта охранная сеть не была идеальной, и порой демоны ухитрялись просочиться сквозь нее, однако, если она вдруг вообще исчезнет... Клэри даже поежилась при этой мысли.

– Я слышала от мамы, что маги Спирального лабиринта уже всю ищут способ обернуть вспять эффект действия Чаши ада, – сообщила Изабель. – Думаю, дело пошло бы куда веселее, если б у них имелся реальный материал для экспериментов...

Она затихла. Клэри знала, в чем тут дело. Трупы Темных охотников, погибших в долине, доставили в Город костей, чтобы их там исследовали Безмолвные братья. Увы, за ночь тела успели истлеть так, что напоминали мертвецов десятилетней давности. Только и осталось, что сжечь бранные останки.

Изабель вновь обрела голос:

– Да и Железные сестры работают не покладая рук. На склады поступают тысячи новых клинков и мечей, выкованных в небесном горниле...

Она бросила взгляд на Джейса. Сразу после битвы, когда Небесный огонь метался по его венам с такой силой, что он порой вопил от боли, Безмолвные братья взялись испытывать

его льдом и пламенем, в надежде изыскать способ вытянуть огонь из тела юноши, каким-то образом взять его под контроль.

Ничего не вышло. Пламя, некогда обитавшее в мече, не спешило найти себе новое пристанище. Брат Захария рассказал Клэри, что давным-давно, еще на заре эпохи Сумеречных охотников, нефилимы пытались поймать Небесный огонь и поместить его внутрь оружия, которым можно было разить с успехом демонов. Попытки не удались, так что в конечном счете пришлось остановиться на клинках серафимов, которые и стали их излюбленным оружием. Безмолвным братьям тоже пришлось отступить, и теперь огонь Блистательного таился в жилах Джейса, будто змея, готовая ужалить в любой миг. Ему только и оставалось надеяться, что рано или поздно внутреннее пламя удастся взять под контроль и избежать самоуничтожения.

Громко пискнул мобильник, сообщая об смске. Изабель хлестким движением кисти раскрыла аппарат.

– Мама пишет, чтобы мы немедленно пришли в Институт, – сказала она. – Опять какое-то совещание. Нас уже ждут. – Девушка поднялась, отряхивая джинсы. – Я бы тебя пригласила, – обратилась она к Саймону, – но, сам понимаешь, запрет на нежить, всякое такое...

– Ага, помню-помню, – также поднимаясь, кивнул он.

Вслед за ними встала Клэри и, протягивая руку Джейсу, сказала:

– Мы с Саймоном отправляемся по магазинам по случаю Рождества. Вас с собой не берем, потому что нельзя смотреть на подарки раньше времени.

Алек спал с лица:

– Ты хочешь сказать, что теперь *я тоже должен купить вам подарки*?!

Клэри покачала головой:

– А что, разве Охотники не празднуют Рождество?

Внезапно ей припомнился вечер у Люка, когда на ужине по случаю Дня благодарения народ попросил Джейса разделить жареную индейку, а он возьми да накинься на нее с мечом, так что на блюде остался лишь ворох мелко нарубленного мяса. Может, им и вправду неведомы такие праздники?

– Ну как же, мы обмениваемся подарками, чтим смену времен года, – возразила Изабель. – В свое время был даже обычай отмечать зимой тот день, когда Ангел вручил Джонатану-охотнику Орудия смерти. Подозреваю, впрочем, что многим из нас не нравится оставаться в стороне от веселья, которое позволяют себе *примитивные*, и вот почему среди институтских столь многие устраивают рождественские вечеринки. Лондон, к примеру, этим особенно славится. – Она пожала плечами: – Просто... просто я не думаю, что мы отправимся на праздник в нынешнем году.

– О... – Клэри смутилась. Ну конечно же, они не могут веселиться после потери Макса. – Гм... В общем, мы пошли. Хоть подарки купим... и совсем не обязательно организовывать что-то грандиозное.

– Вот именно. – Саймон развел руками: – Мне, к примеру, надо найти подарки к празднику ханука. Потому что так предписывают законы иудаизма. Еврейский бог страсть какой суровый. И крайне ревнивый по части презентов.

Клэри улыбнулась. Похоже, Саймону с каждым днем все легче и легче произносить слово «бог».

Джейс вздохнул и поцеловал девушку: мимолетный клевок сжатыми губами в висок, но и от этого у нее побежали мурашки. Невозможность по-настоящему прикоснуться к Джейсу или поцеловать его здорово раздражала. Клэри заверяла, что ничего страшного, что она все равно будет любить его, пусть даже не прикасаясь, но правда в том, что все это начинало действовать на нервы: девушке сильно не хватало того чувства защищенности и уверенности, которое приходит, когда люди совместимы физически.

– Давай, до скорого, – сказал Джейс. – А мы с Иззи и Алеком в Институт.

– Э-э нет, – вдруг возразила Изабель. – Ты, мой милый, Алеку телефон раскурочил. Конечно, я не отрицаю, мы все об этом мечтали неделями...

– ИЗАБЕЛЬ... – укоризненно произнес Алек.

– ...но раз уж ты его *парабайтай*, да к тому же единственный, кто еще не поговорил с Магнусом, так сходи к нему да потолкуй.

– О чем, собственно? – надломил бровь Джейс. – Ты что, всерьез думаешь, что простыми словами можно кого-то убедить не расставаться, не рвать отношений?.. А знаешь, что-то в этом есть, – торопливо добавил он, завидев, с каким выражением Алек на него смотрит. – Действительно, чем черт не шутит, а? Попытка, как говорят, не пытка.

– Спасибо. – Алек пожал Джейсу плечо. – До меня давно долетали слухи, что при желании ты бываешь жутко убедительным.

– Ага, как же... – буркнул Джейс, с места переходя на бег трусой.

«Как же он все-таки спортивен. И грациозен, – мрачно подумала про себя Клэри. – Да. И еще сексуален. На все сто».

Она слабо помахала ему вслед: «Увидимся!»

Если не помру от тоски раньше...

Семейство Фрэй никогда не отличалось приверженностью к строгому соблюдению религиозных канонов, но Клэри обожала Пятую авеню в рождественскую пору. Воздух насыщен сладковатым ароматом жареных каштанов, витрины магазинов сияют серебром, мерцают голубыми, изумрудными, алыми искрами. В этом году каждый уличный фонарь украсили внушительными кристаллическими снежинками, отчего лучи зимнего солнца преломлялись во все стороны золотыми копьями. А уж что говорить про исполинскую елку в Рокфеллеровском центре! Тень от лесного великана лежала на Клэри с Саймоном, когда они стояли у ледового катка, разглядывая неумех, еле стоящих на ногах.

У нее в руках была большая чашка горячего какао, и по телу уже разливалось приятное тепло. Сейчас Клэри чувствовала себя почти что обычным человеком: как и все, она пришла на Пятую авеню поглазеть на витрины и елку – у них с Саймоном это вообще была нерушимая многолетняя традиция.

– Как в старое доброе время, правда? – сказал он, словно подслушав ее мысли.

На Саймоне было черное короткое пальто и шарф, подчеркивающий бледность лица. Под глазами расплылись густые тени, свидетельствующие о том, что он уже довольно давно не пил крови. Словом, он выглядел тем, кем, собственно, и был: голодным, усталым вампиром.

«М-да, – подумала она. – *Почти* как в старое доброе время...»

– С той только разницей, что народу вокруг нас прибавилось, так что надо дополнительно запастись подарками, – сказала Клэри. – И еще эта вечная пытка: что бы такое подарить на Рождество человеку, с которым только-только начинаешь встречаться?

– Действительно, что можно презентовать Сумеречному охотнику, у которого все есть? – усмехнувшись, кивнул Саймон.

– Джейсу больше всего нравится оружие, – продолжала рассуждать девушка. – А еще он любит книги, но ведь в Институте и так громадная библиотека... – Тут она просветлела лицом. Саймон был музыкантом, и хотя его группа играла из рук вон плохо, да к тому же они вечно меняли название – недавно остановились на «Летальном суфле», – все же у ее друга было настоящее музыкальное образование. – Слу-ушай! А что бы ты подарил человеку, который любит брэнчать на пианино?

– Рояль.

– Саймон!

– Ну, тогда во-от такущий метроном. Чтоб им можно было охаживать врагов. Как дубиной. Ежели понадобится.

Клэри раздраженно топнула.

– Тогда купи ему ноты. С Рахманиновым еле совладаешь, но ему же нравится борьба...

– А что, хорошая мысль. Надо взглянуть, нет ли здесь поблизости какого-нибудь музыкального магазинчика. – Клэри прикончила свое какао, закинула бумажный стакан в ближайшую урну и вытащила мобильник. – Ну а ты? Что придумал для Изабель?

– Вообще без понятия, – пожал плечами Саймон.

Ребята двинулись в сторону авеню, где толпились зеваки, разглядывая нарядные витрины.

– Ой, да брось! Мне кажется, она непривередливая.

– Ты это... имей в виду: мы сейчас обсуждаем мою девушку. – Саймон сдвинул брови: – Девушку... Не знаю. Мы с ней еще это не обсуждали. В смысле, наши отношения.

– Саймон, не откладывай. РВТ – важнейшее дело.

– Чего-чего?

– РВТ, говорю. «Расставь все точки». Определись: что у вас за отношения? Куда они ведут? Какая из вас получается пара? Скажем, вы просто весело проводите время или у вас, как бы это выразиться... все очень сложно и так далее. Например, она собирается рассказывать о тебе родителям? Держит на коротком поводке, или тебе разрешено встречаться с кем-то еще? Такие вот вещи.

Саймон окончательно побелел:

– Да ты что... серьезно?

– Серьезней некуда. Ну а тем временем – парфюм! – Клэри схватила спутника за воротник и развернула лицом к магазину косметики, где в колоссальной витрине стояли шеренги сверкающих флакончиков и пузырьков. – Да не простой, а особенный, – добавила она, решительно увлекая парня в сторону ароматической секции. – Изабель же не может пахнуть, как все, верно? Здесь надо что-нибудь типа инжира, ветивера или...

– Инжир? Ты издеваешься?! – На лице Саймона был написан неподдельный ужас.

Клэри уже собиралась расхохотаться, как проснулся ее мобильник. От мамы.

«Ты где?»

Девушка закатила глаза, потрясла головой и принялась набивать ответную смску. Джослин до сих пор нервничала, когда полагала, что дочь находится в компании Джейса. И это несмотря на тот простой факт, о котором не уставала напоминать Клэри, – что Джейс, пожалуй, самый безопасный вариант из всех возможных: во-первых, ему возбраняется злиться, во-вторых, он не имеет права распускать руки и, в-третьих, не может совершать любые действия, вызывающие прилив адреналина.

С другой стороны, Джейс и вправду *одержим*. Они с матерью своими глазами видели, как все происходило, когда Себастьян угрожал Люку. Клэри до сих пор не решалась рассказывать про все, чему была свидетелем в доме Себастьяна, который мог перемещаться куда угодно. Про эту жуткую смесь грез и кошмаров: есть вещи, которые Джослин знать не следует. Вещи, взглянуть в лицо которым сама Клэри до сих пор не желала.

– Думаю, Магнус сошел бы с ума от восторга, попав в этот магазин, – заметил Саймон, беря в руки одну из бутылочек с масляно отсвечивающей жидкостью, где плавал какой-то сверкающий порошок. – А скажи-ка, есть такие правила, что запрещали бы покупать подарки для человека, который только что перестал поддерживать отношения с твоим близким другом?

– Трудно сказать. А ты кого имеешь в виду под другом? Магнуса или Алека?

– Алек, во всяком случае, помнит мое имя, – ответил Саймон, возвращая бутылочку на место. – И я за него переживаю. Я понимаю, отчего Магнус так поступил, но ведь Алек себе места не находит... Мне кажется, если кто-то тебя вправду любит, то обязан простить, когда ты искренне сожалеешь о допущенной ошибке.

– Знаешь, тут все зависит от того, что человек натворил, – заметила Клэр. – И я не имею в виду одного лишь Алека, это общее правило... Зато Изабель, думаю, простит тебе что угодно, – торопливо добавила она.

Саймон недоверчиво нахмурился.

– Так, не шевелись, – скомандовала девушка, пшикая из какого-то пузырька возле головы Саймона. – Ровно через три минуты я узнаю, чем пахнет твоя шея.

– Ого, – фыркнул тот. – Долго же ты решалась на этот шаг.

Клэри не стала утруждаться поиском остроумной шпильки в ответ – ее мысли до сих пор были заняты словами Саймона насчет прощения. В памяти всплыли еще один голос, еще одно лицо и пара глаз. Себастьян, сидящий напротив них за столиком парижского кафе. *«Как ты думаешь, ты смогла бы меня простить? В смысле, достойны ли прощения такие, как я?»*

– Есть вещи, которые никогда не извинить, – сказала она. – Я никогда не прощу Себастьяна.

– Ты его не любишь.

– Пусть не люблю, но он все-таки мой брат. При других обстоятельствах... – *Что бы да кабы... К чему мусолить?* Она постаралась выкинуть из головы эту мысль и подалась вперед, делая глубокий вдох носом. – Ну вот, пожалуйста. Ты пахнешь финиками и курагой.

– Думаешь, Иззи понравится напоминать кулек сухофруктов?

– Гм... Не факт. – Клэри выбрала другую склянку. – Ну и какие у тебя планы?

– А?

Она вскинула глаза, отвлекаясь от текущей головоломки – чем конкретно тубероза отличается от обычной розы, – и увидела недоуменный взгляд.

– Ты же не можешь вечно делить крышу с Джорданом, верно? – пояснила она. – Есть, скажем, всякие колледжи...

– Куда ты сама поступать не собираешься, – возразил он.

– Допустим, но ведь я принадлежу к Сумеречным охотникам. Мы продолжаем учиться и после восемнадцати, скажем, нас отправляют стажироваться в другие филиалы, это и есть наши университеты.

– Я бы очень не хотел, чтобы ты куда-то уезжала. – Саймон сунул руки в карманы пальто. – А в колледж я поступать не могу. Или ты думаешь, моя мать возьмется оплачивать учебу? Студенческого кредита мне не видать как своих ушей, я же по всем документам мертвец. И вообще, сколько надо времени, чтобы народ заметил, что я, в отличие от них, не меняюсь с годами? Шестнадцатилетний старшекурсник... Об этом ты не думала?

Клэри отставила склянку:

– Саймон...

– А и правда, может, для матери чего купить? – горько продолжил он. – Подскажи-ка, какой именно подарок может означать: «Спасибо, что вышвырнула меня из дому и сделала вид, будто я сдох».

– Букет орхидей?

Но сарказм Саймона успел улетучиться.

– Знаешь, наверное, сейчас уже не старое, доброе время. Раньше я бы принес тебе коробку карандашей, альбомы, прочие художнические штучки, но ты же больше не занимаешься рисунком, правда? Если не считать работы со стилусом... Вот так-то. Ты уже не рисуешь, а я уже не дышу. Найди десять отличий с прошлым годом.

– Тебе надо с Рафаэлем потолковать, – посоветовала она.

– С Рафаэлем?

– Он знает, как и чем живут вампиры, – пояснила Клэри. – Как обустраиваются, как зарабатывают деньги... не знаю... как снимают квартиры, наконец. В общем, он в этом разбирается. Наверняка смог бы помочь.

– Вот именно, что смог бы. Не станет же, – насупившись, возразил Саймон. – С тех пор как Морин сменила Камиллу, от ребят из «Дюмора» ни слуху ни духу. А я знаю, что Рафаэль ходит под ней. Думаю, они до сих пор уверены, что на мне Каинова печать, в противном случае уже давно бы выслали кого-то по мою душу. Вопрос времени, я считаю.

– Нет-нет. Они знают, что тебя трогать нельзя. Не то жди войны с Конклавом. Институт ясно дал понять свою позицию. Ты защищен.

– Клэри, – вздохнул Саймон. – Мы все беззащитны, до единого.

Не успела девушка ответить, как прозвучало ее имя. В полнейшем недоумении она принялась озираться по сторонам и увидела собственную мать, которая пробиралась сквозь скопище покупателей. За витринным стеклом, на тротуаре, поджидал Люк. Своей фланелевой рубашкой в крупную провинциальную клетку он резко выделялся на фоне пижонистых, модно одетых ньюйоркцев.

Выбравшись наконец из толпы, Джослин поспешила к ребятам и с чувством обняла дочь, пока та строила удивленные глаза Саймону. В ответ он пожал плечами. Наобнимавшись, мать отступила назад:

– Ведь я места себе не находила! С тобой могло приключиться что угодно!

– Мам, да что ты так разнервничалась?

Джослин опешила:

– Как? Разве ты не в курсе? Я думала, Джейс уже прислал тебе смску.

По жилам Клэри побежал холод, словно ее окунули в ледяную прорубь.

– Нет... Я не... Так что случилось-то?!

– Саймон, извини, пожалуйста, – обратилась Джослин к спутнику Клэри, – но нам с дочерью надо немедленно в Институт.

С прошлого раза у Магнуса мало что изменилось. Джейс увидел все ту же тесную площадку и знакомую желтую лампочку. Применив ко входной двери отпирающую руну, он взбежал по лестнице, перескакивая по две ступеньки за раз, и позвонил в нужную квартиру. «Здесь уже лучше без рун, – решил он. – На всякий, как говорится, пожарный...» В конце концов, Магнус мог сейчас резаться в какую-нибудь видеоигру – в голом виде. И вообще, тут можно ожидать чего угодно. Кто их знает, этих колдунов; еще неизвестно, чем они занимаются в свободное от работы время...

Он позвонил еще разок, понастойчивей. Еще два длинных звонка, и Магнус наконец дернул дверную створку на себя, демонстрируя взбешенную физиономию. Одет он был в мантию из черного шелка поверх белоснежной сорочки и штанов из мягкого твида. Ноги босые. Темная шевелюра всклокочена, на подбородке тень от щетины.

– Какого хрена ты приперся? – рявкнул он.

– Батюшки-светы, – промолвил Джейс. – Что ж так неласково-то?

– Да оттого, что тебе здесь не рады!

Джейс задрал бровь:

– А я думал, мы друзья.

– Это вы с Алеком друзья. Он был мне очень дорог, вот и приходилось терпеть твое присутствие. Но теперь все иначе, так что держитесь-ка вы все от меня подальше. Такое впечатление, что до вас вообще медленно доходит. Ты уже... я не знаю... четвертый за сегодня? Ходят и ходят, будто им тут медом намазано. Надоели. – Магнус принялся загибать пальцы: – То Клэри пожаловала, то Изабель, то этот ваш Саймон...

– Саймон? *Саймон был здесь?*

– А ты этому удивляешься?

– Вот уж никогда бы не подумал, что его так волнуют твои с Алеком отношения.

– Ты что лепечешь? Какие такие отношения? – с ходу возразил Магнус, но Джейс уже отпихнул его плечом и прошел в гостиную, с любопытством озираясь по сторонам.

Одной из особенностей квартиры Магнуса, которая приводила его в настоящий восторг, была вечная изменчивость обстановки. То все было выполнено в ультрамодерновом стиле, то царила атмосфера французского борделя или, скажем, опиекурильни Викторианской эпохи, а то ты вдруг оказывался на борту космической станции. Сейчас, впрочем, кругом царили полумрак и хаос. Кофейный столик заставлен коробками из-под китайской стряпни навывнос, на коврике, разбросав все четыре конечности, в полнейшей неподвижности валялся Председатель Мяо, смахивая на застреленную лань.

– Попахивает инопланетным вторжением, – повел носом Джейс.

– Это все китайские обеды, – махнул рукой Магнус, падая на кушетку и вытягивая длинные ноги. – Давай не тяни. Чего пожаловал?

– Я считаю, ты должен вернуться к Алеку.

Магнус возвел очи горе;

– С чего вдруг?

– Потому что ему плохо. Потому что он просит прощения. Такого больше не повторится.

– Другими словами, он не собирается вновь за моей спиной спеться кое с кем из моих бывших, чтобы укоротить мне жизнь? Очень мило с его стороны.

– Магнус...

– К тому же Камилла мертва. Так и так ничего не выйдет.

– Ты сам знаешь, что я хотел сказать, – возразил Джейс. – Он не будет тебе лгать, не будет водить за нос, чего-то скрывать... или, я уж не знаю, что там тебя так задело. Не будет, короче. – Он плюхнулся в кожаное кресло напротив и надломил бровь: – Итак?

Магнус перевалился на бок:

– А ты-то чего так стараешься? Ну, расстроился Алек, тебе-то какое дело?

– Какое дело?! – эхом отозвался Джейс, да так громко, что Председатель Мяо подскочил, словно его ужалило током. – Ты в своем уме?! Алек – мой лучший друг, он мой *парабаттай*, в конце концов! И сейчас ему плохо. Как и тебе, между прочим. Я тоже, знаешь, не слепой. Жрет не пойми что, в квартире свинарник, любимый кот и тот вон в истерике бьется.

– Ври, да знай меру!

– Короче, я за Алека болею, понял? – напирал Джейс, сверля Магнуса взглядом. – Больше, чем за самого себя.

– А тебе никогда не приходило в голову, – слегка прикрыл веки Магнус, ковыряя некогда накрашенные, а нынче облупившиеся ногти, – что вся эта парабатайская канитель чересчур уж сурова? Да, ты волен сам выбирать себе *парабатая*, но это уже раз и навсегда, потом не отделаешься. Даже если он поднимет на тебя меч. Взять хотя бы Люка с Валентином. И пусть ближе твоего *парабатая* нет никого на свете, ты не можешь, к примеру, в него влюбиться. А когда *парабаттай* гибнет, часть тебя умирает вместе с ним.

– Откуда тебе так много известно?

– Я не первый день имею дело с Сумеречными охотниками, – отозвался Магнус, хлопая по кушетке рядом с собой. Председатель тут же отозвался на приглашение и, подпрыгнув, устроился рядом, ткнувшись головой в бок хозяину. Длинные пальцы колдуна утонули в кошачьей шерсти. – И даже не первый год. Вы, если честно, странные существа. С одной стороны, полны хрупкого благородства и человеческого сострадания, а с другой – преисполнены бескомпромиссного и беспощадного ангельского огня. – Он сверкнул глазами на непрошеного гостя: – Это в особенности касается тебя, Джейс Эрондейл. Коль скоро этот огонь течет в твоих жилах.

– Допустим, в Сумеречных охотниках ты разбираешься. Но среди них кто-либо был тебе другом? В смысле, раньше, до Алека?

– Друг... – покрутил головой Магнус. – Что вообще означает это слово?

– Вот был бы у тебя всамделишный друг, ты бы не задавал таких вопросов... Ну так что? У тебя есть хоть один друг? Настоящий, а не просто приятель или знакомец, заскакивающий на вечеринку. Большинство тебя попросту боится, из других ты сделал своих должников, с кем-то еще переспал, но вот чтоб настоящий товарищ... Не ломится твой дом от друзей-то, как я погляжу.

– Это что-то новенькое, – отозвался Магнус. – Никто из вас еще не пытался меня оскорбить, ты первый.

– И как, сработало?

– Если ты имеешь в виду, не испытал ли я внезапный порыв возобновить отношения с Алеком, то нет. С другой стороны, отчего-то вдруг захотелось пиццы, но я не исключаю, что это не имеет отношения к делу.

– Алек предупреждал об этом, – кивнул Джейс. – Дескать, Магнус всегда старается обойти сугубо личные вопросы, сведя все к шуточкам.

Колдун сощурил глаза:

– Хочешь сказать, я один такой?

– В яблочко, – ответил Джейс. – Уж поверь знатоку. Ты терпеть не можешь говорить о самом себе, ты скорее готов разозлить людей, чем дать им повод тебя пожалеть. Сколько тебе лет, Магнус? Без вранья?

Тот отмолчался.

– Как звали твоих родителей? Отца, к примеру?

Магнус обжег его взглядом зеленовато-золотистых глаз:

– Если б я захотел лечь на кушетку и пожаловаться кому-то на своих родителей, то нанял бы психолога.

– А! – кивнул Джейс. – Понимаю-понимаю. Но мои-то услуги бесплатны.

– Да, я слышал, что ты дешевка.

Джейс ухмыльнулся и поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. На кушетке валялась подушка с вышивкой под британский флаг, и он без дальнейших церемоний подложил ее себе под голову:

– Знаешь, я ведь не тороплюсь. Хоть весь день готов тут просидеть.

– Замечательно, – сказал Магнус. – А я, пожалуй, подремлю.

Он потянулся было за скомканным пледом, что лежал на полу, но тут зазвонил мобильник Джейса. Застыв на полпути, колдун выждал, когда его собеседник извлечет телефон и взмахом кисти его раскроет.

Изабель.

– Джейс?... – сказала она.

– Я у Магнуса, – отозвался тот. – Вроде что-то клеится, пока не знаю. Как у тебя?

– Немедленно назад, – сказала Изабель, и Джейс резко выпрямился; подушка свалилась на пол. Голос девушки звучал напряженно, он отчетливо различил в нем резкие, царапающие слух нотки, словно от расстроенного пианино. – Возвращайся в Институт, Джейс. Как можно скорее.

– Да что случилось? Ну?

Он увидел, как подобрался, насторожился Магнус. Плед выпал из его разжавшейся ладони.

– Себастьян, – ответила Изабель.

Джейс прикрыл веки. Мысленным взором различил золотую кровь и белые перья, раскиданные по мраморным плитам пола. В памяти всплыли цепкие пальцы Себастьяна на запястье... бездонный мрак глазниц, с насмешливым интересом палившихся прямо в лицо... звон в ушах.

– Что происходит? – Голос Магнуса пробился сквозь мысли. Только сейчас Джейс осознал, что уже очутился возле входной двери; мобильник вновь был в кармане. Он обернулся. Колдун стоял в шаге за спиной: взгляд жесткий, черты заострились. – Что-то с Алеком? Он в порядке?

– Тебе-то какое дело? – бросил Джейс, и Магнус вздрогнул, как от пощечины. Надо же, никогда такого не доводилось видеть, Магнус всегда держался непошибаемо. Это единственная причина, отчего Джейс не грохнул дверь со всей силы, вылетая наружу.

В институтской раздевалке было полно незнакомых плащей и пальто. В плечах Клэри заныли мышцы от произвольного напряжения, когда она, озираясь по сторонам, стаскивала свою шерстяную куртку и вешала ее на свободный крючок.

– Вы уверены, что Марица не сказала, в чем дело? – вновь переспросила Клэри. От тревожных предчувствий у девушки слегка охрип голос.

Джослин наконец развернула длинный серый шарф, обмотанный вокруг шеи, и не глядя сунула его в руки Люка. Ее зеленые глаза простреливали вестибюль, внимательно обшаривая лифтовый холл, выплывшие от древности фрески с человеческими и ангельскими фигурами и даже сводчатый потолок.

Люк покачал головой:

– Она лишь упомянула, что совершено нападение и всем нам предписано как можно быстрее собраться здесь.

– Это твое «всем нам» меня особенно беспокоит. – Разговаривая, Джослин закручивала волосы в тугий узел на затылке. – Я не заглядывала в Институт вот уже несколько лет. Я-то им зачем понадобилась?

Люк пожал ей плечо: держись. Клэри знала, чего опасается мать, вернее, от чего им всем не по себе. Причина, по которой Марица затребовала присутствие Джослин, могла быть связана лишь с тем, что появились новости про ее сына.

– Марица просила подняться в Библиотеку, – сообщила Джослин.

Клэри шла впереди, за спиной звучали негромкая беседа матери с Люком и мягкое пошаркивание их подошв: походка отчима была уже не столь бодрой, как раньше. Он так и не оправился до конца после инцидента, который чуть не стоил ему жизни.

«Ты и сама знаешь, в чем тут дело», – прошепел фантомный голос в голове. Конечно, внутри нее никто не сидел, это понятно, но ощущение все равно жутко неприятное. Брата она не видела со времен битвы в долине, но постоянно носила его призрачное – и зачастую бесцеремонное – присутствие на задворках мыслей.

«Все из-за меня. Ты знала, что я еще вернусь, что ушел не навечно. Я же предупреждал. Все, можно сказать, разжевал и в рот положил».

Erchomai.

Я грядущий...

Вот и Библиотека. Сквозь полуприкрытую дверь доносилось зудение голосов. Джослин на секунду замешкалась, на лице – напряженная маска.

Клэри положила ладонь на дверную ручку:

– Всё, мы готовы?

Лишь в эту секунду она наконец обратила внимание, что на матери черные джинсы, высокие сапоги и черная же обтягивающая водолазка. Словно сама того не осознавая, она выбрала наряд, ближе всего напоминающий боевую униформу.

Джослин кивнула дочери.

Кто-то сдвинул всю мебель в конец читального зала, расчистив пятачок по центру, где пол был украшен мозаичным портретом Ангела. Теперь здесь стоял солиднейший стол в виде мраморной плиты, опирающийся на каменные фигурки коленопреклоненных херувимов. За

столом – Анклав в полном составе. Кое-кого, например Кадира и Маризу, Клэри знала по именам, остальных лишь в лицо. Мариза не сидела, а стояла.

– Берлин, – громко говорила она, загибая пальцы. – Ноль выживших. Бангкок – ноль выживших. Москва – ноль выживших. Лос-Анджелес...

– Лос-Анджелес? – встрепелась Джослин. – Это же семейство Блэкторнов! Они...

Мариза вздрогнула, словно и не подозревала о появлении Джослин. Взгляд ее голубых глаз скользнул по Люку и Клэри. Сама она выглядела осунувшейся, изнуренной; волосы безжалостно стянуты на затылке в тугий пучок, здоровенное пятно – красное вино или кровь? – сидит на рукаве модного жакета.

– Там выжившие есть, – сказала она. – Дети. Сейчас они в Идрисе.

– Хелен, – промолвил Алек, и Клэри тут же подумала про девушку, которая билась вместе с ними при Беррене. Помнится, она еще видела ее в фойе Института, в компании с темно-волосым пареньком, который словно прилип к ее руке. «Мой брат Джулиан...»

– Подружка Алины, – непроизвольно вылетело из ее уст, и взгляды всего Анклава обожгли девушку еле скрываемой враждебностью. Вот так всегда; можно подумать, то, кем она была и что собой представляла, вызывало у них реакцию отторжения. «Валентинова дочка! Валентинова дочка! Тьфу!» – Она в порядке?

– На момент атаки Хелен находилась в Идрисе вместе с Алиной, – ответила Мариза. – Ее младшие братья и сестры уцелели, а вот в отношении старшего брата, Марка, имеются сомнения.

– Сомнения? – переспросил Люк. – Мариза, так что происходит, в конце концов?

– Думаю, все детали прояснятся, только когда мы сами окажемся в Идрисе, – ответила та, пригладивая и без того безупречно уложенные волосы. – Точно известно лишь, что за две последние ночи на различные Институты совершено несколько нападений, а именно шесть. Пока что непонятно, как именно были пробиты их защитные периметры, но поступают донесения, что...

– Себастьян, – сказала мать Клэри. Она не вынимала рук из карманов своих черных джинсов, но Клэри могла поклясться, что пальцы Джослин сжаты в кулаки. – Хватит бродить вокруг да около. Речь идет о моем сыне. Вина падает на него. В противном случае, Мариза, ты бы меня не вызвала. Скажешь, нет?

Взгляды женщин встретились, и Клэри показалось, что, если бы они обе не находились в Круге, острые грани их характеров высекли бы искры при столкновении.

Не успела Мариза вымолвить и слова, как дверь распахнулась, впуская Джейса. Лицо ярко-розовое от небольшого морозца, но головного убора нет; светлые волосы растрепаны ветром. Руки без перчаток, покрасневшие от холодной погоды пальцы, вязь старых и новых рун. Увидав Клэри, он подарил ей беглую улыбку, усаживаясь в кресло у дальней стены.

Как обычно, роль миротворца принял на себя Люк:

– Мариза, Себастьян в самом деле повинен в нападениях?

Та сделала глубокий вдох:

– Да, это так. И с ним были Помраченные.

– Ну конечно, это Себастьян, – не выдержала Изабель. Пока что она сидела, не отрывая взгляда от столешницы; теперь девушка вскинула голову. На лице застыла маска ярости и гнева. – Он же предупреждал о своем приходе. Ну, убедились?

Мариза вздохнула:

– Мы думали, что он атакует Идрис. На это указывали все разведданные. Идрис, а не Институты.

– Стало быть, он обманул ваши ожидания, – понимающе кивнул Джейс. – Как раз в его стиле. Сдается мне, Конклаву и нам давно следовало разработать планы на этот случай. – Он понизил голос: – А ведь я вам говорил. Я предостерегал, что ему понадобятся новые солдаты.

– Джейс, – укоризненно произнесла Мариза. – Хватит колоть глаза. Этим делу не поможешь.

– А кто вам сказал, что я собрался помогать?

– Я бы скорее ждал атаку именно у нас, – поделился соображениями Алек. – Помните, что говорил Джейс? И ведь это правда: те, кого Себастьян ненавидит или любит, все здесь.

– Никого он не любит, – резко бросила Джослин.

– Мам, прекрати, – поморщилась Клэри. У нее колотилось сердце, в груди нарастала боль, и в то же время возникло странное чувство облегчения. Все это время она подспудно ждала появления Себастьяна – и вот он пришел. Неся с собой войну. – Так что предлагается делать? Укреплять подступы к Институту?

– А давайте-ка я попробую догадаться, – сказал Джейс, сочась сарказмом. – На повестку дня вынесен созыв Совета. Сто первый по счету. В яблочко?

– Конклав настаивает на немедленной эвакуации, – сухо обронила Мариза, и все притихли, даже Джейс. – Каждого Института, без исключения. Все члены Конклава должны вернуться в Аликанте. Не позднее чем послезавтра защитные обереги вокруг Идриса должны быть усилены вдвое. Чтобы никто не проскочил ни внутрь, ни наружу.

Изабель проглотила ком в горле:

– И когда мы покидаем Нью-Йорк?..

Мариза выпрямилась. К ней начинала возвращаться былая надменность, рот превратился в узкую линию, нижняя челюсть воинственно выдалась вперед.

– Можете паковать вещи, – сказала она. – Эвакуация начнется этим вечером.

2. На щите или под щитом

Пробуждение напоминало падение в ледяную купель. Грубо вырванная из объятий сна, Эмма резко села и не смогла сдержать крик:

– Джулс! Джулс!

В темноте почудилось движение, на плечо легла рука, и глаза вдруг обжег свет. Эмма издала всхлип и, силясь отползти назад, закопошилась среди подушек. «А ведь и правда я в кровати», – наконец сообразила она. Подушки за спиной, простыня сбилась во влажный от пота жгут.

Девочка заморгала, избавляясь от пелены перед глазами.

Над ней склонилась Хелен Блэкторн, в аквамариновых глазах беспокойство, в руке – ночник из ведьминог огня.

Они в какой-то избушке с остроконечной крышей, словно сошедшей со страниц книги сказок. По центру комнаты стоит громадная кровать на четырех мощных ножках, а в тених за спиной Хелен смутно угадываются очертания мебели: внушительный старинный гардероб, длинная кушетка, колченогий столик.

– Г-где я? – прошептала Эмма.

– В Идрисе, – сказала Хелен, сочувственно глядя ей руку. – У тебя получилось выбраться. Это мансарда семейства Пенхоллоу.

– Мои родители, – стуча зубами от внутренней дрожи, спросила Эмма. – Ч-что с ними?

– Ты прыгнула через Портал вместе с Джулианом, – продолжила Хелен, обходя молчанием прямой вопрос. – Уж не знаю как, но вам всем удалось пройти через Портал. Настоящее чудо, иного слова не подберешь. Конклав открыл тоннель, но ты и сама знаешь, насколько сложно в нем перемещаться. Дрю выскочила с Тавви на руках, а тут и близняшки вслед за ней. Неразлучная парочка... И все, больше никого. Мы уж думали отчаяться, как тут появляетесь вы двое. Ты, кстати, вообще была без сознания... – Она смахнула упавшую прядь со лба девочки. – Мы себе места не могли найти от беспокойства. Видела б ты Джулиана, он...

– *Что случилось?* – потребовала Эмма, отстраняясь от прикосновения. Не потому, что недолюбливала Хелен, а потому, что сердце не позволяло вот так просто сидеть. – Что с Марком? Что с мистером Блэкторном?

Хелен помолчала. Затем вздохнула:

– За прошедшие пару суток Себастьян Моргенштерн нанес удары по шести Институтам. Сотрудников либо убивали, либо обращали в Помраченных.

Его Чаша ада на это способна... превращать Сумеречных охотников в чудовища...

– Да, я видела, – прошептала Эмма. – Это случилось с Кейт. И с твоим отцом. Они вот-вот собирались заняться и Марком, но Себастьян сказал, что передумал, потому что у Марка кровь фейри.

Хелен передернула плечами.

– У нас есть основания верить, что Марк до сих пор жив, – сказала она. – Его удалось отследить до определенного момента, но затем он как бы исчез, хотя, если верить рунам, до сих пор не числится среди мертвых. Не исключено, что Себастьян держит его в заложниках.

– А родители? Мои родители? – напомнила Эмма, чувствуя, до чего пересохло горло от тревоги. Потому как она подозревала, что стоит за нежеланием Хелен отвечать на этот вопрос. – Где же они? Ведь их не было в Институте, значит, Себастьян не мог причинить им зла!

– Эмма... – Хелен вздохнула. Она вдруг показалась гораздо моложе, едва ли не ровесница Джулсу. – Себастьян не просто атакует Институты, он также убивает или похищает сотрудников прямо из их домов. Твои родители... Понимаешь, Конклав пытался их разыскать, но

ничего не вышло. А сегодняшним утром в районе Марина-дель-Рэй на берег выбросило их тела. Еще точно неясно, в чем причина смерти, но...

Ее голос превратился в торопливую вереницу невнятных объяснений, где громоздились официозные слова вроде «позитивной идентификации», «характерных признаков» и «отсутствия каких-либо вещественных доказательств». С ними соседствовали «длительное пребывание в морской воде», «невозможность транспортировки тел» и «сожжение на ритуальном костре непосредственно на месте обнаружения согласно их завещанию, как ты понимаешь...».

Эмма завизжала. Поначалу это был просто бессловесный крик, который поднимался все выше и выше; крик, от которого начинало саднить в горле и на языке появился привкус металла. Крик о потере настолько колоссальной, что для таких вещей человеческой речи мало. Словно легкие навечно лишали воздуха и отнимали небо над головой. Девочка кричала и кричала, кричала и рвала матрас, пока под ногтями не застряли перемазанные кровью перья, и все это время Хелен плакала и пыталась ее обнять, причитая:

– Эмма, Эмма, пожалуйста, перестань...

Свет усилился, разлился кругом. Кто-то зажег люстру, и Эмма услышала свое имя, произнесенное знакомым, некогда мягким, а сейчас настойчивым, требовательным тоном; Хелен исчезла из поля зрения, на ее месте возник Джулс. Он сидел в изножье и что-то ей протягивал, что-то ярко-золотистое, сверкающее в резком свете.

Кортана. Ее меч. Извлеченный из ножен, лежащий у него в руках, словно подношение. Кажется, она еще кричала, но клинок все же приняла, и в глаза бросились выгравированные слова, выжигая след на сетчатке: *«Я – Кортана, той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль»*.

Она услышала голос отца:

«Мы, Карстэйрсы, носили этот меч многие поколения, и эта надпись напоминает нам, что Сумеречные охотники суть оружие Ангела. Закаляйте нас в огне, от этого мы лишь прибавляем в силе. Страдания нас не сломят, мы всегда выживем».

Эмма раскашлялась, давясь плачем, беря его под контроль, загоняя внутрь. Вот что имел в виду отец: как и Кортана, она тоже сделана из особой стали и должна крепиться. Даже если этого никогда уже не увидят ее родители. Она будет сильной ради них.

Девочка прижала меч к груди. Откуда-то издалека донеслись восклицания Хелен; старшая подруга попыталась было вновь ее обнять, но Джулиан, лучше всех понимавший, в чем сейчас нуждается Эмма, придержал сестру. Кулак Эммы сжимал обнаженное лезвие, между пальцами струилась кровь, стекая по рукам и груди, где острая кромка поранила кожу. Но Эмма этого не чувствовала. Покачиваясь взад-вперед, она стискивала Кортану, словно ничего на свете не было ей дороже, и кровь текла по ней, как слезы.

Саймон не мог отделаться от ощущения дежавю.

Ему уже доводилось бывать здесь, стоять возле институтских стен, наблюдая за исчезновением Лайтвудов в мерцающем мареве Портала. Впрочем, в ту пору он еще не носил на себе Каинову печать, и Портал тогда создал Магнус, а на сей раз вход в тоннель пребывал под контролем синекожей женщины-колдуньи по имени Катарина Лосс. Саймона вызвали, потому что Джейс хотел что-то обсудить насчет Клэри, пока у него было время перед исчезновением.

Клэри уходила вместе с ними.

Саймон чувствовал ее руку, ее пальцы, плотно сжимавшие ему запястье. Весь Анклав – чуть ли не полный списочный состав Сумеречных охотников Нью-Йорка – прошел в институтские ворота и скрылся в переливчатой дымке Портала. Лайтвуды, являясь местными хранителями, уйдут последними. Саймон терпеливо стоял здесь с раннего вечера, когда красные полосы в небе еще спускались за небоскребы Манхэттена, ну а сейчас сцену перед глазами освещали лишь ведьмины огни, выдергивая из тьмы поблескивающие детали: то кнут Изабель,

то огненную искру, которая при жестикуляции выпрыгнула из семейного перстня Алека, то блестящие-снежинки в белесой шевелюре Джейса.

– Выглядит по-другому, – сказал Саймон.

Клэри скосила на него взгляд. Как и на всех прочих, на ней была своеобразная накидка, которую, как знал Саймон, Сумеречные охотники носили холодными зимами: широкий черный плащ из плотной бархатистой материи, собранной складками на груди. Интересно, откуда они их берут? Получают с интендантского склада как униформу под расписку?

– В смысле?

– Я про Портал. Не такой, как у Магнуса. Более... лиловый, что ли.

– Может, потому, что у них разные подходы и взгляды на стиль?

Саймон пригляделся к Катарине. Она казалась воплощением бодрости и эффективности, ни дать ни взять сестра милосердия в военном госпитале. Или воспитательница из детского сада. Решительно ничего общего с Магнусом.

– Как там Иззи?

– Мучается беспокойством. Как и все мы.

Они помолчали. Клэри сделала длинный выдох, в зимнем воздухе расплылось облачко ее дыхания.

– Жаль, что ты исчезаешь, – сказал Саймон ровно в тот миг, когда Клэри подумалось: «Жаль, что приходится оставлять тебя одного».

– Ничего, я справлюсь, – сказал он, словно услышал ее мысли. – За мной вон Джордан присмотрит. – И действительно, Джордан тоже был здесь, сидел на стене, что опоясывала Институт, и выглядел как заправский дозорный на сторожевой вышке. – И вообще, за последние пару недель меня ни разу не пытались прикончить.

– Не смешно, – нахмурилась Клэри.

Проблема, как догадывался Саймон, заключалась в том, что в собственной безопасности убеждать нелегко, если ты светлюб. Кое-кому из вампиров обязательно захочется привлечь Саймона на свою сторону, извлекая выгоду из его необычных способностей. Камилла уже пыталась его рекрутировать, того же самого можно ждать и от других. Впрочем, у него имелось отчетливое ощущение, что подавляющее большинство вампиров просто хочет от него избавиться. Раз и навсегда.

– Я практически уверен, что Морин попробует наложить на меня свои лапки, – сказал он. Морин Браун возглавляла нью-йоркский клан и полагала, что влюблена в Саймона. И все бы ничего, если забыть, что ей от роду вечные тринадцать лет. – Я слышал, что Конклав всем настоятельно рекомендовал меня не трогать, но...

– Морин хочет тебя потрогать, – криво усмехнулась Клэри. – Ощупать до самых, можно сказать...

– Тс-с, Фрэй. Без грубостей.

– Скажи Джордану, чтобы он не подпускал ее к тебе.

Саймон с непроницаемым видом глядел перед собой, стараясь не мазнуть взглядом по Изабель, которая встретила его лишь куцым взмахом руки, когда он пришел в Институт. Девушка помогала своей матери, не обращая внимания на ветер, трепавший ее черные волосы.

– Да подойди ты к ней уже, в самом деле, – досадливо бросила Клэри. – А то пялишься, как я не знаю кто...

– Ничего я не пялюсь. Так только, посматриваю иногда.

– Да уж я заметила... Послушай, ты же сам знаешь, какой у нее характер. Когда Изабель не в духе, она всех дичится. Не разговаривает ни с кем, кроме Джейса или Алека, а все из-за того, что никому не доверяет. Так что, если хочешь стать ее парнем, ты должен доказать, что тебе верить можно.

– А с чего ты решила, что я этого хочу? И вообще, она ни разу не использовала эти слова в разговоре. «Мой парень»... Придумаешь тоже...

Клэри наподдала ему по щиколотке:

– Вам давно пора заняться РСО.

– «Разбором своих отношений»? – раздался голос за спиной. Оглянувшись, Саймон увидел Магнуса, который смотрелся особенно долговязым на фоне темного неба. Одет он был неброско, в сумрачные тона – джинсы и черная футболка, – глаза прикрыты челкой. – Я смотрю, что даже когда весь мир рушится во мрак и всех ждет погибель, вы двое стоите тут и обсуждаете свою любовную жизнь. Одно слово, тинейджеры.

– А ты сам-то что здесь делаешь? – последовал не самый умный вопрос от Саймона, который слегка растерялся от неожиданности.

– Пришел провести Алека.

Брови Клэри насмешливо поползли вверх.

– Ну-ка, ну-ка, про тинейджеров поподробнее!

Магнус предостерегающе вскинул палец:

– Не споткнись на скользкой дорожке, моя сладенькая.

И с этими словами он растворился в толпе, что окружала Портал.

– Сладенькая? – прищурил глаз Саймон.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но он так меня уже называл, – пожала плечами Клэри. – Ой, погоди-ка... – Она повернулась к нему всем корпусом и подергала за руку, заставляя вынуть ее из кармана джинсов. – Кольцо, – сказала она. – А правда было здорово, когда все работало?

Саймон бросил взгляд вниз. Золотое кольцо, выкованное вручную в форме древесного листа, сидело на его правом безымянном пальце. В свое время оно формировало связующую нить с Клэри, но сейчас, когда ее собственное кольцо погибло, у него, по сути дела, остался лишь декоративный сувенир. Саймон понимал, что здесь, пожалуй, чересчур много от сентиментальности, но все-таки это была очень изящная вещица, к тому же своего рода символ их взаимного притяжения друг к другу.

Клэри крепко пожала ему запястье и вскинула глаза. Тени плясали в зелени ее радужки; Саймон отчетливо видел, что девушка испугана.

– Я знаю, это всего лишь очередное совещание Совета... – медленно начала она.

– Но ты все равно останешься в Идрисе.

– Так ведь это только на время! Пока не выяснится, что случилось с Институтами. И тогда мы вернемся... Слушай, я знаю, что ни позвонить, ни отправить смски в Идрис нельзя, так что, если захочешь со мной пообщаться, скажи Магнусу, ладно? Уж он-то найдет способ переслать мне твою весточку.

У Саймона перехватило горло:

– Клэри...

– Я люблю тебя, – сказала она. – Ты мой самый лучший друг. – Девушка отпустила его руку. – Нет-нет, молчи. Ничего не хочу слышать.

Она развернулась и чуть ли не бегом кинулась к Порталу, где ее поджидали Джослин с Люком, у чьих ног стояли три туго набитых вещмешка. Мужчина не сводил с Саймона задумчивого взгляда.

Но где, кстати, Изабель? Толпа Сумеречных охотников успела поредеть. К Клэри присоединился Джейс, обняв за плечи. Мариза уже возле самого Портала, но вот Изабель, которая все это время была рядом с ней...

– Саймон, – прозвучал голос у правого уха. Он обернулся и увидел Иззи, чье лицо напоминало бледное пятно на фоне темной шевелюры и плаща. Во взгляде застыл гнев пополам с печалью. – Похоже, пришла пора расстаться.

– Ну, хорошо, – сказал Магнус. – Итак, я здесь. Чего ты хотел сказать?

Алек не сводил с него широко распахнутых глаз. Они отошли за угол и сейчас стояли в небольшом застуженном саду в окружении поредевших зеленых изгородей. Толстые плети плюща, вившиеся по каменным стенам и чугунной ограде, настолько оголились из-за зимы, что сейчас за воротами просматривалась улица с ее движением и пешеходами. Неподалеку обнаружилась каменная скамейка, чья щербатая поверхность была подернута корочкой льда.

– Я? Сказать?..

Магнус сверлил Алека мрачным взглядом, словно тот совершил некую глупость. Не исключено, что так и есть. Нервы звенели, как колокольчики на спятившем ветру, а в животе копилась тошнота. В тот последний раз, когда он видел Магнуса, колдун попросту ушел от него по заброшенному тоннелю метро. Его фигурка становилась все меньше и меньше, пока вовсе не исчезла. «*Аку синта каму*», – сказал он Алеку. По-индонезийски «Я люблю тебя».

Это подарило искру надежды, которой хватило, чтобы названивать Магнусу десятки, сотни раз, чтобы ежеминутно посматривать на мобильник – не пропустил ли я смску? – и даже периодически выглядывать из окна своей комнаты, которая сейчас – без Магнуса – казалась пустынной и незнакомой, словно принадлежала чужому человеку.

Но вот Магнус стоит напротив, со своей вечно взъерошенной шевелюрой и кошачьими глазами с вертикальными щелями зрачков; голос подобен темной патоке, лицо... его остроугольное, чудесное лицо, не выдающее ничего, ни крошечки... Алек и сам хотел бы что-то промолвить, но слова прилипли к языку, словно его заставили выпить кружку клея.

– Ты хотел со мной поговорить, – терпеливо напомнил Магнус. – Во всяком случае, так мне показалось после всех этих звонков и смсок. Не говоря уже о нашествии твоих приятелей на мою квартиру. Один за другим, один за другим. Как муравьи. Или ты это устраиваешь всем подряд?

Алек сглотнул из-за жжения в пересохшем горле и выпалил первое, что пришло ему в голову:

– Ты так и не простишь меня?

– Я... – Замолчав, Магнус отвернулся, покачивая головой. – Алек. Я *уже* простил тебя.

– Что-то не похоже. Скорее ты разозлен.

Когда Магнус вновь перевел на него свой взгляд, в нем уже читалось меньше суровости.

– Я волновался за тебя, – сказал он. – Нападения на Институты. Только-только об этом услышал.

У Алека закружилась голова. Магнус его простил, Магнус за него волновался...

– А ты знаешь, что мы уходим в Идрис?

– Да уж, Катарина поставила меня в известность, что ей поручено сформировать Портал, – сухо кивнул маг. – Так что про все остальное было несложно догадаться. Единственное – несколько удивило, что ты не позвонил и даже смску не прислал, мол, я отбываю.

– Так ведь ты не отвечал ни на мои звонки, ни на сообщения, – возразил Алек.

– Но раньше это тебя не останавливало.

– Рано или поздно кто угодно махнет рукой, – пожал плечами Алек. – А потом, Джейс сломал мой мобильник.

Магнус насмешливо фыркнул, выбросив облачко пара:

– Ох, Александр...

– Чего? – с искренним недоумением спросил тот.

– Ты... ты такой... даже поцеловать хочется, – вдруг заявил Магнус и тут же покачал головой: – Теперь понятно, отчего я не хотел больше с тобой встречаться?

– Да, но сейчас-то ты пришел, – сказал Алек. В памяти всплыло, как Магнус впервые поцеловал его, прижав к стене дома, где он жил, и все его косточки вдруг растаяли, а в голове мелькнуло: «Так вот, значит, как это бывает. Сейчас я понял». – И мог бы, к примеру...

– Нет, – решительно оборвал Магнус. – Ничего не выйдет. Ты никак не можешь себе это уяснить. – Его руки уже лежали на плечах Алека, большими пальцами поглаживая шею над воротником; в юноше словно проскочил электрический разряд. – Правда? – сказал маг и приткнулся ближе, чтобы поцеловать.

Алек всем телом подался вперед. Тишина стояла мертвая. Под ногами хрупнул снег, рука мага скользнула вдоль шеи, чтобы прижать голову плотнее... На вкус Магнус был все тем же, горько-сладким и до глубины души знакомым; Алек позволил губам расслабиться – то ли чтобы вдохнуть воздух, то ли всхлипнуть, то ли дать дыханию Магнуса проникнуть внутрь, – но опоздал, потому что тот уже отпрянул и даже отшагнул назад. Кончено.

– Ты чего? – обмирая, чувствуя себя совсем крохотным, пролепетал юноша. – Что ты, Магнус?..

– Зря это я сделал, – не задумываясь, бросил колдун. Магнус явно терял самоконтроль, таким Алек видел его крайне редко; на высоких скулах заалели яркие пятна. – Я прощаю тебя, но быть рядом не могу. Не могу, и все. Такие вещи попросту невозможны. Я буду жить вечно, по крайней мере, пока кто-то меня не убьет, а вот ты – нет, и смириться с этим выше твоих сил, так что...

– Не надо говорить *мне*, на что я способен, а на что нет, – промолвил Алек со зловещей безапелляционностью.

Магнус настолько удивился, что сейчас его лицо напоминало физиономию чужого человека.

– Ну-у, по крайней мере, большинство людей с этим не может справиться, – пожал он плечами. – Я имею в виду простых смертных. Да и нам самим не легче. Собственными глазами увидеть смерть любимого человека... Знал я как-то одну девушку, тоже из наших, из бессмертных...

– Хочешь сказать, она связалась с кем-то из обычных примитивов? И чем кончилось дело?

– Тем, что он умер, – ответил Магнус тоном, глубинную горечь которого не смог бы выразить до конца ни один оттенок человеческой речи. Глаза мага мягко сияли в темноте. – Даже сам не пойму, с чего я вдруг взял, что это могло сработать, – сказал он. – Ты уж прости меня, Алек. Зря я пришел.

– Да, – кивнул тот. – Зря.

Магнус присмотрелся к Алеку с настороженным недоумением, будто только что увидел на улице знакомое лицо, но, как оказалось, это был совершенно посторонний человек.

– Уж не знаю, почему ты так поступил, – продолжил юноша. – За себя могу сказать, что неделями страдал из-за тебя, из-за того, что сам натворил, на чем свет стоит клял себя, что вступил в разговор с этой Камиллой... Локти себе кусал, жалел страшно, все осознал, извинялся раз за разом, прощения просил... *но тебя, Магнус, там не было*. Все это я проделал в одиночку, сам с собой. Так что теперь даже хочется узнать, а на что же еще я способен. – Он задумчиво смотрел магу в лицо. – Да, я виноват в том, что случилось. Но и ты не без греха. Я ведь мог научиться забывать, что ты, в отличие от меня, бессмертен. Когда ты с кем-то, время, проведенное вместе, делится в равных долях на обоих. Так что в этом смысле между нами не такая уж большая разница. Но знаешь, что мне действительно не дает покоя? Твое молчание. Ты же никогда ничего не рассказываешь. К примеру, я не знаю, когда ты родился. Ничегошеньки не знаю про твою жизнь. Кем была твоя первая любовь... или кто впервые разбил тебе сердце... Вот обо мне ты знаешь все, а я о тебе – ничего. И в этом-то вся загвоздка.

– Ты просто забыл, – мягко промолвил Магнус. – Ведь на самом первом нашем свидании я говорил, что тебе придется принять меня таким, какой я есть, без лишних вопросов...

Алек отмел аргумент в сторону:

– Во-первых, это вообще нечестно – требовать таких вещей. А во-вторых, в ту пору я мало чего понимал насчет любви, чтобы осознать весь смысл твоих слов. Ты, Магнус, ведешь себя как смертельно обиженный, но, согласишься, кое в чем ты сам виноват.

– Да, – кивнул тот после паузы. – Что-то в этом есть.

– Но роли все равно не играет, я правильно понял? – подхватил Алек, чувствуя, как ледяной ветер гладит живот. – С тобой всегда так.

– Я не умею меняться, – пожал тот плечами. – Слишком много времени утекло. Знаешь, мы, бессмертные, превращаемся в окаменелости, что ли. Ископаемые, так сказать. Помнится, когда я тебя встретил, ты был полон такой наивной радости, юношеского восторга от жизни, что мне почудилось, будто благодаря тебе я сумею измениться, но...

– Меняйся сам, без чужой помощи, – сказал Алек, но слова вышли вовсе не колючими, как он планировал, а мягкими, чуть ли не молящими.

Магнус, однако, лишь головой покачал.

– Алек, – промолвил он, – знал бы ты, что за сны я вижу. В них город с кровавыми улицами, где стоят костяные башни. Если Себастьян заполучит желаемое, таким же станет и этот мир. А кровь, которая его затопит, будет кровью нефилимов. Иди в Идрис. Там безопаснее. Но будь начеку, не расслабляйся, не позволяй благодущию себя разоружить... Хочу, чтобы ты жил, – выдохнул он и, порывисто развернувшись, зашагал прочь.

Хочу, чтобы ты жил.

Алек осел на промороженные плиты скамьи и спрятал лицо в ладонях.

– Так не навсегда же расстаемся, – запротестовал Саймон, но Изабель лишь насупилась.

– Иди-ка сюда, – сказала она, дергая его за рукав. На ней были длинные перчатки из бордового бархата, и на темно-синем фоне куртки юноши ее руки казались по локоть искупавшимися в крови.

Саймон прогнал непрошеную мысль. Кровь так и норовит напомнить о себе в самые неподходящие моменты.

– Куда ты меня тащишь?

Изабель закатила глаза и чуть ли не силой затолкала его в затемненную нишу возле парадных ворот Института. Местечко оказалось тесноватым, и Саймон ощутил тепло, исходившее от девушки. Вообще-то, став вампиром, он уже утратил способность реагировать на холод или жару, если только речь не шла о тепле человеческой крови. Он не мог сказать, от того ли это, что он уже вкусил крови Иззи, или же дело было в чем-то более глубоком, но, как бы то ни было, теплая пульсация ее вен ощущалась отчетливей, чем с кем бы то ни было еще.

– Если бы ты только знала, как бы я хотел уйти вместе с тобой в Идрис, – сказал он без обиняков.

– Здесь у тебя больше шансов выжить, – тут же возразила она, хотя ее взгляд смягчился. – А потом, мы ведь уходим не навечно. Нежить, которой позволено проникать в Аликанте, – это члены Совета, да и то их пропустят лишь по причине намеченного совещания. Думаю, когда мы обсудим, что именно надо предпринять, нас отправят обратно. Мы же не можем отсиживаться в Идрисе, пока Себастьян крушит все подряд за его пределами. Сумеречные охотники сделаны из другого теста.

Саймон провел пальцем по ее щеке:

– Так ты хочешь, чтобы я тут спрятался и не высовывал носа?

– За тобой присмотрит Джордан, – сказала Изабель. – Твой личный телохранитель. Ведь ты же лучший друг Клэри, – добавила она. – И Себастьян об этом знает. Что и делает тебя отличной мишенью для взятия в заложники. Вот почему тебе следует быть там, где его нет.

– Пока что он ничем не проявил повышенного интереса к моей персоне. С чего вдруг ему захочется сделать это сейчас?

Она пожала плечами и плотнее закуталась в плащ.

– Он вообще никем не интересовался, кроме Клэри и Джейса, но это не значит, что так будет тянуться вечно. Он же не дурак, – сказала она ворчливо, как если бы скрепя сердце признавала за Себастьяном какие-то заслуги. – А Клэри ради тебя пойдет на что угодно.

– Но и ради тебя тоже. – В ответ на недоверчивый взгляд Иззи он легонько приподнял ей подбородок. – Ладно. Раз уж ты уходишь ненадолго, то к чему весь этот драматизм?

Изабель скорчила гримаску. Рот и щеки у нее были розовыми от холода. Ему очень хотелось почувствовать своими холодными губами ее губы, полные крови и жизни, но под пристальным взглядом родителей девушки этого лучше не делать.

– Я ведь слышала, что пару минут назад сказала Клэри. «Я люблю тебя», разве не так?

Саймон замер:

– Да, но... Она же не в том смысле... Иззи...

– Не надо, – вскинула девушка руку. – Пожалуйста, я ведь не маленькая. Все понимаю. Дело в том, что слова эти она произносит очень уж легко, да и ты тоже, а вот я в жизни их никому не говорила, ни разу. Если не считать близких родственников.

– Я знаю, почему ты этого так сторонись, – ответил он. – Ведь, если их произнести, можно себе же сделать больно.

– Тебе. – Ее глаза были огромными, черными, как звездные зеркала. – Я могу тебе сделать больно.

– Я знаю, – кивнул Саймон. – Знаю, и меня это не волнует. Джейс как-то раз предупредил меня: дескать, ты на шпильках пройдешься по моему сердцу, – но этим меня не остановить.

Изабель фыркнула:

– Он правда так сказал? И ты впрямь решил рискнуть?

Юноша наклонился ближе. Его дыхание – если бы оно у него было – слегка поворошило б ей волосы.

– Сочту за честь.

Она повернула к нему лицо, и их губы соприкоснулись. Какие они теплые... Ее руки были чем-то заняты. «Расстегивает плащ?» – на миг подумал он. Но не станет же она раздеваться на глазах семьи? Хотя если б и стала, у него вряд ли хватит решимости ее остановить. Как-никак, а это Изабель, и она сказала – *почти*, – что любит его.

Губы девушки щекотали ему кожу.

– Возьми вот это, – шепнула она, и Саймон на миг испытал прикосновение чего-то прохладного к затылку. Затем ее затянутая в бархат рука скользнула по шее юноши.

Он взглянул вниз и увидел на своей груди посверкивающий кроваво-красный квадратик – рубиновую подвеску. Реликвия, дарующая способность обнаруживать проявление демонической энергии.

– Что ты, что ты, я не могу! – потрясенно запротестовал он. – Иззи, да это стоит бешеных денег!

Она расправила плечи:

– Ну, положим, это не подарок, а так, поносить на время. До нашей следующей встречи. – Ее пальцы легонько коснулись рубина. – Этот камень... он от вампира. Так что все сходится.

– Изабель, я...

– Не надо, – прервала девушка, хотя, если честно, он и сам не знал, что собирается сказать. – Ничего не надо говорить, во всяком случае сейчас. – Изабель отшагнула назад. За ее

спиной он видел ее семью и все, что осталось от Анклава. Люк уже шагнул к Порталу, Джослин вот-вот должна была последовать за ним. Алек, шедший со стороны Института, мазнул взглядом по Саймону с сестрой и, не вынимая рук из карманов, поиграл бровями, но останавливаться тоже не стал. – Ты только... только не встречайся больше ни с кем, пока я там, ладно?

Она уже разворачивалась к нему спиной.

– Так что ж получается-то? – негромко бросил он ей вслед. – Мы сами-то как бы встречаемся теперь или как?

Изабель лишь лукаво улыбнулась и побежала к Порталу. Он успел заметить, как она взяла Алека за руку и они вдвоем шагнули внутрь. За ними вошла Мариза, затем Джейс, ну и, наконец, настала очередь Клэри, которая все это время стояла возле Катарины, обрамленной шипящим синим огнем.

Клэри подмигнула Саймону и сделала шаг. В Портале что-то взвихрилось, и через долю секунды исчезла и она.

Саймон машинально потрогал рубиновую подвеску. В камне почудилось какое-то бие-ние, напоминавшее беспокойный пульс. Словно у него вновь появилось сердце.

3. Птицы на утесе

Клэри опустила вещмешок возле двери и огляделась. Где-то рядом звучали голоса матери и Люка – те раскладывали свои вещи, ходили по комнатам, включали лампы с ведьминым огнем, что освещали дом Амалис. Клэри стиснула зубы. До сих пор непонятно, как Амалис попала к Себастьяну. Хотя здесь уже поработали специалисты Совета на предмет опасных артефактов и дали «зеленый свет», Клэри знала своего брата. Под настроение он был способен уничтожить весь дом, как бы хвастаясь, что это ему под силу: превратить мебель в щепки, зеркала – в стеклянное крошево, разнести окна и двери.

Из комнаты, где находилась мать, донесся легкий вздох облегчения, и Клэри поняла, что Джослин сейчас думает о том же самом: какое счастье, что дом уцелел. К тому же не видно признаков, что с Амалис приключилось несчастье. На кофейном столике несколько книг, пол хоть и запылен, но на нем ничего не разбросано, фотографии на стенах развешены аккуратно. Защемило сердце, когда девушка заметила возле камина снимок, где они с Джослин и Люком стоят, улыбаясь, в парке аттракционов на Кони-Айленд.

В памяти всплыли те минуты, когда она в последний раз видела сестру отчима: Себастьян принуждает кричащую Амалис отпить из Чаши ада. Через пару мгновений после глотка во взгляде женщины погас огонек личного «я», и у Клэри мелькнула мысль, что это все равно что быть свидетелем чьей-то смерти. Впрочем, на чужую смерть она уже насмотрелась. У нее на глазах расстался с жизнью Валентин. Как же так получилось, что, несмотря на столь юный возраст, за ней уже тянется шлейф из привидений?..

Вошел Люк, хотевший проверить, работает ли камин, и тоже заметил висевшие рядом снимки. Коснулся одного из них, с парой голубоглазых подростков. Мальчик на фотографии был увлечен рисованием, его неулыбчивая старшая сестра мрачно смотрела в сторону камеры.

Люк выглядел уставшим, даже изнуренным. Прыжок через Портал привел их сначала к воротам Гарда, откуда они через весь город добирались до дома Амалис. Отчим до сих пор морщился от боли в боку, хотя Клэри подозревала, что дело не только в ране, которая не успела залечиться. Приглушенность обстановки, уютные, такие знакомые половички в комнатах, аккуратно расставленные побрякушки, сувениры былых событий – все это лишний раз выразительно напоминало о том, что здесь безжалостно прервали обычное течение жизни.

Вошла Джослин, обняла мужа одной рукой, промолвила что-то негромкое, утешительное. Он обернулся, уронил ей голову на плечо. Сцена скорее царапающая душу, нежели романтическая, и Клэри стало неловко, словно она подглядела что-то очень личное. Стараясь не шуметь, девушка подхватила с пола свой вещмешок и отправилась на второй этаж.

Гостевая комнатка ничуть не изменилась. Тесновато, стены выкрашены в белое, окна круглые, словно иллюминаторы, – вон оно, это окошко, через которое Джейс пролез как-то ночью; а вот и все то же лоскутное одеяло. Девушка поставила вещмешок возле туалетного столика. Того самого, на котором Джейс утром оставил записку, что уходит и уже не вернется.

Присев на краешек постели, Клэри постаралась стряхнуть с себя паутину воспоминаний. Она и не подозревала, до чего это нелегко – вновь очутиться в Идрисе. Домом – нормальным, привычным домом – был Нью-Йорк. Идрис же означал войну и разруху. Именно здесь она впервые увидела смерть.

Кровь зудела в жилах, гулко стучала в висках. Страшно хотелось увидеть Джейса, увидеть Алека и Изабель: они бы дали ей точку опоры, позволили бы вновь ощутить себя в своей тарелке... Снизу еле слышно доносились шаги родителей, кажется, даже позвякивали чашки на кухне. Спрыгнув с кровати, она присела на корточки в изножье, где стоял старомодный сундук. Подарок Амалис в прошлый раз, когда Клэри здесь останавливалась; сестра отчима предложила подобрать себе что-то из одежды.

Она откинула крышку. Да, все на месте, аккуратно свернутые вещи, проложенные оберточной бумагой: школьная форма, всепогодные джинсы и свитера, юбки со строгими блузками в комплекте, а на самом дне платье, которое раньше казалось ей подвенечным. Девушка достала его из сундука, развернула и, коль скоро сейчас уже больше знала про Сумеречных охотников, наконец поняла, о чем идет речь.

Не подвенечное, а траурное – вот что. Белое незатейливое платье с коротким, плотно облегающим жакетом в комплекте, на котором вышиты серебристые руны скорби, а вот здесь, возле обшлагов, почти что невидимый рисунок с птицами.

Цапли.

Клэри аккуратно выложила наряд на постель. Перед внутренним взором встала Ааматис; наверняка это платье было на ней в день смерти Стивена. Она надела его на себя, разгладила складки, застегнула жакет на все пуговицы, чтобы скорбеть по человеку, с которым ее уже не связывали узы брака. Покров вдовы для женщины, не способной произнести это слово.

– Клэри? – В дверях, опершись рукой о косяк, стояла мать. – Ну-ка, что это у тебя... О-о... – Джослин пересекла комнату, коснулась белой материи. – Ах, Ааматис, Ааматис...

– Она ведь так и не смогла смириться с потерей, – полувопросительно сказала Клэри.

– Да, есть такие люди. – Рука Джослин оставила платье, коснулась волос девушки, по-матерински заботливо поправила выбившуюся прядь. – Так же как и нефилимы: мы ведь без остатка отдаем себя любви. Влюбиться один-единственный раз в жизни и умереть от тоски... Мой старый учитель говаривал, что сердца нефилимов подобны ангельским: испытывают всю ту боль, что доступна людям, но, в отличие от них, никогда не излечиваются.

– Да, но у тебя-то получилось. Раньше ты любила Валентина, теперь Люка.

– Знаю, знаю. – Взгляд Джослин ушел куда-то вдаль. – Но это случилось лишь после того, как я провела много времени среди обычных людей; вот когда мне стало ясно, что люди по-иному относятся к любви. Оказывается, ее можно испытывать неоднократно. Стоит лишь залечить сердечную рану, ты можешь любить вновь и вновь. И я всегда любила Люка. Может, не отдавая себе отчета, но все равно любила. – Она показала на одежду, разостланную поверх одеяла: – Этот жакет. Надень его завтра.

Клэри ошеломленно взглянула на мать:

– На заседание Совета?..

– Погибли Охотники. Были Сумеречными, стали Темными, – сказала Джослин. – Из нас каждый кого-то потерял: кто сына, кто брата, кто сестру. Да мы все, нефилимы, одна большая семья. Не очень дружная, правда, но... – Она коснулась лица дочери, выражение ее лица пряталось в тени. – Завтра предстоит очень длинный день.

Когда дверь за матерью закрылась, Клэри переоделась в ночную рубашку и забралась в постель. Закрыла глаза, намереваясь заснуть, но не тут-то было. Под веками то и дело, будто фейерверк, вспыхивали образы: ангелы сыплются с небес; золотая кровь; закованный в цепи и ослепленный Итуриэль... Картинки будущего. В голове всплыл сон, в котором она увидела брата: черные, сочащиеся кровью крылья, он бредет по ледяному озеру...

Клэри рывком отбросила одеяло. Жарко, кожа чуть ли не горит – воспалена из-за расшалившихся нервов. Выбравшись из кровати, девушка зашлепала босыми ногами на кухню в поисках стакана воды. Свет в гостиной потушен, но из-под двери пробивается тусклая полоска, доносится приглушенная, неразборчивая беседа. Кому-то еще не спится. Девушка осторожно прокралась дальше по коридору, пока голоса не обрели знакомый тембр. Она узнала мать, та была явно чем-то расстроена.

– Как вообще она могла очутиться в шкафу? – говорила Джослин. – Я не видела ее... не знаю, с тех пор как Валентин забрал все наши вещи, еще в Нью-Йорке.

Ей отвечал Люк:

– Но разве Клэри не говорила, что она теперь у Джонатана?

– Да, но в этом случае она погибла бы вместе с тем домом, разве не так? – Голос матери звучал теперь гораздо громче, потому что Клэри стояла уже у самого дверного проема. – Со всеми шмотками, что еще Валентин мне покупал. Можно подумать, я собиралась вернуться...

Клэри замерла. Она видела в щелочку, что мать и отчим сидят за кухонным столом, спиной к дверям. Джослин сидела, уронив голову на подложенный локоть, а Люк утешительно гладил ее по спине. Клэри рассказала матери про то, что Валентин держал в кочующем доме вещи Джослин, явно полагая, что та когда-нибудь одумается и вновь станет с ним жить. Мать выслушала достаточно спокойно, однако вся эта история явно задела ее куда сильнее, чем полагала Клэри.

– Джослин, его больше нет, – промолвил Люк. – Я понимаю, что это может показаться чуть ли не абсурдом. Валентин всегда, можно сказать, был больше чем жизнь, даже когда прятался. Но факт есть факт: он мертв.

– В отличие от моего сына, – парировала Джослин. – Сколько раз я вынимала ту несчастную шкатулку и рыдала над ней в его день рождения... А порой он мне снился... мальчик с изумрудными глазами, мальчик, который не был отравлен демонской кровью, который умел смеяться и любить, быть человеком: вот о каком мальчике я рыдала, но на самом деле он никогда не существовал.

«Вынуть шкатулку и расплакаться», – мрачно подумала Клэри: теперь она поняла, о чем идет речь. Незамысловатая коробка, служившая своего рода мемориалом по умершему ребенку, хотя он и продолжал жить – в каком-то смысле. Состриженный локон с младенческой головы, фотоснимки и крохотный башмачок. Последний раз, когда Клэри видела эту шкатулку, та находилась в распоряжении брата. Не исключено, что Себастьян получил ее от Валентина, хотя она не могла взять в толк, с какой стати брат вздумал бы ее хранить. Вот уж кого, даже при желании, не заподозрить в сентиментальности...

– Тебе придется сказать об этом Клэри, – покачал головой Люк. – Если тут как-то замешан Себастьян, она обязана знать.

У Клэри похолодело в груди.

– Очень жаль, что все так вышло, – посетовала Джослин. – Кабы нашлись во мне такие силы, я бы все скопом швырнула в камин... Только и осталось, что локти себе кусать, – гневно вырвалось у нее. – А я всего-то хотела уберечь Клэри! Но тот... то существо, которое вызывает у меня такой страх за дочь... и за всех нас... этого существа в помине бы не было, если бы не я!.. – Голос матери зазвучал тускло, горько. – Надо было его удавить еще в колыбели, – добавила она и изменила позу, так что теперь Клэри могла увидеть, что же лежит на столешнице.

Да, это она, сызмальства знакомая серебряная шкатулка. Тяжелая, с простой крышкой без украшений; лишь на боковой стороне выгравировано *Дж. К.*

Утреннее солнце сверкало на новенькой решетке ворот напротив Гарда. «Старые-то, надо полагать, разрушены во время сражения, – решила Клэри. – Вон еще и деревья стоят обгорелые по всему холму». За воротами открывалась панорама Аликанте, мерцала вода в каналах, огромные башни тянулись к дневному светилу, которое своим блеском делало их похожими на прожилки слюды в куске минерала.

Сам Гард успели более-менее восстановить. Огонь оказался бессилен против каменной кладки, так что Старый город до сих пор опоясывала стена, в которой и были устроены новые ворота, изготовленные из прозрачного *адамаса*, того же самого материала, который пошел на возведение сторожевых башен. Решетку, по всей видимости, ковали вручную; отчетливо видна эмблема Совета – четыре буквы *С*, вписанные в квадрат, каждая соответствует определенной расе нежити, о чем и свидетельствует выбитый символ. Лунный серп для оборотней, колдовская книга для магов, эльфийская стрела для Дивного народца, ну а для вампиров – звезда.

Гм, звезда... А что еще можно придумать в качестве характерного знака вампиров? – задалась девушка вопросом. Каплю крови? Клык? Нет. В звезде есть какая-то элегантная простота. Искра света во мраке, том самом мраке, который никогда не рассеется, к тому же звезда одинокая, страшно одинокая, и понять это способны лишь те существа, которым не умереть вовеки.

Клэри тосковала по Саймону до боли. После беспокойной ночи чувствовала себя совершенно разбитой, исчерпавшей эмоциональный ресурс. Делу не помогал и тот факт, что она со всех сторон притягивала к себе довольно неприязненные взгляды. Возле ворот кучковались десятки Сумеречных охотников, в большинстве своем незнакомых. Кое-кто украдкой косился на Джослин с Люком; жалкая горстка вышла вперед, чтобы поприветствовать вновь прибывших, ну а все остальные просто держались поодаль, не скрывая любопытства. Джослин сохраняла внешнюю невозмутимость, но, судя по всему, это стоило ей немалых сил.

По склону холма поднимались все новые и новые Охотники. У Клэри отлегло от сердца, когда она узнала семейство Лайтвудов: Мариза в авангарде, возле нее Роберт, Изабель, Алек и Джейс замыкающими. Все до единого в белоснежных траурных облачениях. Особенно торжественной выглядела Мариза. Клэри отметила про себя, что Роберт хоть и шел с ней рядом, но все же на расстоянии. Даже за руки не держались.

От семейной группы отделился Джейс и направился к девушке. Его тоже сопровождали внимательными взглядами, хотя сам он этого вроде бы не замечал. Среди нефилимов за ним водилась довольно странная репутация: вроде бы сын Валентина, но в то же время и не сын. Порабощен Себастьяном, высвобожден клинком Небес. Девушка в деталях знала эту историю, как, впрочем, и всякий, кто был на короткой ноге с Джейсом, но слухи все равно множились и ветвились, как кораллы, прибавляя все новые краски и выверты.

«...ангельская кровь...»

«...особенный дар...»

«...говорят, Валентин обучил его каким-то спецприемам...»

«...у него по венам течет огонь...»

«...куда смотрит Совет?! Обращают в нефилимы кого ни попадя...»

Шепоток тянулся за парнем, как липкое облако.

День стоял ясный, зимний, морозный, но солнечный, и дневной свет выхватывал в шевелюре Джейса золотые и серебряные нити, что заставило Клэри даже поморщиться от их ослепительной искристости.

– Я вижу, ты в траурном? – сказал он, касаясь рукава ее жакета.

– Ты на себя взгляни, – не осталась в долгу девушка.

– Да нет, мне просто казалось, у тебя здесь нет траурной одежды.

– Это не мое. Аматис, – объяснила Клэри. – Слушай... Нам надо поговорить.

Он послушно отошел вслед за ней в сторону. Девушка передала разговор, который случайно подслушала ночью, и добавила:

– Это совершенно точно та самая шкатулка, я ее помню. Раньше она была у мамы, но последний раз я видела ее у Себастьяна, в том доме.

Джейс запустил в волосы всю пятерню.

– Я так и думал, что это неспроста, – кивнул он. – Понимаешь, нынче утром Мариза получила от твоей матери сообщение. – Парень избегал встречного взгляда. – Себастьян обратил сестру Люка. Специально, чтобы досадить твоей матери. Он же ее ненавидит. Он проник в Аликанте и похитил Аматис перед сражением в Беррене. Себастьян, можно сказать, самолично предупредил меня об этом, еще когда мы были... гм... вместе. Дескать, собирается выкрасть кое-кого из аликантийских Охотников. Вот только имени не назвал...

Клэри кивнула. Немножко странно слушать, как Джейс говорит о том периоде, когда они с Себастьяном были не просто соратниками, но и ближайшими друзьями. Все та же внешность, те же черты, но в ту пору Джейс был кем-то совершенно иным.

– Думаю, шкатулку Себастьян принес с собой и оставил в шкафу, – продолжил юноша. – С таким расчетом, чтобы в один прекрасный день твоя семья на нее наткнулась. Поставил подпись, если угодно.

– Так считает Конклав?

– Так считаю я, – сказал он и наконец взглянул ей в глаза: – Ты же знаешь, что мы с тобой разбираемся в поступках Себастьяна в сто раз лучше членов Совета. Эти вообще ни бельмеса не смыслят в его мотивах.

– Зато им спится спокойней.

В воздухе расплылся удар колокола, и ворота распахнулись. Ребята присоединились к Лайтвудам, Джослин и Люку, которых уже подхватил поток Сумеречных охотников, хлынувший внутрь. Они миновали сады, разбитые под стенами крепости, взошли по каменным ступеням, а оттуда по длинному гулкому коридору попали в Зал Совета.

Джия Пенхоллоу, облаченная в тогу Консула, стояла в дверях, встречая каждого из вновь прибывших. Зал был в виде амфитеатра: половинка круга, опоясанная рядами взбиравшихся к потолку скамеек; в точке фокуса находился прямоугольный подиум с двумя пюпитрами – один для Консула, другой для Инквизитора. За пюпитрами два громадных окна с панорамой Аликанте за стеклом. Помимо пюпитров, на подиуме стояли четыре стула с высокими резными спинками, украшенными эмблемами: колдовская книга, месяц, стрела и, наконец, звезда, – места для нежити в составе Совета.

Перед подиумом стоял стол, накрытый голубым бархатом, а на столе в лучах солнца, проникавших сквозь окна, матово искрился Меч смерти.

Клэри уселась рядом с матерью, здесь же – Лайтвуды, кроме Роберта, который занимал пост Инквизитора. Люк задумчиво посмотрел на предназначавшийся ему стул, однако остался возле Джослин. В конце концов, сегодня не пленарное заседание, да и Люк был здесь не в своем официальном статусе.

Девушка осмотрелась по сторонам. Поток Сумеречных охотников иссяк до слабого ручейка; амфитеатр был заполнен чуть ли не под потолок, правда, кое-где на скамейках еще оставались свободные места. В свое время сюда можно было попасть разными путями, не только лишь через Гард. К примеру, один из ходов вел из Вестминстерского аббатства, другой – из барселонского собора Саграда Фамилия, третий – из московского Василия Блаженного, но все они были перекрыты после изобретения Порталов.

Джия Пенхоллоу взошла на подиум и громко хлопнула в ладоши.

– Уважаемые члены Совета, прошу внимания, – произнесла она.

Тишина воцарилась быстро, многие Охотники непроизвольно подались вперед. Последние дни в воздухе испуганными птицами носились слухи, но каждому хотелось получить достоверную информацию.

– Бангкок, Буэнос-Айрес, Осло, Берлин, Москва, Лос-Анджелес, – перечислила Джия, – были атакованы один за другим, у них даже не было времени сообщить о нападениях. Анклавы потеряли практически всех Охотников: они были обращены. Другие – не так много, либо слишком пожилые, либо слишком юные, – попросту убиты. Тела оставлены нам для погребальных костров, для Безмолвного города, где тишина буквально звенит голосами павших воинов.

В передних рядах кто-то вскинул руку. Темноволосая смуглянка, на чьей щеке четко выделялась серебристая татуировка в форме рыбки *кои* – японского карпа. Клэри не часто доводилось видеть тату, которое не имело бы отношения к Меткам, хотя, впрочем, встречалось и такое.

– Ты сказала «обращены», – произнесла женщина. – Это что, фигура речи? Обращены во что? В прах?

Консул поджала губы.

– Я имела в виду нечто совсем иное, – сказала она. – Обращены в наших врагов. Речь идет о так называемых Помраченных, тех самых, кого Джонатан Моргенштерн – или Себастьян, как он сам предпочитает себя именовать, – вынудил повернуться спиной к нашему Завету посредством Чаши ада. Напомню, что каждый из филиалов получил оперативную сводку о сражении под Берреном, и факт существования Помраченных уже не был такой неожиданностью, хотя среди нас всегда найдутся такие, кто не хочет взглянуть правде в глаза.

По залу побежал гул, но Клэри едва его замечала, так же как и руку Джейса, который сжимал ее запястье. В ушах снова свистел ветер Берренской долины; перед глазами стояли лица тех, кто отнимал губы от кромки Чаши ада, чтобы с собачьей преданностью взглянуть на Себастьяна; Метки нефилимов бледнели, таяли на их коже...

– Охотники друг с другом не воюют, – безапелляционно заявил один из старцев в переднем ряду. Джейс шепотом уведомил, что это руководитель исландского отделения в Рейкьявике. – Сама мысль сродни богохульству!

– Как и убеждения Себастьяна, – кивнула Джия. – Его отец хотел очистить мир от нежити, зато сын преследует ровно противоположную цель – желает поставить нефилимов на службу зла.

– Но коли ему удалось превратить... *обратить* нефилимов в чудовища, что нам мешает изыскать способ «вернуть» их обратно? – вступила в разговор Насрин Чодри, глава мумбайского Института, воистину царственная особа в белом сари, декорированном рунической вязью. – Мы не из тех, кто бросает своих при первой же опасности.

– В Берлине был найден один из Помраченных, – сообщил Роберт. – Он находился в крайне тяжелом состоянии, и, по-видимому, его сочли мертвым. Сейчас над ним работают Безмолвные братья в надежде отыскать путь к вакцине и так далее.

– Один из Помраченных?! – взвилась женщина с японским карпом на щеке. – У него, знаете ли, имя есть! Имя Сумеречного охотника!

– Амальрик Кригсмессер, – после секундной паузы промолвил Роберт. – Его семья уже поставлена в известность.

«Маги Спирального лабиринта тоже не сидят сложа руки».

Мыслеречь Безмолвного брата эхом прокатилась по залу. Возле подиума встал мужчина в монашеском клобуке, и Клэри узнала в нем брата Захарию. Рядом с ним была Хелен Блэкторн, тоже в траурной белой одежде, взволнованная и нетерпеливая.

– Маги... – бросил кто-то презрительным тоном. – Вы считаете, ведьмаки способны на нечто большее, чем наши собственные Безмолвные братья? Вот уж вряд ли.

– А нельзя ли допросить этого Кригсмессера? – вмешалась какая-то высокая седовласая дама. – Вдруг он знает о ближайших планах Себастьяна, не говоря уже о способе лечения?

«Амальрик Кригсмессер едва балансирует на краю сознания, к тому же является рабом Чаши ада, – возразил брат Захария. – Она управляет им полностью, без остатка, лишив воли и самой личности».

Вновь подала голос смуглянка с карпом:

– Я правильно понимаю, что в данную минуту Себастьян Моргенштерн неуязвим? Что его нельзя убить?

Зал опять загудел. Ответила Джия, и ей даже пришлось повысить голос:

– Первые атаки не оставили в живых ни одного нефилима. Я имею в виду тех, кого Себастьяну не удалось обратить. Однако при последнем по счету нападении – на лос-анджелесский Институт – шестерым удалось выбраться. Все до единого несовершеннолетние. Хелен Блэкторн! Будь так любезна, приведи свидетелей.

Девушка кивнула и, сопровождаемая взглядом Клэри, скрылась в боковой двери. Минуту спустя она вернулась, на сей раз неторопливым шагом, заботливо придерживая за плечо худенького мальчика с каштановыми вихрами, по виду никак не старше двенадцати лет. Клэри узнала его в ту же секунду. Она уже видела этого парнишку в институтском фойе при первом знакомстве с Хелен; та держала его за руку, которая была вымазана воском свечей, что украшали фойе. Ухмылка у него тогда была лукавая, а глаза отливали той же зеленоватой голубизной, что и у сестры.

Джулиан, точно. Младший братишка.

Сейчас на лице мальчика не то что ухмылки – подобия улыбки не было. Он выглядел измотанным и перепуганным. Неухоженным. Из обшлага белого траурного жакета с чересчур короткими рукавами торчали костлявые запястья. На руках у него был ребенок. Годика два с половиной или три, такой же нечесаный. Не иначе, фамильная черта. Остальные дети также были в траурных одеяниях с чужого плеча. Вслед за Джулианом шла девочка лет десяти, ни на миг не выпускавшая руку мальчика такого же возраста. Волосы у девочки были темно-каштановые, у мальчика – наполовину скрывавшие лицо черные кудри. «Двойняшки», – тут же решила Клэри. За близнецами шла девочка лет восьми-девяти, с круглой мордочкой, чью бледность еще сильнее оттеняли каштановые косички. Все Блэкторны – несомненное семейное сходство бросалось в глаза – выглядели ошеломленными, испуганными, за исключением Хелен, на чьем лице играли все краски гнева и скорби.

Ощущение страшной беды ужалило Клэри в самое сердце. На ум пришла мысль, что с ее знанием рун она, пожалуй, взялась бы создать нечто, что смягчило бы боль этих детей. Руны траура и скорби действительно существовали, но лишь в качестве дани уважения мертвым, подобно тому, как имелись руны любви, прославляющие это чувство. Своего рода обручальные кольца, если угодно, те самые, что символизируют сердечные узы. Но... Заставить влюбиться с помощью рун невозможно, так что вряд ли получится придумать руну против скорбной утраты. «Это же надо, – мрачно подумала девушка, – такая пропасть волшебства, и хоть бы крошечку магии для врачевания разбитых сердец».

– Джулиан Блэкторн, – сказала Джия Пенхоллоу, и ее голос был мягок. – Подойди сюда, пожалуйста.

У мальчика дернулся кадык. Он кивнул, передал кроху старшей сестре и сделал шаг вперед, простреливая взглядом зал. Он явно кого-то выискивал в толпе. Его плечи уже поникли, когда на подиум выскочила какая-то фигурка. Девочка, тоже лет двенадцати, со спутанными светлыми локонами, струившимися по спине. Она была в джинсах и мешковатой футболке, глаза опущены, будто не в силах вынести взглядов собравшихся. Было ясно, что девочке не нравится здесь быть – в зале, а может, и вообще в Идрисе, – но зато Джулиан тут же успокоился, когда увидел ее. В его лице уже не было испуга, когда она встала возле Хелен, повернувшись к залу вполоборота, чтобы ни на кого не смотреть.

– Джулиан, – повторила Джия все тем же медоточивым голосом, – ты не мог бы для нас кое-что сделать? Скажем, взять Меч смерти в руки?

Клэри дернулась в кресле. Ей самой доводилось касаться меча, ощущать его тяжесть. Его ледяной холод, крючьями впивавшийся в кожу, вытягивал из тебя правду, как на дыбе. Никто не может лгать, держа в руках Меч смерти, но даже если всей душой стремишься рассказать правду, она все равно выходит мучительно, словно раздирает тебя изнутри.

– Так нельзя... – не веря своим ушам, прошептала она. – Это же ребенок...

– Самый старший из всех, кто выбрался, – хмуро пробурчал в ответ Джейс. – У них нет выбора.

Джулиан тем временем решительно кивнул; он уже стоял, расправив плечи:

– Да, я готов взять в руки этот меч.

Роберт Лайтвуд покинул свое место и приблизился к столу. Подняв меч, он встал напротив мальчика. Контраст между ними был до того разительным, что при иных обстоятельствах вызвал бы смехи: мощный воин в расцвете сил и неуклюжий подросток с веником вместо прически.

Джулиан простер руку и принял оружие. Едва его пальцы сомкнулись на рукояти, как он вздрогнул, сражаясь с болезненным ознобом. Девочка-блондинка дернулась было вперед – Клэри заметила на ее лице выражение полнейшего бешенства, – но Хелен не дала ступить ей ни шагу.

Джия тем временем также прошла вперед и опустилась на одно колено. Странная это была картина: мальчик с мечом, а сбоку от него Консул, чья тога, подолом устлавшая подиум, напоминала лужу разлитого молока, а у противоположного плеча – Инквизитор.

– Джулиан, – сказала Джия, и, хотя голос ее был негромким, по залу пронеслось эхо. – Перечисли тех, кто сейчас находится возле тебя.

Звонким мальчишеским голосом Джулиан произнес:

– Вы. Инквизитор. Моя семья... сестра Хелен, Тиберий и Ливия, Друзилла и Тавви. То есть Октавий. А еще моя лучшая подруга Эмма Карстэйрс.

– Вы все находились вместе во время нападения на Институт?

Джулиан отрицательно помотал головой:

– Кроме Хелен. Она была тут.

– А теперь расскажи нам, что видел. Сможешь? Ничего не пропустив?

Джулиан сглотнул. Мальчик был бледен. Клэри с легкостью представляла ту боль, что он сейчас испытывал, боль и тяжесть меча.

– Это случилось днем, – сказал он. – Мы как раз упражнялись в тренировочном зале. Нам преподавала Кейт. Марк присматривал за порядком. Родители Эммы совершали обычное патрулирование в районе пляжа. И вдруг что-то сильно вспыхнуло.

Я еще подумал, что похоже на молнию или салют. Только... я ошибся. Кейт с Марком сказали, чтобы мы их ждали в тренировочном зале, а сами пошли вниз.

– Но вы ждать не стали? – уточнила Джия.

– Потому что услышали шум битвы. И тогда мы разделились... Эмма побежала за Друзиллой и Октавием, ну а я на Командный пункт... в смысле, в директорский кабинет... чтобы оттуда сообщить обо всем Конклаву. Со мной были Ливия и Тиберий. По дороге пришлось миновать фойе. Там-то мы его и увидели.

– Его?

– Поначалу я решил было, что это тоже Сумеречный охотник. Только он совсем другой. На нем был красный плащ, весь расписанный рунами.

– А поточнее? Какие это были руны?

– Я такие еще не разучивал, но все равно они были... как сказать... неправильные, что ли. То есть не как в «Серой книге». Когда на них смотришь, то начинает подташнивать. И он еще сбросил капюшон. Волосы светлые-светлые, я даже решил поначалу, что он седой и совсем старый. И только потом понял, что на самом деле это Себастьян Моргенштерн. А еще у него был меч.

– Ты смог бы его описать?

– Ярко-серебристый. По клинку и рукояти узор из черных звезд. Он вынул его из ножен и...

Джулиан поперхнулся, и Клэри чуть ли не кожей ощутила его борьбу с самим собой, когда ужас воспоминаний сражается с необходимостью все пересказать другим, а значит, заново в деталях пережить кошмар. Стиснув кулаки, девушка подалась вперед, не замечая, что ногти чуть ли не до крови впились в ладони.

– Он приставил его к горлу моего отца, – продолжил мальчик. – Кроме Себастьяна там были еще и другие. Тоже в красном...

– И тоже Охотники? – спросила Джия.

– Я не знаю... – Джулиан стал задыхаться. – Кое-кто был в черных накидках. Другие – в обычной униформе, только алого цвета. Я такого никогда не видел. А еще там была женщина с каштановыми волосами, и она держала кубок, очень похожий на Чашу смерти. Она заставила моего отца из него выпить. Он закричал, упал на пол. Брат тоже потом кричал.

– Брат? – встрепнулся Роберт Лайтвуд. – Какой именно?

– Марк, – ответил мальчик. – Они его куда-то вели, а он обернулся и крикнул, чтобы мы бежали наверх и там открыли Портал. Я побежал, только споткнулся на верхней ступеньке, и, когда посмотрел вниз, они все на него накинулись, прямо как... как... – Джулиан всхлипнул. – А отец уже поднимался, и глаза у него стали уже черные, он тоже бросился на Марка, будто не сын он ему...

Голос у него треснул, и в эту секунду светловолосая девочка, вырвавшись наконец из рук Хелен, бросилась вперед и встала между своим другом и Консулом.

– Эмма! – воскликнула Хелен, делая шаг в их сторону, однако Джия вскинула ладонь, прося остановиться.

Эмма задыхалась и была блее полотно. У Клэри мелькнула мысль, что ей еще не доводилось видеть столь сильного гнева в ребенке.

– Оставьте его в покое! – крикнула девочка, раскидывая руки крестом, как если бы хотела защитить Джулиана, хотя и была на целую голову ниже. – Вы же мучаете его!

– Эмма, все в порядке, – сказал Джулиан, чье лицо начинало розоветь, коль скоро допрос на время прекратился. – Так надо.

Она развернулась к другу:

– А вот и нет! Я тоже там была! И тоже все видела. Пусть и меня допросят! – Эмма вытянула обе руки, словно требовала, чтобы ей дали меч. – И между прочим, именно я попала ножом Себастьяну в сердце! Именно я увидела, что он остался при этом жив. Вот *меня* и спрашивайте!

– Нет-нет-нет... – начал было мальчик, но Джия уже подала голос, все такой же сладкий:

– Ну, конечно, Эмма, мы и с тобой поговорим. Только попозже. Держать Меч смерти немножко больно, но это не страшно, тут главное...

– Знаете что? – сказала Эмма. – Надоели вы мне, сил нет. – И с этими словами она шагнула к Джулиану, который всю прижимал меч к груди.

Было ясно, что расставаться с ним он не намерен. Когда девочка ладонями накрыла его кулаки на рукояти, Джулиан замотал головой – и в результате теперь они оба держали оружие.

– Я метнула нож в Себастьяна, – произнесла девочка звенящим голосом. – А он вынул его из груди и рассмеялся. И сказал: «Жаль, что ты не переживешь этот день. А то смогла бы уведомить Конклав, что Лилит даровала мне неодолимую силу. Мою жизнь оборвет разве что меч, подобный Блистательному. Что ж, тем хуже для нефилимов, что они больше не могут взывать к заступничеству Небес, и те жалкие зубочистки, что они пытаются выковать в своей Адамантовой цитадели, уже не в состоянии мне навредить».

Клэри передернула плечами. В словах, что передала Эмма, был весь Себастьян; он словно встал перед глазами девушки. Аудитория гудела растревоженным ульем, утопив шепот Джейса; Клэри увидела только, как шевелятся его губы.

– Но почему ты так уверена, что попала ему в сердце? Ошиблась, поди? – насупившись, спросил Роберт.

Вместо девочки ответил Джулиан.

– Эмма не умеет промахиваться, – заявил он обиженно-возмущенным тоном, словно его самого только что оскорбили.

– Я знаю, где расположено сердце и что это такое, – сказала девочка, бросив на Инквизитора взгляд, полный гнева... или скорее горечи. – В отличие от вас!

Отступив от Джулиана, она бросилась прочь, едва не столкнув Роберта.

Эмма исчезла за боковой дверью, и Клэри непроизвольно втянула воздух сквозь зубы: неужели за ней никто не поспешит, не успокоит? Джулиан явно порывался сделать это, однако сам оказался словно в западне: с одного бока Консул, с другого – Инквизитор, а тут еще Меч смерти, давящий своей тяжестью. Что касается Хелен, то девушка глядела вслед малышке с нескрываемой болью, стискивая в руках самого крохотного члена осиротевшей семьи, Тавви.

Не в силах вынести все это, Клэри поднялась на ноги. Джослин протянула было руку, но ее дочь уже летела вниз по проходу. Внизу покатым пол перешел в деревянные ступени, девушка прогрохотала по ним, шмыгнула мимо Джии с Робертом, мимо Хелен с детьми, а оттуда напрямик в дверь, за Эммой.

И едва не сшибла Алину, которая, хмурясь и покусывая губы, таилась за полуприкрытой створкой, наблюдая за тем, что происходит в зале. При виде Клэри на ее лице проступило откровенное изумление:

– Ты куда?

– Эмма! – задыхаясь, выпалила Клэри. – Эмма, только что!..

– Ну да, пробежала. Я хотела ее остановить, да куда там!.. – Алина вздохнула и бросила взгляд в зал, где Джия вновь приступила к допросу Джулиана. – Сама понимаешь, что они пережили за последнее время, и дети, и Хелен... Трех лет не прошло, как мать скончалась, и вот, пожалуйста, новая напасть. Из всех родных только дядя остался, да и тот в Лондоне.

– Ты думаешь, детей туда и отправят, когда все кончится? – спросила Клэри.

Алина покачала головой:

– Да вроде нет. Дяде этому предложили возглавить лос-анджелесский Институт, так что есть надежда, что он согласится переехать и воспитывать племянников. Но окончательного согласия он еще не дал. Наверное, не успел отойти от потрясения. Как-никак брат погиб... в смысле, Эндрю Блэкторн не то чтобы мертв, но... В общем, это даже хуже смерти.

Ее голос был полон горечи.

– О да, я знаю, – кивнула Клэри. – До мелочей знаю, что это такое.

Алина помолчала, внимательней присматриваясь к ней.

– Пожалуй, – согласилась она. – А кстати, как теперь быть с Хелен, ума не приложу... Чем бы помочь... Она же себя поедом ест, мол, пока была тут, со мной, на Институт напали... Стараются как может, но разве она мать всем этим детям? И дядя их еще не приехал, а у Эммы – Ангел спаси ее и сохрани! – того и гляди нервы сдадут. У нее-то вообще от семьи никого не осталось.

– Вот я и хочу поговорить с ней.

Алина заправила выбившийся локон за ухо; на пальце правой руки блеснуло кольцо Блэкторнов.

– Не будет она ни с кем говорить. Разве что с Джулианом.

– Дай хоть рискнуть, – попросила Клэри. – Пожалуйста.

Алина бросила на нее оценивающий взгляд и вздохнула:

– Ладно. Прямо по коридору, первая дверь налево.

Коридор закруглялся полукольцом, уводя от Зала Совета в глубь здания. Голоса нефиллимов становились все глуше и неразборчивей. Стены представляли собой гладкотесаный камень, украшенный гобеленами с различными сценами из славной истории Сумеречных охотников. Первая дверь налево оказалась самой обычной, деревянной, без какой-либо резьбы. Створка прикрыта неплотно, но девушка все равно решила постучаться, чтобы не застать девушку врасплох.

Комната тоже была заурядной: деревянная панельная обшивка, множество стульев, да еще расставлены кое-как, словно наспех. Чуть ли не приемный покой в какой-нибудь больнице. Воздух спертый – запах нежилого помещения или, во всяком случае, того места, где проводят время вынужденно и к тому же объаты при этом волнением, даже скорбью.

В углу, впритык к стене, стоял стул, на котором и сидела Эмма. Сейчас она казалась еще меньше, чем в громадном зале. Мешковатая футболка не скрывала Метки; на левой руке, что лежала на рукояти короткоклинкового меча – девочка была левшой, как и Джейс, – изображена Руна прозорливости. Приглядевшись, Клэри поняла, что девочка была очень светлой блондинкой, но несмытая грязь делала ее волосы намного темнее. Из-под нечесаных прядей сверкали глаза, в которых читался вызов.

– Ну? – сказала Эмма. – Чего надо?

– Да ничего мне не надо, – пожала плечами Клэри, прикрывая за собой дверь. – Так только, поговорить немного.

Девочка с подозрением сузила глаза:

– Что, все-таки решили допросить меня на Мече смерти, да?

– Нет. Я сама такое пережила, страшная вещь, врагу не пожелаю. Стыдно, что они взялись мучить твоего товарища. По-другому как-то надо...

– Я вообще считаю, что они просто обязаны были поверить ему на слово, – мрачно заявила Эмма. – Джулиан не врет.

Она метнула в Клэри взгляд, словно ожидала возражений и была готова драться за свои слова.

– Конечно, не врет, – охотно согласилась девушка и сделала шагок поближе, будто боялась спугнуть зверька в лесной чаще. – Джулиан твой лучший друг, я правильно понимаю?

Эмма кивнула.

– У меня тоже есть лучший друг. Его зовут Саймон.

– Ах вот как? И где он? – Девочка взглянула Клэри за плечо, словно там вот-вот должен был материализоваться неизвестный ей юноша.

– В Нью-Йорке, – сказала Клэри. – И я очень по нему скучаю.

Эмма кивнула с понимающим видом, будто именно такого ответа и ожидала.

– Джулиан тоже был в Нью-Йорке, – сообщила она. – И я так соскучилась, что взяла с него слово: чтоб без меня ни ногой. Никуда и никогда.

Клэри фыркнула, придвинулась ближе.

– Какой красивый меч, – сказала она, показывая на клинок, лежавший у Эммы поперек колен.

Выражение лица девочки немного смягчилось. Она коснулась лезвия, несшего изящную гравировку из переплетенных рун и листвы. Эфес был выполнен из золота, а вдоль стальной кромки бежала вязь: *«Я – Кортана, той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль»*.

– Отцовский. Передавался у нас в семье из поколения в поколение. Знамени-итый... – добавила она гордо. – Старая работа.

– *Той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль*, – задумчиво прочитала вслух Клэри. – Мечи хоть куда... А ты знаешь, кто владел знаменитыми клинками?

– Кто?

– Исключительно герои, – сказала Клэри, усаживаясь на пол, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Эмма нахмурилась.

– Я не герой, – заявила она. – Потому что ничего не сделала для спасения отца Джулиана. Или его брата, Марка.

– Я тебе очень, очень сочувствую, – сказала Клэри. – Я знаю, как это – потерять близкого, родного человека. Увидеть, как он уходит в Темноту. Становится кем-то... чем-то иным.

Однако Эмма отрицательно помотала головой:

– Нет-нет, Марк не ушел в Темноту. Его просто увели.

– В каком смысле? – нахмурилась девушка. – Куда увели?

– Они не стали поить его из Чаши. Кровь-то у него фейри, не подходит, – объяснила девочка, и Клэри припомнила, как Алек однажды обмолвился, что в семейном древе Блэкторнов был кто-то из числа Дивного народца. Словно предвосхищая следующий вопрос, Эмма рассудительно добавила: – Такая кровь только у Марка и Хелен. У них общая мать. Оставила их еще маленькими на руках у мистера Блэкторна. Джулиан и остальные – им сводные. Мать-то другая.

– М-м... – неопределенно кивнула Клэри, опасаясь, как бы эта девочка, и без того успевшая столь многое перенести, не приняла ее за шпионку, подосланную Советом вывести побольше. – Да, мы с Хелен знакомы. А Марк очень на нее похож?

– Еще как! У них обоих такие ушки заостренные и волосы светлые-пресветлые. Остальные-то Блэкторны куда темнее, правда? А Тай и вовсе чернявый. Никто понять не может: как так вышло? У Ливви каштановые волосы, а она-то ему близняшка!

На щеки девочки возвращалась розовая краска, лицо оживилось; было видно, что ей нравится рассказывать про семейство Блэкторнов.

– Так ты говоришь, Марку не дали пить из Чаши? – напомнила Клэри. Про себя она удивилась, что Себастьяну отчего-то было не все равно. Брат, конечно, никогда не отличался фанатичностью Валентина, коль скоро речь заходила про нежить, но, с другой стороны, и любовью к ним отнюдь не пылал. – Уж не оттого ли, что заклятие не работает, если у кого-то кровное родство с нежитью?

– Может быть, – согласилась Эмма.

Клэри сочувственно положила руку девочке на плечо. Следующий вопрос будет жестоким, но не спросить тоже нельзя...

– А твои родители... Он ведь не превратил их в Помраченных?

– Нет... нет... – прошептала Эмма трясущимися губами. – Они погибли. Их не было в Институте во время нападения, потому что они расследовали сообщение о демонической активности в другом месте. После атаки их выбросило волнами на пляж. Я ведь могла пойти с ними, но мне хотелось остаться в Институте. Вместе потренироваться с Джулсом. А вот если бы пошла...

– То и тебя бы нашли на том пляже, – сказала Клэри.

– Откуда ты знаешь? – Глаза девочки сверкнули, в них читалось, что она хотела быть рядом с родителями в страшную минуту, хотела защитить их.

– Я вижу, из тебя получится отличный Сумеречный охотник, – сказала Клэри. – Я вижу твои Метки. Вижу шрамы. И то, как ты держишь свой меч. Если ты так ловка в своем возрасте, могу представить, какими умелыми воинами были твои родители. А это значит, что ты не смогла бы спасти их. – Она легонько коснулась меча. – Герои не всегда побеждают, – продолжила она, – они порой тоже терпят поражение. Но никогда не опускают руки. Не сдаются, понимаешь? Вот почему они герои.

Эмма сделала прерывистый вдох, и в этот миг раздался дробный стук в дверь. Клэри обернулась вполоборота и увидела Джейса. В неярком свете волосы у него отливали темным золотом, а глаза лишь на долю оттенка были светлее. Девушке показалось, что она видит огонь внутри него, подсвечивающий кожу и вены.

Эмма, стиснув свой меч, испуганно смотрела на него.

– Заседание Совета подошло к концу, – сообщил Джейс. – И сдается мне, Джия не в восторге, что ты удрала. Что вы обе удрали, – добавил он.

– То есть жди неприятностей, хочешь сказать? – спросила Клэри.

– Да ты из них не вылезашь, – улыбнулся Джейс. – Ладно. Не переживай, обойдется... Слушай, мы уже уходить собрались. Ты как, с нами?

Девушка помотала головой:

– Встретимся позже, я зайду к вам домой. Там и расскажете, что было решено на Совете.

Парень помедлил.

– Приходи с Алиной или Хелен, – посоветовал он. – И кстати, дом Консула на той же улице, что и наш дом...

Он дернул молнию, рывком застегивая куртку до самого горла, и выскользнул из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Клэри повернулась к Эмме, которая не сводила с нее глаз.

– Ты разве знакома с Джейсом Лайтвудом? – прошептала девочка.

– Ну да. А что тут особенного?

– Ой, он ведь такой знаменитый! – воскликнула Эмма с нескрываемым восторгом. – Лучший Охотник из всех! Самый лучший-прелучший!

– Мы с ним друзья, – кивнула Клэри, отметив про себя, что беседа принимает неожиданный оборот.

Эмма подарила ей насмешливо-снисходительный взгляд:

– И не только.

– С чего ты взяла?

– Я же не слепая. Видела, как он на тебя смотрел. А потом, всем известно, что у Джейса Лайтвуда есть близкая подруга, которую зовут Клэри Фрэй. Кстати, а почему ты не назвалась, когда пришла?

– Ну-у... подумала, что тебе мое имя все равно ничего не скажет... – ответила Клэри, удивляясь неожиданному напору.

– Ничего, я не дуручка, – заявила Эмма таким сварливым тоном, что девушке пришлось даже встать на ноги, чтобы спрятать невольный смех.

– Да уж, не дуручка. Ты очень сообразительна, – кивнула она. – И я, кстати, рада, что теперь ты знаешь, кто я. Потому что можешь прийти поговорить в любое время. Не просто о том, что произошло в Институте, а обо всем, о чем душа попросит. А еще у тебя появится возможность пообщаться с Джейсом. Тебе рассказать, как нас найти?

Эмма качнула головой:

– Нет, – ответила она, и ее голос вновь стал тихим. – Я знаю, где находится их дом.

– Ну и хорошо.

Клэри сложила руки на груди, по большей части для того, чтобы не дать себе обнять ребенка. Вряд ли Эмме это понравится, во всяком случае, в ее нынешнем состоянии. Она повернулась к выходу.

– У подружки Джейса Лайтвуда должен быть настоящий меч, я считаю, – внезапно заявила Эмма, и Клэри непроизвольно глянула на клинок, который прицепила к поясу нынешним утром. Старенький меч, который она захватила заодно с нью-йоркскими пожитками.

– А этот что, не годится разве? – коснулась она рукояти.

Эмма помотала головой:

– Ни в коем случае.

Тон девочки был до того серьезным, что Клэри все-таки не сдержала улыбку:

– Ну ладно, приму к сведению.

4. Темнее злата

Когда Клэри постучалась в дверь жилища Инквизитора, ей открыл сам Роберт Лайтвуд. Девушка на миг застыла, не вполне понимая, что следует сказать. Ей еще не доводилось беседовать с отчимом Джейса, можно сказать, она вообще его не знала. Он вечно держался в тени, порой в буквальном смысле, предпочитая стоять за Маризой, опустив руку на спинку ее стула. Это был крупный темноволосый мужчина с аккуратно подстриженной бородкой. Девушка знала, что Роберт входил в Круг Валентина и был в свое время дружен с ее отцом, но это знание было отстраненным, как будто речь шла о ком-то другом. Лицо Роберта избороздили морщины, да и челюсть очень уж жестко посажена, что не позволяло воображению представить его молодым.

Когда он поднял на нее взгляд, Клэри обнаружила, что глаза у него в действительности были не черные, а синие, только очень темного оттенка. Выражение лица не изменилось ни на йоту, хотя неодобрительность можно было чуть ли не руками пощупать. Похоже, не только Джия была раздосадована ее побегом из Зала Совета вслед за Эммой.

– Если ты ищешь моих детей, – промолвил Роберт, – то они наверху. – Он замолчал, демонстрируя явное нежелание общаться.

Девушка прошла в пышно обставленную гостиную. Официальная резиденция Инквизитора и членов его семьи была весьма внушительной, с высокими потолками, тяжелой, дорогостоящей мебелью. В доме хватало места для арочных галерей, парадной лестницы и громадной люстры, которая висела на массивной цепи, освещая пространство тускловатым светом. Клэри рассеянно задалась вопросом, где сейчас Мариза и по душе ли ей все эти помпезные хоромы.

– Спасибо, – запоздало бросила она через плечо.

Роберт Лайтвуд пожал плечами и растворился в тени.

Почувствовав облегчение, Клэри взбежала по лестнице, перескакивая через ступеньку, затем, преодолев коридор и несколько поворотов, добралась наконец до верхнего этажа. Одна из дверей была прикрыта не полностью, из комнаты доносились голоса.

Постучавшись для приличия, она шагнула внутрь. Стены комнаты, которая напоминала скорее мансарду, были выбелены; в одном из углов стоял тяжелый старомодный шкаф с распахнутыми дверцами. На одной створке висела одежда Алека, практичная, хотя и небрежно подбранная; на противоположной дверце – униформа Джейса, элегантная, выполненная в строгих серо-черных тонах. А вот поясные ремни, ножны и прочая боевая экипировка у обоих была сложена в аккуратные стопки на полу.

Клэри усмехнулась, сама не понимая отчего. Было что-то трогательное в том, что Алек и Джейс делили общую комнату. Интересно, а они по ночам тоже не дают друг другу уснуть разговорами, как это происходит у них с Саймоном?

Алек и Изабель сидели рядышком на подоконнике. За их спинами Клэри видела закатные краски, отражавшиеся в воде канала. Джейс с ногами лежал на кровати, не обращая внимания, что ботинки могут перепачкать бархатное покрывало.

– Надеюсь, они все-таки решили, что нельзя просто сидеть и ждать, когда Себастьян атакует другие Институты, – говорил Алек. – С таким же успехом можно в нору забиться. Но Сумеречные охотники не прячутся!

Джейс потерся щекой о плечо; выглядел он усталым, белесые волосы растрепаны.

– Надо же, – задумчиво сказал он. – А вот мне сдается, мы только этим и заняты. Себастьян где-то там, мы сидим тут. Под удвоенной защитой оберегов. Все Институты до единого опустели. Охранять мир от демонов уже некому. *Кто усторожит сторожей, а?*

Алек вздохнул и потер лицо:

– Будем надеяться, это ненадолго.

– Даже вообразить трудно, что может случиться, – сказала Изабель. – Мир без Сумеречных охотников. Демоны на каждом шагу. Нежить друг на друга насакивает.

– Был бы я Себастьяном... – начал было Джейс.

– Лучше не надо. Хватит нам одного, – оборвала Клэри его размышления вслух.

Все обернулись в ее сторону. Алек с Джейсом были разительно не похожи, в который раз отметила про себя девушка, но порой в их взглядах и жестах проявлялось что-то общее, некое свидетельство того, что они воспитывались вместе. Сейчас оба парня выглядели озадаченными, встревоженными. Изабель же излучала просто усталость и расстроенные чувства.

– Ну что? – сказал Джейс вместо обычного приветствия и криво усмехнулся: – Как там Эмма?

– Да ничего, держится, – повела плечом Клэри. – Ты лучше расскажи, что и как было, когда я убежала из Зала Совета.

– Ну, допрос к тому времени уже подходил к концу. В общем, за нападениями, судя по всему, и впрямь стоит именно Себастьян. А за ним, в свою очередь, не самая маленькая армия Помраченных. Сколько конкретно, никто сказать не может, хотя есть смысл предположить, что все без вести пропавшие на его стороне.

– Но все равно нас больше, – вставил Алек. – У него лишь те, с кем он начинал эту войну, плюс шесть захваченных Институтов. Зато у нас все остальные.

В глазах Джейса мелькнула тень.

– Себастьян это знает, – буркнул он. – И можешь не сомневаться, он с точностью до последнего солдата знает, сколько у него воинов. С кем, как и когда он может помериться силами, а с кем нет...

– Нежить на нашей стороне, – не уступал Алек. – Завтрашнее совещание как раз на эту тему, верно ведь? Переговоры с представителями, укрепление союза... такие вот вещи. А раз теперь мы знаем, чем занят Себастьян, можем приступить к разработке стратегии – скажем, вдарить по нему с помощью Детей ночи, фей Летнего двора, ведьмаков...

Взгляды Клэри и Джейса встретились в безмолвном диалоге. *Ну конечно, раз мы теперь знаем, что Себастьян затеял, он сделает совсем другое. Неожиданное и неочевидное.*

– А потом все взялись обсуждать Джейса, – встряла Изабель. – Чего и следовало ожидать, сама понимаешь.

– Джейса? С чего вдруг? – Клэри присела в изножье кровати Джейса. – Что в нем такого особенного?

– Потому что народ принялся спорить, можно ли считать Себастьяна неуязвимым, и если да, то в какой степени. Можно ли нанести ему раны, в каких случаях они окажутся смертельными и так далее. К примеру, Меч Ангела, Блистательный, мог бы это проделать благодаря Небесному огню, который в нем заключался, но вся беда в том, что единственным источником Небесного огня теперь является небезызвестный тебе...

– Джейс, – мрачно кивнула Клэри. – Сами знаете, Безмолвные братья уже пытались отделить от него огонь, да не вышло. По той простой причине, что огонь поселился у него *в душе*... Ну, хорошо, и до чего они договорились? Возьмут Джейса за ноги и примутся колотить им по Себастьяну до потери пульса?

– Знаешь, брат Захария примерно так и выразился, – вставил Джейс. – С меньшим, правда, ехидством в голосе.

– Короче, дело закончилось обсуждением, как изловить Себастьяна живым. И можно ли уничтожить всех Помраченных скопом. А еще можно ли заточить Себастьяна в какую-то темницу, где было бы все равно, неуязвим он или нет, – не выдержал Алек.

– Сунуть в алмазовый гроб и зашвырнуть на дно морское, – предложила Изабель. – Кто «за»?

– В общем, когда им надоело обсуждать мою скромную персону, – сказал Джейс, – что лично мне было, конечно, интересно, они задались вопросом врачевания Помраченных. Ассигновали Спиральному лабиринту невообразимую сумму за способ снять заклятие Чаши ада.

– Я считаю, им бы лучше озаботиться не лечением, а уничтожением этих... существ, – жестко высказалась Изабель.

– Среди Помраченных очень много тех, кого члены Совета знают лично, – возразил Алек. – Это естественно, что их хотят вернуть к нормальной жизни.

– Да? Зато я хочу вернуть моего собственного младшего брата! – вскинулась Изабель. – Неужели Совет до сих пор не понял, что натворил Себастьян? Он же их всех убил! Я Помраченных имею в виду. Убил все человеческое, что в них заключалось, а оставил демонов, которые бродят теперь в их коже, как в маскарадных костюмах. Нам лишь кажется, что мы их знаем, а на самом деле это лишь оболочка...

– Успокойся, – требовательно сказал Алек. – Забыла, что родители в доме? Сейчас прибегут.

– Ага, – кивнула Изабель, – в доме они... Сидят по своим комнатам, лишь бы подальше друг от друга.

– Изабель. Это не наше с тобой дело, где и как они спят.

– *Они наши родители.*

– Да, но у них есть своя жизнь, – возразил Алек. – И мы обязаны это уважать, не лезть в их дела. – Он потемнел лицом. – Ты же знаешь, как много пар разводится, когда гибнет ребенок. Изабель всхлипнула.

– Иззи?... – Алек с опозданием сообразил, что зашел слишком далеко. Упоминание о Максе действовало на сестру сильнее, чем на любого из Лайтвудов, даже на Маризу.

Девушка бросилась вон из комнаты, хлопнув за собой дверь.

Алек обеими руками вцепился себе в волосы, отчего они встали дыбом, как перья у селезня.

– Черт бы меня побрал... – пробормотал он и тут же осекся. Он редко позволял себе ругаться, да и то скорее бурчал, чтобы другие не слышали.

Бросив на Джейса виноватый взгляд, он пошел вслед за сестрой.

Джейс вздохнул, сбросил свои длинные ноги с кровати и встал. Затем потянулся, как кошка, хрустнул плечами:

– Похоже, моя очередь провожать тебя домой.

– Ничего, сама дойду.

Он покачал головой, стаскивая висевшую на спинке кровати куртку. Было что-то нетерпеливое в его движениях, что-то хищное и загоняемое внутрь, отчего у Клэри побежали мурашки.

– Я все равно собирался ноги размять. Так что пойдем.

– Битый час дожидаемся. Ну и где они? – ныла Майя. Она полулежала на кушетке в квартире Джордана и Саймона, устроив босые ступни у Джордана на коленях.

– Говорил же, не надо заказывать тайское, – рассеянно отозвался Саймон. Он сидел на полу и возился с контроллером игровой приставки: та отказывалась работать вот уже несколько дней. В очаге тлело полено. Как и за всем прочим в этой квартире, за камином никто не следил, и комнату частенько застилало едким дымом. Джордан постоянно сетовал на холод, сквозняки, на щели в стенах и оконных переплетах, а также на хозяина квартиры, который пальцем о палец не ударил, чтобы хоть что-то отремонтировать. – Эти субчики из доставки вечно опаздывают.

Джордан добродушно ухмыльнулся:

– А тебе-то что? Ты все равно не ешь.

– Зато уже пью, – напомнил Саймон. И это правда. Он приучил свой желудок принимать почти любую жидкость – молоко, чай, кофе, – хотя твердая пища до сих пор вызывала у него рвотный рефлекс. Сомнительно, конечно, что напитки давали ему хоть что-то по части питательной ценности, ведь на это была способна лишь человеческая кровь, однако он, по крайней мере, мог хоть что-то пригубить в общественном месте, не перепугав окружающих до смерти. Вздыхнув, Саймон отбросил контроллер. – Похоже, накрылась эта штукавина. Раз и навсегда. Что делает меня жутко счастливым, раз уж денег на покупку новой у меня нет.

Джордан взглянул на друга. Переезжая к нему на квартиру, Саймон вложил в общий котел все деньги, какие у него были, в общем-то, не так уж много. К счастью, транжирой он тоже не был. Кроме того, жильем их обеспечивал «Претор Люпус», и от них же Саймон получал кровь.

– Ничего, зато у меня кое-что есть, – сказал Джордан. – Перезимуем.

– Так ведь это твои деньги, не мои. Ты же не можешь приглядывать за мной до бесконечности, – возразил Саймон, уставившись в синее пламя камина. – И что тогда? Я бы уже в колледж документы подавал, если б... если б не вся эта катавасия, будь она неладна. Мог бы и в музыкальное училище пойти. Или устроиться на работу. А сейчас что? Меня уже никуда и никогда не возьмут. Я на веки вечные так и останусь шестнадцатилетним...

– Гм... – донеслось от Майи. – В жизни не слыхала, чтобы вампиры где-то работали. Вот мы, оборотни, совсем другое дело. Скажем, Бэт подвизается диджеем, а Люк держит книжную лавку. А у вас сплошные кланы, кто чем занимается, непонятно. И ученых, кстати, среди вампиров тоже не сыскать.

– Как и музыкантов, – кивнул Саймон. – Взглянем правде в лицо: отныне моя профессия так и звучит – вампир.

– Сказать по правде, – заметила Майя, – меня несколько удивляет, что вампиры не шныряют по улицам, не охотятся на туристов. Как-никак, а нынче ими командует Морин. Вот уж кто действительно кровожаден.

Саймон поморщился:

– Сдается мне, кто-то из клана пытается ее обуздать. Скорее всего, Рафаэль. Или, к примеру, Лили, она ведь одна из самых сообразительных. И грамотных. Они с Рафаэлем всегда были неразлучны. Зато у меня среди вампиров друзей нет. И вообще, если вспомнить, какую из меня сделали мишень, остается лишь удивляться, что у меня вообще есть друзья.

Он услышал горечь в собственном голосе и бросил взгляд на снимки, которые его сосед по комнате пришил к противоположной стене: вот Джордан в компании друзей, вот на пляже, с Майей. «А не повесить ли мои фото тоже?» – подумал Саймон. И пусть он ничего с собой не прихватил, покидая дом матери, наверняка что-то отыщется у Клэри. Надо будет забрать у нее и хоть немножко обжить квартирку. Ему нравилось делить кров с Джорданом, да и место казалось уютным, но все же этот дом не был настоящим. Не давал ощущения постоянства, не производил впечатление точки опоры.

– Своей кровати и то нет, – вслух сказал он.

Майя обернула к нему лицо:

– Саймон, ты чего? Все из-за нее, да? Потому что Изабель ушла?

Он дернул плечом:

– Сам не пойму. В смысле, конечно. Скучаю по ней, но... Клэри сказала, дескать, без «эрвэтэ» не обойтись.

– «Расставить все точки», – понимающе кивнула Майя и махнула ладошкой на недоуменный взгляд Джордана: – Эх ты, темнота! Это значит определиться, вправду ли пару можно считать парой. А как иначе? Без этого не обойтись.

– Как так получается, что все поголовно в курсе новомодных сокращений, кроме меня? – вслух пожаловался Саймон. – А потом, откуда я знаю, хочет ли Изабель быть моей подружкой?

– Вот этого я тебе сказать не могу, – развела руками Майя. – Девичий кодекс чести. Сам спроси.

– Каким образом? Она же в Идрисе.

– Значит, спросишь, когда вернется.

Саймон отмолчался, и Майя более мягким тоном добавила:

– Да вернется она, не скули. И Клэри тоже. Там всего-то простое совещание.

– Не знаю, не знаю... Над Институтами нависла опасность...

– Как и над тобой, – вставил Джордан. – И вот почему за тобой приглядываю я.

Майя бросила на него взгляд. В ее взгляде было что-то непривычное, чему Саймон не мог подобрать название. Последнее время он заметил, что между ней и Джорданом происходит что-то особенное, словно девушка держала дистанцию и в то же время задавала какой-то вопрос глазами, когда смотрела на своего ближайшего друга. А Джордан? Уж не заметил ли он, что Майя отстраняется – кстати, теперь Саймону показалось, что это видно невооруженным глазом, – или просто решил быть при своем до конца?

– А ты бы остался светолубом? – спросила Майя, вновь переключая внимание на Саймона. – В смысле, если б умел управлять этим свойством?

– Сам не знаю.

Он не раз задавался тем же вопросом, потом решил не морочить себе голову: какой смысл беспокоиться о вещах, которые тебе неподвластны? Быть светолубом – все равно что объявить себя ходячей золотой жилой. Потому что другим вампирам очень хочется отведать твоей крови, ведь тогда они тоже смогут свободно разгуливать при дневном свете. Но было и множество тех, кто желал Саймона прямо-таки изничтожить, коль скоро среди вампиров бытовало поверье, что светолубы попросту омерзительное извращение, которое надо вырывать с корнем. На память пришли слова Рафаэля, которые тот сказал на крыше одной из гостиниц Манхэттена: *«Ты, светолуб, лучше молись, чтобы не утратить свой Знак до начала войны. Потому что за твоей головой выстроится целая очередь. И первым в ней буду я»*.

И все же, и все же...

– Я бы скучал по солнцу, пропади это свойство, – промолвил он. – Жизнь при дневном свете позволяет хоть в чем-то ощущать себя человеком.

В глазах Джордана блеснула искорка отраженного пламени. Он усмехнулся:

– Боюсь, звание человека во многом выдумка. Перехвалили.

Майя возмущенным рывком сдернула ноги с его колен. Джордан встрепенулся, обратив к девушке озадаченный взгляд, и в этот миг звякнул дверной звонок.

Саймон первым оказался на ногах.

– Доставка, – объявил он. – Пойду открою. Да не волнуйтесь вы так, – на ходу бросил он через плечо. – На меня уже недели две никто не охотится. Надо думать, потеряли интерес да махнули рукой.

Из-за спины донеслись голоса, но он не стал прислушиваться. Пусть ребята сами обсудят свои проблемы. Саймон повернул дверную ручку, распахивая створку, а другой рукой уже тянулся за кошельком.

В следующее мгновение что-то дернулось, запульсировало у него на груди. Он бросил взгляд вниз – рубиновая подвеска Изабель искрилась кровавыми вспышками – и с места, без разворота, отпрыгнул назад, едва успев избежать цепких пальцев. Из горла Саймона вырвался крик – в дверном проеме маячил долговязый силуэт в алой униформе. Сумеречный охотник с уродливыми пятнами рун на обеих щеках, крючковидным носом и высоким бледным лбом.

Непрошенный гость что-то прорычал и двинулся на Саймона.

– *Ложись!* – крикнул Джордан, и Саймон, бросившись ничком на пол, тут же откатился в сторону, а над головой тренькнула арбалетная тетива.

Помраченный увернулся с невообразимой ловкостью, и стрела глухо впилась в дверную створку. Джордан чертыхнулся, но тут в коридор метнулась Майя в волчьем обличе.

Когда ее клыки впились в глотку Помраченного, вой боли прозвучал сладкой музыкой. Брызнули алые фонтанчики, наполняя воздух солоноватым привкусом. Поднимаясь на ноги, Саймон не удержался и втянул багряный туман ноздрями, языком раскатывая по нёбу горьковато-вяжущую пряность крови. Он шагнул вперед, а Помраченный тем временем оторвал от своей шеи волчицу. Рычащий, визжащий, бьющийся в исступлении клубок шерсти, когтей и клыков полетел в сторону.

Что-то крикнул Джордан. У Саймона из глотки тоже вырвался низкий хрип, и он почувствовал, как из десен лезут клыки. Помраченный тем временем шагнул навстречу, фонтанируя кровью, однако по-прежнему уверенно. У Саймона в животе шевельнулся комок страха. Он уже видел, как сражаются солдаты Себастьяна, – не забыл, какими быстрыми и сильными они были при Беррене, намного превосходя этими качествами обычных Сумеречных охотников. А ведь он даже не задумывался, насколько им в этом уступают *вампиры*...

– Да не суйся ты! – Джордан дернул Саймона за плечо и чуть ли не швырнул вслед за Майей, которая, похоже, готовилась к новой атаке. Ее шерсть была в крови, желтые волчьи глаза светились бешенством. – Сваливай! Живо! Мы сами разберемся!

Но тот уперся:

– Нет... он пришел за мной...

– *А то я не знаю!* – рассвирепел Джордан. – Для того и поставлен сюда! Я твой телохранитель от «Люпуса»! Вали, говорю, и дай делать мою работу!

Джордан развернулся, вновь взведя арбалет. На сей раз стрела пробила Помраченному плечо. Тот отшатнулся, испустив череду проклятий на непонятном для Саймона языке. «Немецкий, – подумал он. – Берлинский Институт тоже разгромили...»

Мимо Саймона пролетела Майя и на пару с Джорданом накинута на Помраченного. Джордан успел метнуть в друга свирепый взгляд. Юный вампир кивнул, метнулся в гостиную и распахнул окно, просыпав на пол ошметки старой краски, после чего выбрался на площадку пожарной лестницы, где Джордан держал горшки с волчьим аконитом, который успел изрядно пожухнуть за зиму.

Все в Саймоне вопило, что уходить нельзя, что бросать друзей не годится, но ведь он дал слово Изабель, обещал ей, что не станет мешаться под ногами у Джордана, если тому придется исполнить свои обязанности телохранителя. Поклялся, что не даст сделать из себя мишень. Он сжал в кулаке рубиновую подвеску – камень был еще теплым, словно долго лежал во впадинке у горла, – и пустился вниз по железным ступенькам. Звонкий, скользкий от изморози металл норовил уйти из-под ног; пару раз Саймон едва не навернулся, но вот наконец последний пролет и залитый тенями тротуар.

Мгновением позже он уже стоял в кольце вампиров. Времени хватило лишь на то, чтобы распознать пару знакомых физиономий – эти из клана «Дюмора»: хрупкая темноволосая Лили и блондинистый Зик, оба скалятся аж до ушей, – прежде чем на голову ему нахлобучили мешок. Шею перехватила бечевка, заставляя раскашляться – не потому, что был перекрыт доступ воздуха, а из-за боли в безжалостно стиснутой гортани.

– Морин просила передать привет, – прозвучал в ухе голос Зика.

Саймон распахнул было рот, чтобы крикнуть, но внезапно навалившаяся тьма не дала издать и звука.

– Вот уж не знала, что ты такая знаменитость, – сказала Клэри, когда они с Джейсом спускались по узенькой мощеной дорожке вдоль Олдвейского канала.

Дело шло к вечеру, смеркалось, и улицы были полны народу; жители Аликанте спешили по своим делам, кутаясь в теплые плащи, пряча лица от кусачего холода и чужих взглядов.

На небе проступили робкие звезды, покалывая горизонт мягкими иглами света. Искорки отразились и в зрачках Джейса, когда он с недоумением взглянул на Клэри:

– Что тут странного? Все знают сына Валентина.

– Это-то понятно... просто когда Эмма тебя увидела, я уж было решила, что ты ее кумир. Герой, так сказать, с обложки «Сумеречного вестника».

– Ты не согласишься, но мне обещали, что снимок выйдет не таким развратным.

– А ты бы меч правильно держал, может, он бы и прикрыл стратегические места, – не осталась в долгу Клэри, и Джейс, не удержавшись, издал смешок. Девушка особенно любила это его фырканье, говорившее о веселом недоумении. Ведь он всегда был таким хладнокровным, сдержанным – подлинное воплощение самоконтроля, и было приятно сознавать, что ты принадлежишь к числу тех немногих, кто способен его расшевелить, пробиться за тщательно сконструированную броню.

– Как она тебе, кстати? Глянулась?

Клэри недоменно нахмурилась:

– В смысле?

Они пересекали знакомую площадь: мощеную, с коммунальным колодцем, ныне прикрытым каменной плитой, в надежде, наверное, что вода не замерзнет.

– Да я про ту девочку, Эмму.

– Ты знаешь, есть в ней что-то, – признала Клэри. – Заступилась за брата Хелен. За Джулиана. Похоже, ради него она на все готова. Обожает Блэкторнов, к тому же потеряла своих родителей...

– А мне она тебя напомнила.

– Скорее наоборот, – качнула головой девушка. – Это *тебя* она напоминает.

– Потому что я маленький блондин с косичками?

Клэри толкнула его плечом. Ребята вышли на улицу, заставленную торговыми лавками. Магазины, впрочем, были уже закрыты, лишь лучики ведьмино огня просачивались сквозь щели в ставнях. На Клэри нахлынуло чувство, что она угодила в сновидение или городок из сказки, – то самое ощущение, которым ее награждал Аликанте всякий раз, когда она сюда попадала: необъятный небесный купол над головой, старинные здания с резьбой по камню, а над всей панорамой царят прозрачные башни демонов, благодаря которым Аликанте и был известен под именем Города стекла.

– Нет. Потому что она потеряла ближайших кровных родственников, – ответила Клэри, минуя витрину с горками аппетитной выпечки. – Теперь, кроме Блэкторнов, у нее никого нет. Ни тетки, ни дядьки... никого, кто бы принял ее в свой дом. За исключением Блэкторнов. И вот почему ей предстоит усвоить урок, который ты уже выучил: что люди, которые тебя любят, и есть твоя настоящая семья. А твоей ли они крови, дело десятое. Семья – это те, кто в беде подставляет плечо. Как в свое время сделали для тебя Лайтвуды.

Джейс остановился, и Клэри развернулась, желая взглянуть ему в лицо. Теперь поток прохожих обтекал их с двух сторон. Джейс стоял спиной к узенькому переулку, куда выходила боковая стена одного из магазинов. Метавшийся по улице ветер трепал светлые волосы, норвил распахнуть не застегнутую на «молнию» куртку; Клэри ясно видела, как бьется жилка на его шее.

– Подойди-ка, – сказал он, и в голосе парня что-то хрипнуло.

Клэри сделала шаг, довольно робкий. Неужели умудрилась чем-то его задеть? Джейс крайне редко на нее сердился, да и то никогда не ходил вокруг да около...

Он протянул руку, осторожно взял Клэри под локоть и повлек за собой, за угол магазина, в сумрак переулочка, который изгибался, уводя к каналу на дальнем конце.

Здесь было совершенно безлюдно, а узкий проход блокировал случайные взгляды с улицы. Тени превратили лицо Джейса в маску: резко очерченные скулы, податливая линия губ, золотые львиные глаза.

– Я люблю тебя, – сказал он. – В таких вещах признаюсь крайне редко. Но тебя я люблю.

Клэри прижалась спиной к стене. Холодно, каменная кладка выстужена. При иных обстоятельствах было бы очень неудобно, однако сейчас ей было не до этого. Девушка мягко потянула Джейса к себе, их тела оказались ровно напротив друг друга; они не соприкасались, но все же стояли настолько близко, что Клэри ощущала исходящие от парня волны тепла. Ясное дело, к чему застегиваться, когда у тебя по венам бежит огонь?.. Запах черного перца, мыла и морозного воздуха защекотал нос, когда она уткнулась носом ему в плечо.

– Клэри, – промолвил Джейс. Голос как шепот – и предостережение. В нем читалась хрипотца давней тоски по физическому подтверждению близости, по любому, даже малейшему прикосновению.

Он осторожно уперся ладонями в камень, чтобы девушка оказалась в кольце его рук. Волосы Клэри колыхнулись от его дыхания, тела на миг скользнули друг по другу. В ней все дрожало, кожа стала сверхчувствительной, где бы Джейс ни прикоснулся, по ней словно водили крошечными иглами наслаждения пополам с болью.

– Только не уверяй, что ты меня сюда затащил, но целовать не собираешься... потому что я просто не выдержу, – тихо сказала она.

Джейс прикрыл веки. Темные ресницы отбрасывали трепещущую тень на его щеки, напоминая о том ощущении, что царило в кончиках ее пальцев, когда она гладила ему лицо, когда испытывала на себе вес его тела, когда ощущала гладкость его кожи.

– Хорошо, не буду... – сказал он, и Клэри вновь услышала темную хрипотцу под привычной бархатистостью. Мед поверх колючек. Сейчас они стояли настолько близко, что девушка чувствовала, как вздымается у него грудь при каждом вдохе. – Потому что нам все равно этого нельзя.

Она уперлась рукой ему в грудь; под ладонью загнанной в клетку птицей билось его сердце.

– Тогда уведи меня домой, – прошептала Клэри и, подавшись вперед, мазнула губами по уголку его рта. Во всяком случае, такое было у нее намерение; соприкосновение должно было выйти легчайшим, словно бабочка махнула крылом; он тоже подался вперед, и это движение все спутало. Клэри прижалась к нему сильнее, чем хотела, губы в губы, ощутила удивленный выдох... а в следующую секунду они уже целовались по-настоящему, до сладости медленно, до горячки откровенно.

Уведи меня домой... Но ведь здесь и был дом: руки Джейса защитным кольцом вокруг нее, студёный ветер Аликанте в складках одежды, ее пальцы у него на затылке, там, где мягко завиваются кудри. Его ладони по-прежнему упирались в камень за ее спиной, но тело уже подавалось вперед, прижимая Клэри; она слышала, до чего прерывистым стало его дыхание. Он не мог коснуться ее руками, но зато для нее таких запретов не было, и она дала себе волю: скользнула пальцами по крепким плечам, затем по груди, следуя рисунку мышц, стиснула складки футболки по бокам, сжимая ткань в горсти. Кончики ее пальцев ощутили голую кожу, и в следующую секунду она уже просунула обе ладони ему под футболку... Она и позабыть успела, до чего нежна его кожа в тех местах, где ее не покрывали шрамы, как под ее прикосновением играют мускулы у него на спине... Он выдохнул ей в рот; на вкус как чай с шоколадом и солью.

Джейс напрягся, принимая ее поцелуй; он покусывал ей нижнюю губу, затем потянулся к пульсирующей точке у нее на шее, втягивая в себя галопирующее сердцебиение. Его кожа горела у нее под пальцами, *горела...*

Он отпрянул, шатаясь как пьянчужка, и ударился спиной о противоположную стену узенького переулочка. Глаза его были широко распахнуты, и на головокружительный миг Клэри

почудилось, что в них она увидела пламя – два костра-близнеца в ночи. В следующее мгновение огонь погас, а Джейс, спрятав лицо в ладонях, все не мог отдышаться, как после бега.

– Джейс... – позвала она.

Он уронил руки.

– Обернись и посмотри, – сказал он тусклым, ничего не выражающим голосом.

Клэри оглянулась – и обмерла. Каменная кладка за ее спиной несла на себе два отпечатка, два выжженных следа от его ладоней.

* * *

Королева фей покоилась на своем царственном ложе и разглядывала каменный потолок опочивальни. Он был увит выющимися, шипастыми розами – каждый цветок безупречен и ярко-красен, как кровь. К рассвету все цветы жухли и погибали, но утром их меняли на свежие, и все повторялось сначала.

Феи спят мало, а сновидений и вовсе не ведают, однако Королева обожала комфорт, особенно в спальне. Ее кровать представляла собой массивную каменную плиту с пуховым матрасом под роскошным бельем из шелковистого атласа с тяжелыми бархатными покрывалами.

– Ваше Величество, – сказал лежавший рядом юноша, – а вы не боитесь уколоться об эти шипы?

Она повернула голову, чтобы взглянуть на Джонатана Моргенштерна, чья нагота была едва прикрыта скомканной простыней. Ах да, он просил называть себя Себастьяном, и это желание она уважала: в конце концов, среди фей не принято обращаться друг к другу, произнося истинное имя. Юноша лежал на животе, опираясь подбородком на сложенные руки, и даже тусклый свет не мог скрыть старые рубцы, оставшиеся на спине от кнута.

Королеву всегда интересовали Сумеречные охотники – как-никак, а они были наполовину ангелами, как и, собственно, Дивный народец, так что между ними наверняка найдутся некие родственные узы. Хитрость в том, что она даже помыслить не могла, что доведется повстречать такого Охотника, чье присутствие она сможет выдержать дольше пяти минут: уж очень эти ребята были уверены в своей правоте, до тошноты. Зато Себастьян не такой. Крайне необычный во всем, а уж среди нефилимов такого днем с огнем не сыщешь...

– Не больше, чем ты опасаясь сам себя поранить своим же хитроумием, мой драгоценный, – сказала она. – И потом, ты же знаешь, что я не люблю вот этого «Вашего Величества». Только «моя госпожа», в крайнем случае, «государыня», и никак иначе.

– Я все же заметил, что вы не сильно гневаетесь, когда я говорю «моя прекраснолика», – лениво и совсем непочтительно отозвался он.

– Гм, – приподняла она бровь, играя пальцами в густой серебристой шевелюре. Надо же, смертный, а какое прелестное сочетание колеров: волосы, как сталь, глаза, как оникс. На память пришла его сестра: ну ни капельки сходства – и еще меньше элегантности.

– Ты освежился сном? Или еще не в состоянии проснуться?..

Себастьян перекатился на спину и ухмыльнулся:

– Поскребем по сусекам.

Королева нагнулась для поцелуя, и он запустил пальцы в ее огненно-рыжие волосы. Задумчиво разглядывая витой локон, пропустил его сквозь пальцы – алый отсвет скользнул по израненным костяшкам – и прижал прядь к щеке.

Не успела Королева промурлыкать и полслова, как в дверь спальни кто-то робко стукнул.

– В чем дело? Предупреждаю: если опять какая-то ерунда, я прикажу вас всех скормить русалкам!

Дверная створка приоткрылась, и в опочивальню скользнула одна из младших фрейлин, Кайли Уайтвиллоу, Пикси-приживалка. Она сделала реверанс и пролепетала:

– Госпожа, прибыл Мелиорн и просит аудиенции...

Себастьян покачал головой:

– Вечный труд... Вот оно, царское бремя.

Королева вздохнула и спустила ноги с кровати.

– Зови, – приказала она. – Да, и пусть принесут какое-нибудь платье, а то я озябла.

Кайли поклонилась и была такова. Минутой позже, скромно опустив очи долу, появился рыцарь Мелиорн. Если Себастьяну и пришло в голову, что далеко не всякая королева возьмется принимать гостей, стоя в голом виде посреди собственной спальни, ход дерзких мыслей он ничем не выдал. Смертная женщина, пожалуй, застесняется, засуетится, кинется чем-то себя прикрывать, но Королева фей была гордой особой, к тому же отлично знала, что без одежды сомотрится не менее сногшибательно.

– Мелиорн, – проворковала она. – Ты принес мне новости о нефилимах?

Рыцарь выпрямился во весь рост. Как всегда, на нем были белые доспехи из перекрывающихся панцирных пластин наподобие чешуи. Глаза зеленые, волосы черные и чрезвычайно длинные.

– Государыня, – молвил он и метнул взгляд ей за плечо, на Себастьяна, который невозмутимо сидел в постели, подоткнув простыню по бокам. – Новостей много. Наше новое Темное войско расквартировано в Эдомской крепости в ожидании дальнейших приказаний.

– Ну а нефилимы? – напомнила Королева, и в этот момент в спальню вбежала Кайли, держа в руках платье, сотканное из лилейных лепестков. Владычица Летнего двора скользнула в шелковистую белизну и запахлась поплотнее.

– Малолетки, которых мы упустили при атаке в Лос-Анджелесе, дали достаточно показаний, чтобы Совет понял, кто именно стоит за инцидентом, – довольно кислым тоном сообщил рыцарь.

– Да какая разница, – махнул рукой Себастьян. – У них такая привычка, что ли, во всем винить меня одного?

– Дело не в этом, – жестко отрезала Королева. – Самое главное: они опознали наших людей?

– Нет. – Мелиорн позволил себе нотку удовлетворения в голосе. – Дети решили, что все атакующие были из числа Помраченных.

– Впечатляющее достижение, особенно если учесть, что тот блэкторновский юнец наполнил фейри, – заметил Себастьян. – По идее, он должен был что-то почувствовать. Ну да ладно. Какие у вас, кстати, на него планы?

– Раз в нем кровь фейри, он принадлежит нам, – сухо отвечал Мелиорн. – Гуин забрал его к себе, пусть участвует в Дикой охоте. – Он нетерпеливо повернулся к Королеве: – Нам не хватает солдат, но Институты опустошены и нефилимы бегут укрываться в Идрисе.

– Что там с нью-йоркским филиалом? – оборвал рыцаря Себастьян. – Что с моими братом и сестрой?

– Клэри Фрэй и Джейс Лайтвуд уже в Идрисе, – сказал Мелиорн. – Мы пока что не можем до них добраться, не раскрыв наши карты.

Себастьян машинально коснулся браслета. Королева уже отметила про себя, что это вошло у него в привычку – в минуты раздражения и гнева трогать металл на запястье. Гравировка гласила: *Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo* («Если небесных богов не склоню, Ахерон всколыхну я»³).

– Они мне нужны, – заявил Себастьян.

– Раз нужны, значит, получишь, – заверила Королева. – Я свою часть уговора не забыла. Но ты тоже должен набраться терпения.

³ Цитата из «Энеиды» Вергилия.

Улыбка Себастьяна не коснулась его глаз.

– За нами, смертными, такое водится: приходится спешить, раз уж жизнь не бесконечна.

– Ты не самый обычный смертный, не надо прибедняться, – возразила Королева и повернулась к Мелиорну: – Мой рыцарь, – сказала она, – что ты посоветуешь своей Королеве?

– Нам нужно больше солдат, – в который раз повторил тот. – Мы должны атаковать еще один Институт. Трофейное оружие тоже не помешает.

– Ты же вроде сказал, что все Сумеречные охотники уже в Идрисе? – нахмурился Себастьян.

– Не совсем, – дернул плечом Мелиорн. – В каких-то городах эвакуация затянулась. К примеру, довольно много нефилимов до сих пор остается в Лондоне, Рио-де-Жанейро, Каире, Стамбуле и Тайбэе. Мы просто обязаны захватить как минимум еще один Институт.

Себастьян расцвел, но его ликование было того сорта, который трансформирует изысканный лик в маску жестокости – сплошные зубы, как оскал мантикоры.

– В таком случае я возьму Лондон, – сказал он. – Если, разумеется, это не идет вразрез с вашими планами, о моя прекрасноликая.

Королева фей невольно улыбнулась. Ах, сколько столетий минуло с тех пор, как смертный вызывал у нее улыбку! Она нагнулась за поцелуем и ощутила мужские ладони, скользнувшие по лилейным лепесткам.

– Да, любовь моя, – молвила властительница Летнего двора. – Бери себе этот Лондон. Считай его моим маленьким сувениром.

* * *

– Ты как? – спросил Джейс в сотый раз, во всяком случае, так начинало казаться Клэри.

Девушка стояла на крыльце дома Амадис, в круге света из ближайшего окна. Юноша глядел снизу вверх; руки спрятаны в карманах, словно он боялся дать им волю.

Там, в переулке, он долго смотрел на выжженные следы, оставленные его же ладонями, затем, поправив футболку, выдернул Клэри на главную улицу, в толпу, с таким видом, будто ей воспрещалось находиться с ним наедине. Остаток пути домой прошел почти в полном молчании.

– Да говорю же тебе, *я в порядке*, – сказала она. – И что ты так переживаешь, в самом деле? Подумаешь, стенку сжег. Не меня же! – Клэри провернулась на каблучках, как если бы демонстрировала обновку. – Ну, убедился?

У него в глазах стояли лужицы тени.

– Если я хоть как-то тебе навредил...

– Не выдумывай. Я тебе не кисейная барышня.

– Понимаешь, мне-то казалось, что я уже беру это дело под контроль, что занятия с Джорданом помогают... – В его голосе сквозило разочарование.

– Все правильно, так и есть. Сам посмотри, ведь у тебя получилось сосредоточить свой огонь именно в ладонях, и это уже прогресс. Я тебя трогала, целовала, но осталась при этом цела. – Она положила руку ему на щеку. – С этой напастью мы справимся вместе. Так что, пожалуйста, не надо выставять меня за дверь. И поменьше вот этой вселенской скорби, договорились?

– Эх, только я решил, что на следующей Олимпиаде буду выступать за Идрис в разряде безутешного горя, как вдруг на тебе... – Его тон смягчился, лезвие ненависти к себе притупилось, освобождая место для самоиронии и оптимизма.

– А ты с Алеком поговори насчет парных выступлений, – с улыбкой предложила Клэри. – Возьмете золото, тут и сомневаться нечего.

Он поцеловал ее раскрытую ладонь. По кончикам пальцев махнули его волосы. Казалось, все кругом замерло и умолкло, и девушка готова была поверить, что во всем Аликанте они остались в одиночестве.

– Ты знаешь, что меня беспокоит? – промямлил он, щекоча губами ее кожу. – Что скажет тот дядька, когда выйдет на улицу и увидит, что на стене его лавки выжжены две руки.

– «Интересно, моя страховка это покрывает?»

Джейс фыркнул ей в ладонь.

– Кстати, о птичках, – сказала Клэри. – Очередное заседание завтра, так?

Он мрачно кивнул:

– Ну да. Военный совет. В особо узком составе. Самые, понимаешь, сливки генералитета...

Джейс раздраженно поиграл пальцами. Клэри отлично понимала причину такой обиды: он был великолепным стратегом, к тому же одним из лучших воинов, и потому терпеть не мог, когда его не приглашали на совещания по стратегическим вопросам. И уж тем более, подумала она, если речь там пойдет о том, как использовать его внутренний огонь в качестве ударно-наступательного оружия.

– Может, ты подсобишь с одним дельцем? Мне надо в оружейную лавку. Хочу купить себе новый меч. Только хороший, – вдруг спохватилась она.

Джейс удивился, снисходительно хмыкнул:

– Да на что он тебе?

– А то сам не знаешь. Для смертоубийств. – Клэри махнула рукой, надеясь, что этот жест полностью передаст ее намерения в отношении вселенского зла. – Я ведь тоже числюсь Сумеречным охотником, верно? Значит, мне полагается правильное оружие. Или ты так не считаешь?

Улыбка неторопливо расползлась по его лицу.

– Лучшая оружейная лавка из всех – это мастерская Дианы в Кремнистом переулке, – сказал он. – Зайду за тобой в полдень.

– Новое свидание, стало быть, – кивнула Клэри. – Под звон клинков.

– А ты что хотела? Попкорн и киношку?

И с этими словами он скрылся в тени.

5. Мера мщения

Майя вскинула голову, когда хлопнула дверь и в квартиру влетел Джордан, едва не поскользнувшись на гладком паркете.

– Ну? – тревожно выдохнул он. – Хоть что-то?

Девушка помотала головой. После того как им удалось прикончить Помраченного, она обратилась к стае, чтобы те помогли прибраться. В отличие от демонов, Помраченные после своей смерти не испаряются бесследно, и требовалось всерьез засучить рукава. Если все делать по правилам, то полагалось вызвать Сумеречных охотников и Безмолвных братьев, однако сейчас двери Института и Города костей были за семью запорами. Так что на подмогу явился Бэт с друзьями и пластиковым мешком для трупов, в то время как Джордан, до сих пор кровоточа после схватки, отправился на розыски Саймона.

Пропадал он несколько часов кряду, а когда наконец вернулся, Майе хватило одного лишь выражения его глаз, чтобы понять что к чему. Итак, у подножия пожарной лестницы он обнаружил мобильник Саймона, раздавленный чьей-то ногой и оставленный на месте сродни издевательской записке. И на этом все: Саймон как в воду канул.

Разумеется, после таких событий ночь оказалась бессонной. Майя вместе с Бэтом вернулась в штаб-квартиру стаи, а по дороге ее спутник пообещал – без особой, правда, уверенности, – что попросит волков найти Саймона, а сам попробует (он подчеркнул: *попробует*) выйти на контакт с Аликанте. Действительно, со столицей Сумеречных охотников были определенные способы связи, однако воспользоваться ими могли лишь вожаки стай и кланов.

Майя вернулась в квартиру Джордана на рассвете в полном изнеможении. Она возилась в кухне, когда туда вошел ее друг, прижимая влажное полотенце ко лбу. Девушка взглянула Джордану в лицо и ощутила, как по щекам заструились слезы.

– Нет, – прошептала она. – Никаких известий...

Джордан привалился спиной к стене. На нем была лишь футболка с короткими рукавами, и набитые тушью узоры из Упанишад вились по бицепсам, как выюнки. Липнувшие ко лбу волосы были мокры от пота, на шее красная ссадина, оставленная лямкой арбалета во вчерашнем бою. В общем, вид не свадебный.

– Поверить не могу, – сказал он в миллионный, наверное, раз. – Прошляпил. Мне доверили Саймона, а я его прошляпил...

– Тут нет твоей вины. – Майя знала, что этими словами не помочь, но все равно не удержалась. – Ты же не можешь без конца отбивать атаки всякой сволочи. Я вообще считаю, что «Люпусу» не следовало поручать тебе это дело, не обеспечив серьезной поддержкой. Сам вспомни: когда Саймон утратил Метку, ты же их просил прислать подмогу, верно? А они как оглохли. Ты сделал все что мог.

Джордан опустил взгляд на свои руки и что-то буркнул. Кажется, Не все... Майя понимала, что должна подойти, обнять, посочувствовать. Заверить, что он тут не виновен.

Понимала, но не могла. Ее саму сейчас придавливал груз вины, тяжелый, как рельс, от невысказанных слов саднило глотку. Это длилось уже несколько недель.

Джордан, я должна тебе кое-что сказать.

Джордан, я должна.

Я...

Джордан...

Занавес молчания между ними разорвал телефонный звонок. С великой поспешностью, чуть ли не суетливо, Джордан полез в карман, выдернул свой мобильник, раскрыл его хлестким движением кисти и поднес к уху:

– Да?..

Майя не сводила с него глаз, до боли в груди навалившись на край кухонного шкафчика. До нее доносилось лишь неразборчивое бормотание на том конце, и к моменту, когда Джордан наконец закрыл телефон, она готова была раскричаться от нетерпения, тем более что в его глазах поблескивал огонек надежды.

– Звонил Тил Ваксельбаум, заместитель вожака из «Люпуса», – сказал он. – Срочно вызывают в логовище. Похоже, принято решение помочь мне в розысках Саймона... Хочешь со мной? Если отправимся прямо сейчас, к полудню успеем.

В его голосе, на фоне неподдельного беспокойства за друга, прорезалась просительная нотка. «Он не дурак, – подумала Майя. – Чувствует: что-то явно не в порядке. Знает...»

Она набрала в грудь побольше воздуха. Рвавшиеся наружу слова: *Джордан, нам надо поговорить*, – душили, не давали сглотнуть, но девушка загнала их внутрь. Сейчас наивысшим приоритетом была судьба Саймона.

– Конечно, – кивнула она. – Конечно, поехали вместе.

Первое, что увидел Саймон, были настенные обои, что не так уж и плохо. Простые бумажные обои, довольно старомодные. К тому же обшарпанные. И заплесневелые. Но в целом не самая страшная вещь, которая попадалась ему на глаза за прошедшую жизнь. Он пару раз мигнул, фокусируя взгляд на полосках, что вдоль и поперек секли орнамент из цветочков. Ушло не менее секунды, чтобы сообразить, чем эти полоски являются.

Он за решеткой.

Саймон тут же перекатился на бок и вскочил на ноги, даже не тратя время на определение размеров клетки, в результате чего больно приложился макушкой о стальные прутья «потолка» и непроизвольно осел на четвереньки, мотая головой и чертыхаясь.

Лишь сейчас он увидел, во что был одет.

Вместо привычной футболки – белоснежная романтическая блуза с широкими рукавами и кружевной отделкой. Но более всего озадачивали черные лосины.

Из глянцевой обливной кожи.

В обтяжку.

Обмирая, Саймон присмотрелся еще раз. Так и есть, на рубаше всамделишные кружева. Клин глубокого выреза, обнажающего грудь. И эти пикантные лосины...

– Ну почему, – высказался он по истечении минуты скорбного молчания, – почему всякий раз, когда мне кажется, что я дошел до точки, дело принимает еще более скверный оборот?

Тут, словно по команде режиссера, отворилась дверь, и в комнату впрыгнуло миниатюрное создание; какая-то темная фигура в коридоре тут же захлопнула дверь со скоростью тренированного агента секретной службы.

Существо, проникшее в узилище, на цыпочках прогарцевало к решетке и сунуло мордочку меж прутьев.

– Са-аймон... – проблеяло оно.

И хихикнуло.

Морин.

В обычных обстоятельствах – если похищение и заточение под замок можно назвать обычным делом – Саймон как минимум попросился бы наружу, рискнул бы выклянчить ключ, воззвал бы к милосердию. Но только не сейчас: что-то в облике Морин подсказало ему, что старания будут напрасны. Говоря конкретнее, на это намекал ее венец. Костяной. Из фаланг пальцев. Возможно, даже пальцев ног. Мало того, венец был усыпан самоцветами и блестками, подозрительно походившими на битое бутылочное стекло. Гарнитур дополнялся драным серо-розовым бальным платьем с широченным колоколом ниже талии, который напомнил юноше о костюмированных пьесах на сюжеты восемнадцатого века. Подобное одеяние не может не внушать тревогу.

– Привет, – опасливо сказал он.

Морин улыбнулась и еще глубже просунула мордочку.

– Как тебе нравится свой наряд? – пискнула она. – Я целый гардероб для тебя приготовила. Есть и сюртук, и килт, и много-много чего еще, но я хотела, чтобы ты для начала походил вот в этом. А еще я сама сделала тебе макияж. Правда-правда, никто не помогал! Ни вот столечки!

Саймону не потребовалось зеркало, чтобы увидеть собственные подведенные глаза. Скорбное знание пришло сразу и в полном объеме. Как краткая, но выразительная телеграмма о кончине близкого родственника. Как булыжник, угодивший в лоб.

– Морин...

– А сейчас я делаю для тебя ожерелье, – не слушая пленника, щебетала она. – И надо побольше драгоценностей. Хочу, чтобы ты носил *браслеты* – обожаю, не могу! – на *запястьях*!

– Морин, где я?

– У меня.

– Ясно. А где *мы*?

– Отель-отель-отель...

Не иначе, «Дюмор». Гм... Похоже на правду.

– Ясно, – вновь кивнул он. – И... и почему я в клетке?

Морин тихонько напевала себе под нос, поглаживая стальные прутья. Девочка, затерянная в своем внутреннем мире.

– Саймон-Саймон-Саймон, наконец мы вместе, навсегда, навек...

– Морин...

– Это твоя комната, – выпалила она. – Выйдешь из нее, когда будешь готов. У меня много чего есть для тебя. Кровать. И еще разные вещи. Несколько стульев. Тебе понравится. Маэстро! Музыку!

Она закружилась, едва не вывихнув себе ногу под непривычным весом платья.

Все в Саймоне теперь умоляло поаккуратнее подбирать слова. Юноша знал, что при желании способен обрести убедительный голос. Бархатного тембра. Такой понимающий. Сопереживающий.

– Морин... знаешь... ты всегда мне очень нравилась...

Эти слова словно по щелчку остановили кружение; отроковица вновь вцепилась в прутья.

– Ничего, не торопись, – промолвила она с ласковостью, от которой брала жуть. – Тебе просто нужно время. Всего-то. Ты научишься, вот увидишь. К тебе придет любовь. Все равно мы уже вместе. Станем править. Ты и я. Ты будешь править моим царством. Потому что я царица.

– Царица?

– Царица. Самодержавная владычица ночи, царица Морин. Хозяйка темноты. Повелительница мертвых. Царица Морин.

Из настенной лампы она извлекла свечу и вдруг ткнула ее между прутьями, более-менее целясь в сторону Саймона. Наклонилась и стала с улыбкой следить за белесой каплей воска, тут же застывавшего на некогда алом, ныне гнилом ковре. От усердия прикусив нижнюю губку, она выписывала запястьем какой-то узор, соединяя капли едиными линиями.

– Ты... царица?.. – тускло повторил Саймон. Юноша знал, что с некоторых пор Морин возглавляет нью-йоркский клан вампиров. Как-никак, а она убила Камиллу и заняла ее место. Но в том-то и дело, что руководителей кланов никто и никогда не именовал самодержавным титулом. Они даже одевались, как все, как Рафаэль, к примеру, а вовсе не щеголяли в вычурных одеяниях. Просто занимали ответственный пост, играли важную роль в сообществе вампиров. Администраторы.

Но вот Морин оказалась не такой. Да она и была принципиально иной: ребенком. Несовершеннолетней нежитью. Перед внутренним взором Саймона встали ее огромные глаза, вязаные нарукавники с яркими радужными полосками, а в ушах вновь зазвучал чуточку сопливый голос. Она была совершенно невинным созданием, простой школьницей, когда Саймон ее укусил. А потом ею занялись Камилла и Лилит: впрыснули зло в ее вены, вымыв всю невинность, заменив на безумие.

И ответственность за это нес он. Если бы Морин не была с ним знакома, если бы не следовала по пятам как собачонка, ничего бы с ней не случилось.

Морин кивала и улыбалась сама себе, целиком уйдя в создание на полу крошечного вулканчика из воска.

– Мне пора по делам, – вдруг заявила она и уронила горящую свечу, которая еще не успела погаснуть, когда девочка кинулась к двери.

Ей отворила все та же стремительная темная фигура. Мгновение спустя Саймон вновь остался один, в идиотских кожаных лосинах, рядом с дымящейся свечой, придавленный чудовищной виной на плечах.

По пути в «Претор Люпус» Майя хранила молчание; солнце тем временем поднималось все выше, а пейзаж за окном машины, представленный сначала Манхэттенем с его толпами, уступил место пробкам лонг-айлендского хайвея, а затем буколическим городишкам и фермам Нортфорка, откуда до «Люпуса» было рукой подать. Слева голубоватой льдистостью отливала поверхность Саунда, чуть подернутого рябью под пальцами ветра. Девушка на миг представила себе прыжок в эти воды и зябко передернула плечами.

– Ты в порядке?

Джордан почти всю дорогу молчал. В машине сквозило, и он сидел в кожаных водительских перчатках, которые не скрывали побелевшие костяшки рук, вцепившихся в баранку. Майя чуть ли не физически ощущала тревогу, волнами исходившую от него.

– Нормально все, – сказала она, что было неправдой. Ее беспокоила ситуация с Саймоном, к тому же она до сих пор сражалась со словами, которые стояли у нее поперек глотки. Не тот момент, чтобы их произносить, это понятно – ведь Саймон пропал, – и все же с каждой новой секундой девушке казалось, что она выпаливает очередную порцию лжи.

Они свернули на длинную дорогу с белым покрытием, которая тянулась далеко вперед, до самого Саунда. Джордан кашлянул.

– Ты же знаешь, что я тебя люблю.

– Знаю, – негромко сказала Майя и подавила желание добавить: «Премного благодарна».

Не полагается говорить такие вещи в ответ на признание в любви. Наоборот, полагается произнести то, что другой ожидает услышать, тем более это так очевидно...

Она бросила взгляд за окно – и даже вздрогнула, выбитая из размышлений:

– Джордан, смотри! Снег пошел!

– Вот уж вряд ли.

Однако в воздухе действительно плыли белые хлопья, липли к лобовому стеклу. Джордан остановил машину, покрутил рукоятку стеклоподъемника и высунул руку. Через пару мгновений его лицо помрачнело.

– Говорил же. Не снег это. Пепел.

У Майи екнуло сердце, когда пикап свернул за поворот под скрежет коробки передач. Перед ними, в том направлении, где на сером фоне полуденного зимнего неба должно было встать золотистое здание штаб-квартиры «Претора Люпуса», торчал столб черного дыма. Джордан выругался, резко вывернул руль влево, и пикап тут же угодил в придорожную канаву; мотор, обиженно кашлянув, заглох. Юноша ногой выбил дверцу и спрыгнул на землю, еще через секунду его примеру последовала Майя.

Штаб-квартира стаи была возведена на просторном лугу, который мягко спускался к Саунду. Центральный корпус был сложен из золотистого камня в романском стиле, с арочными портиками. Вот именно что был. Потому что сейчас на его месте высилась лишь груда развалин с почерневшими стропилами, которые торчали во все стороны, как обугленные кости в крематории. Сад, разбитый неподалеку, заметало пеплом и каким-то белесым порошком. Майя раскашлялась, вдохнув едкого воздуха, и поспешила прикрыть лицо ладонью.

У Джордана поседели брови от пепельных хлопьев. Он ошеломленно озирался по сторонам, всем своим видом выражая потрясение и неверие.

– Как же... что ж это...

Уголком глаз Майя заметила какое-то движение среди клубов дыма. Она дернула Джордана за рукав:

– Смотри! Вон там!

Юноша кинулся в ту сторону, огибая руины. Майя последовала за ним, хотя то и дело озиралась назад, на обгоревшие руины, торчавшие из земли: стены, подпирающие исчезнувшую крышу, зияющие оконные проемы с оплавленными переплетами, рассыпанные повсюду куски чего-то белесого, то ли каменных обломков, то ли костей...

Джордан вдруг замер. Подбежав, девушка встала за его плечом и машинально бросила взгляд под ноги. Кроссовки безнадежно перемазаны. Сейчас они находились в самом центре бывшего комплекса зданий, неподалеку виднелась полоска воды. Туда огонь не добрался, хотя все было засыпано съезжившимися листьями и пеплом... а среди аккуратно подстриженных зеленых изгородей лежали мертвые тела.

Оборотни всех возрастов, но по большей части молодые, в расцвете сил, буквально усыпали опрятные, словно нананикюренные садовые дорожки. Трупы уже заметало пеплом, как снегом во время метели.

Оборотни инстинктивно стремились окружать себя себе подобными, жить общинами, которые по своей организации напоминали волчьи стаи, чтобы подпитываться силой и отвагой друг друга. Увидеть такое число убитых – все равно что получить рваную рану в брюхе. Из бытия с кровью выдрали кусок. В памяти девушки всплыли слова Киплинга, что совсем недавно украшали стены «Люпуса». *Сила Стаи в том, что живет Волком, сила Волка – родная Стая*⁴.

Джордан, озираясь вокруг, немеющими губами шептал имена погибших: Андреа, Тил, Амон, Курош, Мара...

У самого берега Майя вдруг заметила какое-то колыхание. Чье-то тело, наполовину ушедшее в воду.

Она бегом бросилась туда, Джордан помчался за ней по пятам. За полосой пепла, где трава уступила место песку, Майя затормозила и упала на колени возле мертвеца.

Это был претор Скотт; он лежал ничком, до затылка уйдя в воду головой, разметавшийся венец волос был окрашен чем-то розовым. Подавшись ближе, Майя перевернула убитого и едва сдержала тошноту. Широко распахнутые глаза невидяще уставились в небо, глотка перерезана от уха до уха.

– Майя... – Девушка почувствовала руку у себя на плече. – Не надо...

Голос Джордана вдруг пресекся с каким-то странным звуком – и Майя вскочила, разворачиваясь в воздухе. Открывшаяся картина почти ослепила ее своим ужасом. Перед ней стоял Джордан, протягивая вперед руку, на лице полнейшее изумление, а из груди торчит лезвие меча. На клинке узор из черных звезд.

⁴ Строки из стихотворения «Закон Джунглей». Перевод В. Топорова.

Зрелище настолько безумное, невозможное, что невольно подумалось – это наверняка розыгрыш. Подобрал, наверное, где-то кусок театрального реквизита, примотал изолентой и думает, что...

Вокруг стали расплылось багряное пятно, просачиваясь сквозь кожаную куртку. Джордан вновь издал странный хлюпающий звук и стал оседать. Клинок скользнул назад, а юноша окончательно опустился на колени, открывая глазам Майи то, что находилось за его спиной.

Над Джорданом, не сводя взгляда с Майи, стоял незнакомец с массивным черно-серебряным мечом в руках. Клинок был залит кровью, вернее сказать, кровью был залит и сам хозяин оружия: с головы до пят, будто постоял перед вентилятором, который разбрызгивал алую краску.

Он улыбался во весь рот.

– Майя Робертс и Джордан Кайл, – промолвил он. – Много о вас слышан.

Пока Майя сама оседала на песок, Джордан стал заваливаться на бок. Девушка успела подхватить его голову, положила себе на колени. Скованная ужасом, оцепеневшая, будто ее парализовало ледяным холодом на дне реки. Джордан бился в конвульсиях у нее на руках, из уголков рта потекли кровавые струйки.

На миг Майе показалось, что незнакомец вышел прямоком из кошмаров Даниэля, ее брата. Он был прекрасен ликом и станом, как и Даниэль, хотя в остальном никакого сходства. В этом парне не было и намек на кожу медового цвета, которую они с Даниэлем унаследовали от родителей; нет, его словно вырезали из цельного куска льда. Белая кожа, резко очерченные бледные скулы, белые, как соль, волосы. Глаза смоляные, акульи, бесстрастные и холодные.

– Себастьян... – прошептала она. – Валентинов сын...

– Майя, – выдохнул Джордан. Его скрещенные на груди руки были уже по локоть в крови. С насквозь пропитавшейся футболки кровь стекала на песок, расплываясь багровым пятном. – Беги... не сиди...

– Тс-с... – Она поцеловала его в щеку. – Тебе надо беречь силы. И все будет хорошо.

– Вот уж вряд ли, – скучным голосом сообщил Себастьян. – Сдохнет он, никуда не денется.

Майя резко вскинула лицо.

– Заткнись, – прошипела она. – Заткнись, ты... мразь...

Его кисть сделала хлесткое движение – Майя в жизни не видела, чтобы кто-то двигался с такой скоростью, разве лишь Джейс, – и кончик меча уперся ей в ложбинку у горла.

– Сама заткнись. Нежить! Ты еще не посчитала, сколько вокруг тебя валяется трупов? Думаешь, меня волнует, одним больше, одним меньше?

Майя сглотнула ком в горле, но от меча не отпрянула.

– Но почему?! Я думала, у тебя разборки только с Сумеречными?

– А-а... долгая история, – процедил Себастьян. – Достаточно сказать, что с лондонским Институтом вышла досадная промашка: он оказался чересчур хорошо защищен, так что расплачиваться за это пришлось вашему «Люпусу». Я же должен был *кого-то* убить сегодня? Просто заранее не решил, кого именно. Проснулся утром – бац! настроение во! – а кого убить, не знаю. Хотя в принципе утренние часы мне очень по душе. Такая масса возможностей открывается...

– Да разве «Претор Люпус» имеет хоть какое-то отношение к лондонскому филиалу?!

– О-о, здесь ты очень ошибаешься. Тут целая эпопея. Но это уже не суть важно. Ты права, конечно, что у меня война с нефилимами, и это означает, что их союзники – мои враги. Вот это, – он обвел свободной рукой окрест себя, показывая на дымящиеся руины, – мое послание. А гонцом станешь ты.

Майя принялась было мотать головой, но что-то до боли сжало ей ладонь. Пальцы Джордана. Она посмотрела ему в лицо. Юноша был бледен, как кость, но глаза еще жили, искали ее ответный взгляд. Казалось, он хотел сказать: «Умоляю, сделай, как он хочет».

– В каком смысле... послание?... – прошептала она.

– Чтобы они не забывали шекспировскую мудрость, – улыбнулся Себастьян. – *«Не отдохну, не перестану биться, пока мне очи не закроет смерть иль рок не даст исполнить меру миценья»*⁵. – Он подмигнул, и с его по-девичьи длинных ресниц сорвалась капелька чужой крови. – Передай всей нежити, – продолжил он, – что я поставил себе целью отомстить и добыть своего. Любого союзника Сумеречных охотников ждет то же самое. Делайте что хотите, мне все равно, только не лезьте в нашу битву на стороне нефилимов, ибо в этом случае вы станете тем мясом, которое возьмется кромсать мой клинок – и клинки всего моего войска, – пока последний из вашего рода не будет сметен с лица земли. – Себастьян дал мечу опуститься, чуть ли не срезая пуговицы с блузки девушки. Он по-прежнему улыбался. – Ну что, волчица? Доставишь мое послание, не перепутаешь слова?

– Я...

– Ясное дело, не забудешь, – кивнул он и перевел взгляд на тело Джордана, уже переставшее шевелиться в ее руках. – Кстати, твой дружок подох.

Он вернул меч в поясные ножны и пошел прочь, загребая сапогами клубы пепла.

Магнус не навещался в «Охотничью луну» со времен сухого закона, когда из бара сделали подпольную забегаловку, где *примитивные* могли тихонько собираться, чтобы накачаться пойлом до отключки сознания. Где-то в середине сороковых заведение перешло в руки нежити и с той поры обслуживало именно эту клиентуру, в первую очередь оборотней. Выглядело местечко довольно убого, что в раннюю эпоху, что сейчас. Под слоем липких опилок не видно пола, вдоль одной из стен протянулась деревянная стойка с обшарпанной столешницей в бесчисленных, десятилетиями копившихся пятнах от мокрых стопок и испещренной длинными бороздами от когтей. Бармен Пит по прозвищу Ловкач в данную минуту был занят обслуживанием, а именно наливал колу Бэту Веласкесу, врио вожака манхэттенской стаи Люка.

Магнус задумчиво прищурился.

– Что, решил теперь на него переключиться? – поигрывая синими пальцами на стакане лимонного чая со льдом, спросила Катарина, сидевшая в сумраке напротив Магнуса. – А я-то думала, что после Вулси Скотта тебя уже не потянет на оборотней.

– Это совершенно ни при чем, – отвечал Магнус, хотя Бэт действительно неплохо выглядел, особенно если тебе нравятся широкоплечие здоровяки с каменными челюстями. Впрочем, сейчас маг был погружен в глубокую задумчивость. – Меня интересует нечто принципиальное иное.

– Чем бы это ни было, заклинаю: не делай! – тут же отозвалась Катарина. – Может плохо кончиться.

– Ты о чем?

– О том, что у тебя на уме. Вечно одно и то же. Мы знакомы с давних пор, так что я абсолютно точно знаю, что говорю. Короче, так: если ты вновь затеял пойти в пираты, то лучше не надо. Говорю же, может плохо кончиться.

– Я на одни и те же грабли не наступаю, – оскорбился Магнус.

– Вот именно. Потому что всякий раз ты кладешь себе под ноги новые, еще более тяжелые и опасные, – сказала Катарина. – Не делай! Слышишь? Не устраивай восстание оборотней, не затевай ничего такого, что случайно приблизит конец света, а главное: ни в коем случае не иди в модельеры нижнего белья!

⁵ Уильям Шекспир. Генрих VI, часть 3, акт II, сцена 3. Перевод Е. Бируковой.

– Гм... Любопытная мысль, – отметил Магнус. – Только я и не собирался менять профессию. Просто у меня из головы не выходит...

– Алек Лайтвуд? – ухмыльнулась Катарина. – Да уж, на него ты серьезно запал. Совсем на тебя не похоже.

– Ты еще мало меня знаешь, – буркнул маг, хотя и не очень уверенно.

– Я тебя умоляю. А кто, спрашивается, предложил мне поменяться местами при эвакуации Института, а? Чтобы кое-кто смог, видите ли, стоять в сторонке и не столкнуться с Алеком, когда тот будет проходить через Портал. А потом этот кто-то возьми да все же приди. Только не вздумай отрицать! Я не слепая.

– А я и не отрицаю. Потому что действительно пришел с ним попрощаться. Только зря. Ошибочка вышла. – Магнус залпом опрокинул стакан в рот.

– Да что ж это такое, я вас спрашиваю! – всплеснула руками Катарина. – А ведь и правда, Магнус. Ну расскажи, что тебя гложет? Я же помню, ты выглядел таким счастливым, когда вы были вместе. Хотя обычно, когда ты влюблен, вид у тебя самый несчастный. Взять, к примеру, Камиллу. Я ее терпеть не могла. И Рагнора от нее тошнило...

Магнус пару раз приложился лбом о столешницу.

– Да при виде нее всех буквально рвало! – не унималась беспощадная Катарина. – Злая, гадкая тварь, вот кем она была. Ну, положим, подманила хитрая сучка твоего бедненького, сладенького дружка, и что с того? Это ли причина рубить с плеча по великолепным отношениям? Все равно что посадить кролика к удаву и обидеться на злосчастного зверька, что его все-таки сожрали.

– Алек не кролик. Он Сумеречный.

– Ага. Причем раньше у тебя не было Сумеречных. В этом, что ли, все дело?

Магнус отодвинулся от стола, устав от запаха прокисшего пива, которым насквозь пропиталось дерево.

– В каком-то смысле, да, – сказал он. – Времена меняются. Ты не замечаешь?

– Что именно? – бросила на него взгляд Катарина.

– Нефилимы сохраняли статус-кво целое тысячелетие. Но что-то грядет, какая-то великая перемена. Мы всегда считали их за некую данность, однако найдутся колдуны, чей возраст позволяет им утверждать: мол, были времена, когда нефилимы не топтали землю, что их враз можно смахнуть с нее.

– Но ты же всерьез не...

– Сны. Мои сны, – прервал он. – Ты ведь знаешь, что порой я вижу вещие сны.

– Из-за отца. – Катарина кивнула, отставляя чай. Сейчас на ее лице отражалось напряженное внимание, ни малейшего намека на юмор. – А ты не думал, что он просто тебя пугает?

Катарина принадлежала к тем немногим, кто знал правду об отце Магнуса. Еще одним носителем тайны был Рагнор. Магнус не любил говорить на эту тему. Одно дело, когда у тебя родитель просто демон. И совсем другое, когда этому демону принадлежит изрядная доля адской недвижимости.

– А какой ему интерес? – пожал плечами маг. – Я же не в центре коловращения грядущего смерча.

– Но ты опасаясь, что в этом центре окажется Алек, – заявила Катарина. – И вот почему заранее отталкиваешь его, чтобы не потерять близкого человека позже.

– Ты давеча упомянула конец света. Дескать, ничего не делай, а то как бы его не приблизить... Я знаю, ты просто пошутила. Но мне как раз не до шуток, потому что не могу избавиться от ощущения, что апокалипсис действительно на подходе. Валентин Моргенштерн едва не уничтожил Сумеречных, а ведь его сынок раза в два умнее и в шесть раз злее. Причем явится он далеко не в одиночку. С подмогой от демонов похлеще моего папаши, не говоря уж про других...

– Откуда тебе это известно? – насторожилась Катарина.

– Да так. Покопался.

– Я думала, ты уже перерос ту фазу, когда помогал Сумеречным. – Катарина вскинула ладонь, прося помолчать. – Секундочку. Просто ты так часто это говорил, что ничего серьезного уже ожидать не приходится.

– В том-то и хитрость, – кивнул Магнус. – Покопался в одном месте, другом, третьем – и ничего не нашел. Кто бы ни был в союзниках у Себастьяна, дорожку следов к ним он замечает более чем тщательно. Мне постоянно кажется: вот-вот ухвачу за хвост, – ан нет, опять впустую... Так что, Катарина, не думаю я, что сумею помочь Сумеречным. Да и никто, пожалуй, не сумеет.

Магнус отвернулся, чтобы не видеть сочувственной физиономии напротив, и его взгляд упал на барную стойку в другом конце зала. Навалившись на столешницу, Бэт возился со своим телефоном. Свет экранчика падал ему на лицо, раскрашивая тенями разных оттенков. Тенями, которые Магнус видел на лицах всех смертных: людей, Сумеречных охотников, всякой твари, которой на роду написано умереть.

– Их всех ждет один и тот же конец, – промолвила Катарина. – Ты сам всегда это знал и тем не менее позволял себе влюбляться.

– Но не так сильно, как сейчас.

Она изумленно втянула воздух сквозь зубы:

– Да ты... О-о... – Катарина вновь взяла в руку стакан с чаем. – Магнус, – мягко сказала она. – Ты невозможный дурак.

Прищуренные глаза впились ей в лицо.

– Вот как?

– Если это настолько сильно, ты просто обязан быть рядом с ним. Вспомни Тессу. Она тебя ничему не научила? Про любовь, что стоит той боли, когда ее теряешь?

– Он в Аликанте.

– И? – вздернула брови Катарина. – Ты же вроде как официальный представитель от колдунов в составе Совета. Правда, только на бумаге, потому как самоустранился, взвалил на меня всю работу... Словом, отправляйся в Аликанте. И вообще, мне кажется, тебе есть что сообщить и Конклаву, и Совету – во всяком случае, намного больше, чем мне. А кстати... – Она полезла в карман форменного медицинского халата: в бар Катарина заглянула по дороге домой, возвращаясь из больницы, где работала. – Вот.

Магнус принял из ее пальцев мятый листок бумаги.

– Званный ужин? – недоуменно вскинул он глаза.

– Мелиорн от имени Дивного народца приглашает нежить в составе Совета отужинать в ночь накануне заседания, – пояснила колдунья. – Типа, жест доброй воли и всякое такое. А может, просто хочет поиграть у всех на нервах своими ребусами. Как бы то ни было, а скучать не придется.

– Кухня фейри, – мрачно покивал Магнус. – Глаза б мои ее не видели. Я уж не говорю про деликатесы, после которых штормит ближайшие сто лет. Сыроеды... Разложат раздавленных жуков по тарелкам...

Он оборвал себя на полуслове. Сейчас сидевший у барной стойки Бэт держал мобильник возле уха, другой рукой вцепившись в столешницу.

– Что-то не так, – медленно сказал Магнус. – Что-то в стае случилось...

Катарина давно знала своего собеседника и хорошо усвоила, что он редко ошибается. Отставив стакан, она повернула голову, переведя взгляд на Бэта. Тот успел захлопнуть свой телефон и сейчас сидел весь белый, отчего шрам на щеке особенно четко бросался в глаза. Подавшись через стойку, он что-то сказал Ловкачу, затем сунул пальцы в рот и свистнул.

Звук вышел похожим на гудок паровоза, прорезав гул голосов. Через секунду все оборотни были уже на ногах, хлынув к барной стойке. Магнус тоже поднялся, и Катарина придержала его за рукав:

– Не взду...

– Чушь!

Он стряхнул ее пальцы и полез раздвигать плечом толпу, которая полукольцом уже окружила Бэта. Оборотни кидали подозрительные взгляды на колдуна, затесавшегося в их ряды, и старались держаться поближе к вожаку. Какая-то блондинка все же решилась было преградить магу путь, но Бэт вскинул ладонь: все в порядке, Анабель.

– Магнус Бейн, если не ошибаюсь? – сказал он, пусть не очень дружелюбно, но все же вежливо. – Верховный маг Бруклина? Помнится, Майя Робертс говорила, что вам можно верить...

– Можно.

– Просто замечательно. Но у нас, знаете, семейные дела тут срочные... Вы что-то хотели?

– Вам только что позвонили, – показал Магнус на мобильник Бэта. – Это случайно не Люк? Что-то случилось в Аликанте?

Бэт отрицательно помотал головой, сохраняя совершенно непроницаемое выражение лица.

– В таком случае нападение на очередной Институт?

Магнус привык, что всезнайкой является как раз он, и потому терпеть не мог подобные ситуации. Хотя нью-йоркский филиал был сейчас полностью эвакуирован, это не исключало возможность битвы за какой-то другой Институт – битвы, в которой Алек мог принять участие...

– Нет, дело не в Институтах, – сказал Бэт. – Звонила Майя. «Претор Люпус» сожгли дотла. Погибло не меньше сотни наших, в том числе претор Скотт и Джордан Кайл. Война Себастьяна Моргенштерна теперь пришла и к нам.

6. Братец Свинец и сестрица Сталь⁶

– Да не швыряй ты! Не швыряй! О! Ну что за бестолочь... – Джулиан вздохнул, провожая глазами ломтик жареной картошки, едва не угодивший ему в ухо.

– Ничего страшного, ребенок кушает, – заступилась Эмма за Тавви. Она сидела, опершись спиной о детскую кроватку, и наблюдала, как Джулиан справляется с процессом кормления своего младшего брата. Тавви достиг того возраста, когда ребенок становится разборчив в еде, и все, что не удовлетворяет его требованиям, тут же оказывается на полу или на родственниках. – Подумаешь, абажур слегка запачкался.

К счастью, мансарда семейства Пенхоллоу, где разместились «сироты войны» – так именovali нынче младших Блэкторнов и Эмму, – оказалась чрезвычайно практичным и надежно устроенным помещением, которое совсем не походило на остальную часть этого элегантного дома. Мансарда занимала весь верхний этаж: несколько комнат, небольшая кухня и ванная с туалетом. Сейчас раскладушки стояли как попало, повсюду были раскиданы личные вещи. Хелен поселилась с Алиной внизу, хотя к ребятам поднималась каждый день; Эмма получила в свое распоряжение отдельную комнату, как, впрочем, и Джулиан, который тем не менее почти не появлялся у себя. Дело в том, что Друзилла и Октавий до сих пор вскакивали по ночам с криком, и Джулс завел привычку ночевать с ними рядом, на полу, раскатав матрас возле кроватки Тавви. Поскольку высокого детского стульчика в доме не нашлось, сейчас Джулиан сидел напротив карапуза на испачканном одеяле, с тарелкой в одной руке, ложкой – в другой... и с выражением полнейшего отчаяния на физиономии.

Эмма перебралась ближе и, взяв Тавви на колени, уселась напротив. Чем-то малыш был явно недоволен.

– Мемма, – сердито сказал он.

– Покажи ему паровозик, – посоветовала девочка Джулсу. И невольно подумала: есть ли смысл добавлять, что у него кетчуп на волосах? Пожалуй, лучше не надо.

Джулиан принялся гудеть, выписывая замысловатые кривые ложкой, прежде чем сунуть ее в рот ребенку. Тот уже позабыл дуться и сейчас вовсю заливался смехом. Эмма молча смотрела, силясь подавить в себе чувство горькой утраты. В памяти всплыло, как отец послушно ковырял у нее в тарелке, когда она переживала фазу категорического неприятия любой еды зеленого цвета.

– И все-таки у него плохой аппетит, – тихо сказал Джулиан, собирая «вагончики» из кусочков хлеба с маслом, к которым уже нетерпеливо тянул липкие руки малыш.

– Но ведь ему грустно, – напомнила Эмма. – Пусть он и дитя малое, но все равно понимает, что случилось нечто плохое. Тоскует и по отцу, и по Марку.

Джулс устало потер глаза, добавив на правую скулу лишний мазок томатного соуса.

– Я их ему не заменю. – Кусочком яблока он попытался заткнуть рот ребенку. Тот немедленно расплевался, всем своим видом демонстрируя мрачное удовлетворение. Джулиан в который раз вздохнул. – Слушай, меня беспокоит, как там Дрю с близняшками. По идее, они должны сейчас резаться в «Монополию» в спальне, так что, сама знаешь, за ними глаз да глаз...

Чистая правда. Тиберий, с его аналитическим складом ума, почти всегда побеждал в любой игре. Ливви это ничуть не задевало, чего не сказать про Дрю, имевшую склонность всюду видеть соперничество, и, как следствие, многие матчи заканчивались трепкой за волосы с обеих сторон.

– Да не отвлекайся, я сама их провожаю.

⁶ Зигфрид Сассун, «Поцелуй». Из цикла «Старый охотник» (1917).

Девочка передала ему Тавви и уже поднималась на ноги, когда в комнату вошла чем-то озабоченная Хелен. Когда она увидела Джулиана, ее задумчивость уступила место нерешительности с оттенком какой-то вины. У Эммы поползли мурашки дурного предчувствия.

– Хелен? – насторожился Джулс. – Что-то не так?

– Войска Себастьяна нанесли удар по лондонскому Институту...

Мальчик застыл. Эмме почудилось, что сейчас его нервы стали ее собственными, а его страх переселился и в нее. На лице друга – и без того худощавом – натянулась кожа, хотя руки продолжали легонько, осторожно придерживать ребенка.

– Дядя Артур?..

– Он жив, он жив, – торопливо заверила Хелен. – Только ранен. Поэтому его эвакуация в Идрис немножко откладывается, но главное, что он жив. Мало того, в лондонском Институте потерь совсем нет. Атака отбита. Полностью.

– Как это? – Голос Джулса мало чем отличался от шепота.

– Мы не знаем... пока что. Сейчас я с Алиной иду в Гард, там будут Консул и все остальные, попробуем выяснить что к чему. – Она присела на корточки и погладила кудряшки Тавви. – Это *очень хорошие* новости, – настойчиво пояснила она, адресуясь конкретно Джулиану, который выглядел скорее ошарашенным, чем испуганным. – Да, я знаю, это вызывает опасения – то, что Себастьян вновь нанес удар, – но ведь ему дали по носу, и еще как!

Эмма встретила глазами с другом. Наверное, полагается скакать от радости при таких известиях, однако девочку мучило гадкое чувство зависти. Ну почему лондонцам повезло, а вот ее семья погибла? Каким образом они сумели сражаться лучше, добиться большего?

– Это нечестно, – промолвил Джулиан.

– Нет, Джулс, – твердо сказала Хелен, вставая во весь рост. – Это называется «победа». Пусть небольшая, но она тоже кое-что значит. Теперь мы знаем, что *можем* одолеть Себастьяна с его войском. Можем разбить их. Переломить ход войны. Теперь не надо так сильно бояться. И это главное.

– Вот бы его живьем словить... – пробурчала Эмма, глазами разговаривая с Джулианом. – И казнить – публично, на площади Ангела... Ох, я бы посмотрела. Только чтоб помедленней, чтоб помучался...

– Эмма! – ужаснулась Хелен, однако в глазах Джулиана читалось полнейшее одобрение и согласие.

Никогда еще Эмма не переживала столь яркое чувство любви к нему – за то, что в его зрачках, как в зеркале, отразились самые темные стороны ее сердца.

Оружейная лавка побила все ожидания. Клэри никогда не думала, что слово «шикарный» может подойти к магазину, где торгуют оружием. Шикарным бывает закат или, скажем, вид на ночной Нью-Йорк с его небоскребами, но чтоб прийти в восторг от прилавков с шипастыми булавами, секирами и замаскированными под тросточку шпагами...

Тем не менее так оно и вышло. Вывеска оказалась в виде кованого колчана, по которому шла надпись вычурным курсивом: «*Стрела Дианы*». Внутри все стены завешаны своеобразными веерами из смертоносных клинков, искрившихся золотом и серебром искусных насечек. С потолка свешивалась массивная люстра, украшенная стилизованными изображениями оперенных стрел в полете. Что касается собственно боевых стрел, то для них были отведены резные деревянные этажерки. Тибетские прямоклинковые мечи, чьи рукояти украшались бирюзой, серебром и кораллом, соседствовали с изогнутыми бирманскими *дха*, хвостовики которых были надчеканены медью и латуной.

– Что это тебя разобрало? – спросил Джейс, снимая с постамента исписанную иероглифами японскую алебарду-*нагината*. Когда он поставил ее рядом, придерживая древко изящ-

ными длинными пальцами, узкое лезвие вознеслось выше его головы. – Я имею в виду этот внезапный интерес к железу.

– Когда двенадцатилетняя девчонка наставительно указывает тебе, мол, что за дрянь ты носишь на поясе, начинаешь понимать, что пора менять аксессуар, – пожала плечами Клэри.

Женщина, стоявшая за прилавком, рассмеялась. Присмотревшись, девушка узнала в ней татуированную японским карпом особу, которая задала вопрос на заседании.

– В таком случае, дорогуша, ты попала по адресу!

– Это вы хозяйка? – поинтересовалась Клэри, рассеянно проверяя остроту одного из длинноклинковых мечей с железной рукоятью.

Женщина усмехнулась:

– Да, это я. Диана. Диана Рэйбёрн.

Клэри потянулась за рапирой, но Джейс, прислонив *нагинату* к стене, покачал головой:

– Для тебя это все равно что двуручный меч. Хотя... Как говорится, вольному воля.

Девушка показала ему язык, но все же переключила внимание на соседний короткий меч. Вдоль клинка шли какие-то риски, которые она поначалу приняла за царапины. Но когда присмотрелась, стало ясно, что это надпись, только на незнакомом ей языке.

– Это руны, хотя не такие, как у нас, Сумеречных охотников, – пояснила Диана. – Меч викингов. Очень старый. И очень тяжелый.

– А вы не знаете, что здесь написано?

– «Только достойному», – ответила оружейница. – Мой отец любил говаривать, что великий клинок отличается от рядового наличием собственного имени. Или надписи.

– Вчера я один такой видела, – вспомнила Клэри. – Как там было-то?.. А! «Я той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль».

– Кортана! – У Дианы загорелись глаза. – Клинок Хольгера Датского! Ничего себе... Все равно что владеть Экскалибуром или Кусанагино цуруги. Если не ошибаюсь, этот меч принадлежит роду Карстэйрсов. Вчера на заседании я видела Эмму. Это она сейчас хозяйка Кортаны?

Клэри кивнула.

Диана скорбно поджала губы.

– Несчастный ребенок, – промолвила она. – Да и Блэкторны... Потерять столько людей при одном-единственном ударе... Что бы такое для них сделать, чем помочь, ума не приложу.

– Как и я, – вздохнула Клэри.

Диана подарила ей оценивающий взгляд и, что-то прикинув в уме, нырнула за прилавок. Через пару мгновений она появилась с мечом, который длиной лезвия не уступал предплечью девушки.

– Ну как? Нравится?

Клэри не сводила с оружия глаз. Ничего не скажешь, воистину произведение искусства. Защитная крестовина, черенковый крыж и яблоко навершия были выполнены из чистого золота с зачеканенными вставками из обсидиана; собственно клинок – черненное серебро, до того темное, что его, должно быть, искупали в вечных сумерках. Девушка тут же перебрала в уме все известные ей типы рубящего оружия, что встречались на занятиях: палаши, ятаганы, сабли, тесаки, двуручные мечи...

– *Чинкуэда*? – наудачу предположила она.

– Нет-нет, чинкуэда относится к кинжалам, а это классический короткоклиновый меч, причем особенный. – И Диана молниеносным движением перевернула его другой стороной.

Глазам Клэри открылся узор из черных звезд, шедший вдоль лезвия.

– О-о... – У девушки дернулось, заныло сердце; она невольно отшагнула и едва не сбила с ног Джейса, который стоял позади, вытянув шею над ее плечом и хмуро помаргивая. – Это же меч Моргенштернов...

– В точку. – В глазах Дианы прыгали лукавые бесенята. – Когда-то их род заказал Вэйланду-Кузнецу комплект из пары мечей: один подлиннее, другой покороче, для отца с сыном. А коль скоро Моргенштерн в переводе означает «утренняя звезда», каждый из клинков был окрещен в честь одной из ипостасей этой звезды. Малый меч – вот этот – именуется Геспер, то есть «несущий зарю», ну а больший известен под именем Фосфор, что означает «светоносный». Ты, вероятно, видела Фосфор: ведь именно с ним ходил Валентин Моргенштерн; теперь им владеет его сынок.

– Вы знаете, кто мы, – сказал Джейс, и его слова не прозвучали как вопрос. – Кто такая Клэри.

– Мир Сумеречных охотников тесен, – пожала плечами Диана, поглядывая то на девушку, то на ее спутника. – А я к тому же член Совета. Да, дочь Валентина, в свое время я присутствовала при твоём допросе.

Клэри с подозрением косилась на клинок.

– Что-то я не поняла, – сказала она наконец. – Валентин ни за что не расстался бы с родовой реликвией. Откуда у вас этот... Геспер?

– Жена Валентина продала, – ответила Диана. – Ещё моему отцу, который владел этой мастерской до Восстания. Меч принадлежал ей. Так что теперь он по праву может перейти к тебе.

Клэри передернуло.

– Большой версией этого меча владел сначала один мужчина, теперь владеет другой, но я ненавижу их обоих. На свете не осталось никого из Моргенштернов, кто бы не присягнул чистому злу.

– А как же ты? – напомнил Джейс.

Она покосилась на юношу, но тот стоял как ни в чем не бывало.

– В любом случае он мне не по карману, – нахмурилась Клэри. – Золото, черное серебро, *адамас*... На такое оружие нужны немалые деньги.

– А кто сказал, что я его продаю? – поиграла бровями Диана. – Тебе я его и так отдам. Ты верно подметила, что народ ненавидит Моргенштернов; люди страшат друг друга историями про то, как создавались эти мечи, как в них вдохнули черную магию, чтобы одним взмахом погубить очень многих. Конечно, это всего лишь побасенки, но... Короче, эту вещь я вообще никому не смогу продать. Если даже захочу – что вряд ли. Меч просто-напросто должен попасть в добрые руки.

– Даже прикасаться не желаю... – прошептала Клэри.

– Стоит лишь раз испытать боязнь перед этим оружием, как оно тут же возымеет над тобой власть, – предостерегла Диана. – Так что бери-ка его в руки... чтобы перерезать брату глотку и вернуть честь роду.

С этими словами она придвинула лежавший на прилавке меч ближе к девушке. Та безмолвно обвила пальцами эфес – и обнаружила, что хват вышел идеальный, словно рукоять была отлита под ее ладонь. Несмотря на сталь клинка и драгоценные металлы, пошедшие на украшения, Геспер оказался легким как перышко; черные звезды, бежавшие по клинку, словно подмигивали новой владелице; на кромке вспыхивали искры, как если бы по лезвию струился жидкий огонь.

Клэри вскинула глаза, чтобы поделиться восторгом, но у Дианы в тот же миг возник в руке какой-то листок, словно она выхватила из воздуха материализовавшийся свет. Оружейница пробежала его глазами, с каждой секундой мрачней все больше и больше.

– Ангел спаси и сохрани, – вздохнула она. – Лондонский Институт атакован.

Клэри едва не выронила клинок. Джейс за ее спиной втянул воздух сквозь зубы.

– И? – требовательно сказал он.

Диана перевела взгляд на юношу:

– И ничего. Судя по всему, лондонский филиал был защищен особым оберегом, о котором не знал даже Совет. Несколько раненых, но убитых нет. Себастьяново войско отбито. К сожалению, ни одного из Помраченных не то что не удалось взять в плен, среди них даже потерь нет.

Лишь сейчас, слушая оружейницу, Клэри обратила внимание, что та была в белом траурном одеянии. Получается, война унесла кого-то из ее родных тоже? Но когда? Во время Восстания или при атаках брата на Институты?

Сколько крови пролито руками Моргенштернов?

– Мне... очень жаль, – еле выдавила она сквозь перехваченное горло.

Перед глазами встал Себастьян, весь в алом, и не только из-за цвета одежды. Чужая кровь на серебристых волосах и серебристом клинке. Девушку повело, все кругом завертелось...

На плече лежала чья-то рука, легкие вдыхали свежий, морозный воздух. Сама не зная как, она очутилась на улице, мимо торопились прохожие, а рядом стоял Джейс.

– Клэри, – повторял он. – Успокойся, ничего страшного не случилось. Лондонцы спаслись все до единого.

– Но ведь Диана упомянула про раненых, – сказала она. – Из-за Моргенштернов вновь пролилась кровь.

Юноша бросил взгляд на клинок, до сих пор зажатый в ее правой руке, да с такой силой, что побелела кожа на пальцах.

– Ты не обязана принимать этот меч...

– Нет-нет, Диана права. Бояться Моргенштернов – значит... значит признать власть Себастьяна надо мной. Чего он и домогается.

– Согласен, – кивнул Джейс. – Поэтому я прихватил вот это.

Он протянул ей ножны из темной кожи, с тесненным узором из серебристых звезд.

– Ты же не можешь ходить по улице с обнаженным клинком, – добавил он. – В смысле, можешь, конечно, но народ станет коситься.

Клэри приняла ножны, вложила клинок и сунула себе за пояс, прикрыв затем полой плаща:

– Так лучше?

Он смахнул с ее щеки рыжий локон:

– У тебя впервые появилось настоящее оружие, нечто принадлежащее только тебе. Род Моргенштернов вовсе не проклят, Клэри. Наоборот, это честное, прославленное имя, которому многие сотни лет. *Утренняя звезда*...

– На самом деле это даже не звезда, – проворчала Клэри. – А просто планета. Нам все разъяснили в школе, на уроках астрономии.

– Увы-увы, система образования у *примитивных* до ужаса прозаична, – развел руками Джейс. – Взгляни-ка! – Он показал вверх. Клэри взглянула, но отнюдь не на небо. А на юношу, на его светлые волосы, в которых играло солнце, на линию его улыбчивых губ. – Задолго до раскрытия сущности планет люди знали, что в драпировке ночного небосвода есть какие-то про-рехи. Звезды. Одна из них всегда вставала на востоке с приходом нового дня, и люди называли ее утренней звездой, светоносной, провозвестницей зари. И что, разве это так плохо? Нести свет миру?

Охваченная внезапным порывом, Клэри поцеловала его в щеку:

– Ладно, убедил. Действительно, так куда поэтичнее, чем школьная астрономия.

Джейс снял руку с ее плеча и улыбнулся.

– Вот и славно, – сказал он. – Очень кстати. Пошли, займемся кое-чем поэтическим. Пошли-пошли, я хочу тебе кое-что показать.

Саймона разбудили чьи-то ледяные пальцы на висках.

– Открывай глаза, светолубец, – потребовал нетерпеливый голос. – Разнежился тут, а времени в обрез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.